

Сетевой научный журнал

Научный результат

Research result

Том 1

№2 2014

Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal

*Социальные и
гуманитарные
исследования*

ISSN 2408-932X

9 772408 932009

Сайт журнала:
<http://belsu-research-result.ru/>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-932X

Том 1. №2(2), 2014

Учредитель:

ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Ольхов П. А., доктор философских наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА СЕРИИ:

Волкова О. А., доктор социологических наук,
профессор

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Мотовникова Е. Н., кандидат философских
наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ:

Носова Т. В., кандидат философских наук, доцент

РЕДАКТОРЫ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ СЕРИИ:

Лященко И. В., кандидат филологических наук,
доцент

Мусаелян Е. Н., кандидат педагогических наук,
доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Жиров М. С., доктор педагогических наук,
профессор, **председатель**, Россия

Аронов А. А., доктор культурологии, доктор
педагогических наук, профессор, Россия

Атлагич С., доктор политических наук,
доцент, Республика Сербия.

Буксикова О. Б., доктор искусствоведения,
профессор, Россия

Быстрыанцев С. Б., доктор социологических
наук, профессор, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, Австралия

Иванова И. И., доктор философских наук,
профессор, Республика Кыргызстан.

Исаев И. Ф., доктор педагогических наук,
Почетный профессор, Россия

Капицын В. М., доктор политических наук,
профессор, Россия

RESEARCH RESULT

SERIES «SOCIAL
STUDIES AND HUMANITIES»

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2408-932X

Volume 1. №2(2), 2014

Founded by:

Belgorod State University

EDITOR-IN-CHIEF:

Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor of
the Department of Philosophy and Theology, Faculty of
Theology and Social Sciences, Belgorod State National
Research University

DEPUTY CHIEF:

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Head of
the Department of Social Work, Faculty of Theology and So-
cial Sciences, Belgorod State National Research University

SECRETARIAT

Elena N. Motovnikova, Ph.D. in Philosophy, Associ-
ate Professor, Department of Philosophy and Theology,
Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod State
National Research University – **make-up editor**

Tatiana V. Nosova, Ph.D. in Philosophy, Associate Pro-
fessor, Department of Philosophy and Theology, Faculty
of Theology and Social Sciences, Belgorod State National
Research University – **executive secretary**

Elena N. Musaelyan, Ph.D. in Education, Associate
Professor, Department of Foreign Languages of Peda-
gogical Institute, Belgorod State National Research Uni-
versity – **English text editor**

EDITORIAL BOARD:

Mikhail S. Zhironov, Doctor of Education, Professor of
the Department of Social Work, Dean of the Faculty of
Theology and Social Sciences, Belgorod National Re-
search University – a chairman

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doc-
tor of Education, Head of History, History of civilization
and Museum management studies department, Institute
of Cultural Studies and Museum management studies of
Moscow State University of Arts and Humanities

Siniša Atlagić, Doctor of Political Sciences, Associate
Professor, Department of Political Sciences, State Univer-
sity of Belgrade, Republic of Serbia.

Olga B. Buksikova, Doctor of Art study, Head of the de-
partment of theory and methodology of choreography, pro-
ducing, dramatics and choreography faculty of Belgorod
State Institute of Arts and Humanities.

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Depart-
ment of History and Political Sciences, St. Petersburg
State University of Economics

Лапина С. В., доктор социологических наук, профессор, Республика Беларусь

Липич В. В., доктор филологических наук, профессор, Россия

Липич Т. И., доктор философских наук, доцент, Россия

Майданский А. Д., доктор философских наук, профессор, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, Республика Сербия

Малай В. В., доктор исторических наук, профессор, Россия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, Республика Сербия

Микешина Л. А., доктор философских наук, Почетный профессор, Россия

Митрович Л., доктор наук, профессор-эмеритус, Республика Сербия

Окладникова Е. А., доктор исторических наук, профессор, Россия

Пенской В. В., доктор исторических наук, профессор, Россия

Романова А. П., доктор философских наук, профессор, Россия

Старостенко К. В., доктор политических наук, профессор, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, Эстония

Харченко В. К., доктор филологических наук, профессор, Россия

Чжу Цзянган, доктор филологических наук, доцент, Китайская Народная республика

Чович Б., доктор филологических наук, академик, Республика Сербская Босния и Герцеговина

Sarah Wendt, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

Irina I. Ivanova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Science, the Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University

Svetlana V. Lapina, Doctor of Sociology, Head of the Department of Public Administration and Social Sphere and Belarusian Studies, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

Vasily V. Lipich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Deputy Dean for Research and International Activities, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Vera V. Malai, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of International Relations and Ukrainian studies, Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, Belgorod National Research University

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Ljudmila A. Mikeskina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University

Ljubiša Mitrović, Doctor of Science, Emeritus Professor at the Center for Balkan Studies, State University of Nis, Republic of Serbia

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University

Konstantin V. Starostenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Cultural Studies and Political sciences at the State University – Educational, Research and Manufacturing Complex in Oryol

Harri Taliga, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University

Tszyangan Zhu, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of Philology at the University of Suzhou, the People's Republic of China, Jiangsu Province

Branimir Čović, Doctor of Philology, Member of the Academy of Sciences, Professor of Pan-European University, Republika Srpska Bosnia and Herzegovina

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Акмалова А. А.** О теоретико-методологических основах реформы местного самоуправления.....5
- Окладникова Е. А.** Внутригосударственный межэтнический конфликт: факторы социального напряжения в нарративах жителей Санкт-Петербурга.....17
- Московкин В. М.** Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники.....29
- Колесников С. А.** Стратегии деструктивности в русской литературе Серебряного века: социально-гуманитарный аспект.....42
- Окладникова Е. А., Марова А. О.** Метаспространство дачных ландшафтов северных окрестностей Петербурга конца XIX - начала XX вв.....52
- Лопин Р. А.** Духовно-исторические смыслы поэзии А. С. Хомякова (опыт культурологической реконструкции).....63
- Шило Е. И.** О первом научно-мировоззренческом опыте Н. Н. Страхова.....71
- Мальцева Н. Н.** Философско-методологические аспекты взаимодействия естественных и гуманитарных наук78
- Пеньков В. Е., Субботин А. В.** Методологические проблемы «человекомерности» современных космологических теорий.....85

АРХИВ

- Иоанн Малала.** Хронография. Книга XIII (окончание). Перевод Н. Н. Болгова.....92

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

- Липич Т. И.** Международная научно-практическая конференция «Евангелие в контексте современной культуры».....98
- Зубарев В. А.** Прошлое, которое не проходит... Несколько слов о культурологии Майя.....103

RESEARCHES

- Akmalova A. A.** On the theoretical and methodological basis of the reform of local government.....5
- Okladnikova E. A.** Domestic ethnic conflict: the factors of social tension in the narratives of the residents of Saint Petersburg.....17
- Moskovkin V. M.** Belgorod teachers' training institute: directors, staff and graduates.....29
- Kolesnikov S. A.** The strategies of destructiveness in the Silver age of russian literature: the social and humanitarian aspects.....42
- Okladnikova E. A., Marova A. O.** Metaspace of suburban landscape of the northern environs of St. Petersburg in the late XIX - early XX centuries.....52
- Lopin R. A.** The poetry of A. S. Khomyakov and its spiritual and historical essences (poetic knowledge of cultural renewal).....63
- Shilo E. I.** Revisiting the first scientific and worldview experience of N. N. Strakhov.....71
- Maltseva N. N.** Philosophical and methodological aspects of the natural sciences and humanities interaction78
- Penkov V.E., Subbotin A. V.** The methodological problems of "human-sizedness" of modern cosmological theories.....85

ARCHIVE

- Translated by Nikolay N. Bolgov
JOANNIS MALALAE. CHRONOGRAPHIA. Book XIII (Ending).....92

MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

- Lipich T. I.** International scientific and practical conference "The gospel in the context of modern culture".....98
- Zubarev V. A.** The past that does not let go... A few words about cultural studies of Maya.....103

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 001.2

Акмалова А. А.

**О ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ
РЕФОРМЫ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ**

АННОТАЦИЯ

Исследование, отраженное в статье, посвящено одной из наиболее дискуссионных проблем юридической науки – методологическим основам теории и практики местного самоуправления. В современных условиях местное самоуправление уже не может рассматриваться в рамках противопоставления общественного и государственного феноменов. Как публичная власть оно представляет собой и власть государственную, и гражданское общество.

Анализ текущих научных публикаций показывает, что вместе с муниципальной практикой развивается и теория местного самоуправления, и вклад в ее развитие вносят представители разных научных дисциплин: юристы, социологи, политологи, экономисты. В методологии муниципально-го права неизбежно присутствуют не только общенаучное и специальное, но и междисциплинарное направления, каждое со своим специфическим инструментарием, что позволяет сделать вывод о принципиальном значении интегративного свойства для эффективности рассматриваемой методологии.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальная теория; теоретико-методологические основания науки муниципального права; муниципальное образование; самостоятельность местного самоуправления.

Alfiya A. Akmalova

**ON THE THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL BASIS
OF THE REFORM OF LOCAL
GOVERNMENT**

ABSTRACT

The author studies the issue of scientific and analytical support for the development of local government, with a focus on theoretical and methodological issues. It explains the debatable methodology of the municipal law, policy, and the interdisciplinary nature of the theory of local government, its «catching-up» attitude to the municipal practices. The materials of the study can be useful in both research and practical work in the sphere of management and legal support of the local government.

The most important findings of the study include the fact that in the current context the local government cannot be considered as a part of the set-off of public and state phenomena. As a public authority, it is both the state power, and the civil society.

Key words: local self-government; municipal theory; theoretical and methodological foundations of the science of municipal law; municipality; independence of local government.

Как известно, весьма сложный и противоречивый период возрождения и становления российского местного самоуправления в очередной раз завершился признанием необходимости новой реформы¹. Законы СССР (РСФСР) 1990-1991 гг., разработка и принятие Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» на основе конституционно-правовой модели в 1993-1995 гг., муниципальная реформа 2003 г., потребовавшая довольно продолжительного по времени переходного периода и справедливо вызвавшая критику не только теоретиков, но и практиков муниципализма, – это только основные «повороты» и «виражи», которые можно отметить на сравнительно коротком пока пути современной модели этой формы народовластия.

Конечно, следует признать, что за прошедшее двадцатилетие были достигнуты на этом пути и очевидные успехи. Создана значительная нормативная база. Российская Федерация подписала и ратифицировала Европейскую Хартию местного самоуправления. В системе местного самоуправления подготовлены и накопили практический опыт новые кадры, – это и выборные должностные лица, и муниципальные служащие. Трудно не заметить, что интересы местного самоуправления стали близки и многим жителям российских городов и сел, которые постепенно включаются в решение вопросов своей жизнедеятельности. Этот перечень положительных сдвигов, безусловно, можно продолжить.

Более того, как показывает анализ практики многих муниципальных образований, о таких успехах не только можно, но и необходимо говорить. Ибо положительные сдвиги происходили не только в условиях непрекращающихся реформ, но и отсутствия необходимых организационно-политических и экономических условий становления народовластия². К факторам, которые

осложняли становление и развитие местного самоуправления в России, следует отнести и качество его научно-аналитического обеспечения. Сложившаяся в значительной степени на основе развития дореволюционной правовой мысли и исследований зарубежного конституционализма наука муниципального права находится на начальном этапе своего формирования. Продолжаются споры не только об основных научных понятиях и категориях, но и о месте данной науки в юриспруденции.

Такое состояние науки муниципального права, как и многих других научных дисциплин, во многом обусловлено сложившейся методологией права в целом. Представляется логичным, что именно в последние годы резко актуализовалась проблематика теоретико-методологических оснований отраслевых юридических наук, методологии права в целом. Накоплен достаточно большой научный материал для обобщения и переосмысления. Последнее имеет особое отношение к муниципальному праву, ибо здесь научно-исследовательская деятельность осложняется рядом дополнительных факторов.

Как известно, становление местного самоуправления сопровождалось активными дискуссиями, в ходе которых не только подвергалась жесткой критике конституционная модель российского муниципализма, но и в целом отрицались ее перспективы с учетом отечественных традиций и реалий. К сожалению, политико-правовая практика довольно часто усиливала аргументы оппонентов Конституции Российской Федерации 1993 г. Однако, как представляется, закрепленные в основном законе государства фундаментальные принципы организации местного самоуправления, отражая не только сложившиеся представления, но

ления не используется такой значительный, известный из советского прошлого, опыт, как организация и деятельность общества «Знание». Благодаря этому обществу, отмечалось ими, можно было бы решить одну из важных проблем – донести знания о местном самоуправлении до населения. Как известно, в работе общества «Знание» «площадками» для лекций и бесед были, как правило, немногочисленные социальные группы (трудовые и студенческие, по месту работы, отдыха и др.). Этот опыт, как выяснилось, был эффективно заимствован за рубежом. Конечно, его следовало бы использовать с учетом новых возможностей информационного общества, сетевых сообществ и т. д.

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 10.09.2014).

² Еще в 1990-е годы на одном из научных мероприятий коллеги-ученые из ФРГ выразили недоумение по поводу того, что для становления местного самоуправ-

и практику местного самоуправления, – как в России, так и во многих других современных государствах – создают необходимое правовое, социокультурное, политическое и экономическое пространство для его развития. Основные же проблемы современного состояния муниципализма во многом обусловлены непоследовательностью и противоречивостью текущего законодательства (в том числе бюджетного, налогового), практики его развития и применения подчас без учета контекста российских реалий [см. подробнее: 2].

Кроме того, следует обратить внимание на то, что теория и практика российского муниципализма возродились после длительного исторического перерыва¹. И сегодня сохраняется неустойчивость российского законодательства, что приводит, наряду с другими последствиями, к необходимости научной разработки и экспертного сопровождения его новелл, перманентного переосмысления отдельных норм и институтов муниципального права. Это не способствует динамизму научного процесса. Среди других факторов нельзя не назвать и отсутствие «научных площадок» для регулярных дискуссий по проблемам муниципального права (аналогичных, например, исследовательским комитетам РОС – Российского общества социологов или РАПН – Российской академии политических наук)². Страницы научных журналов и научные конференции под эгидой юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (профессора С. А. Авакьяна) остаются в этом плане редким исключением.

За прошедшие годы не только сложилось законодательство и накоплен значительный эмпирический материал о местном самоуправлении, но и созданы определенные условия для развития муниципального права России как науки. Об этом, прежде всего, говорит постоянный интерес исследователей к данной проблематике. Из почти 250 диссертационных исследований, посвященных

проблемам местного самоуправления³, большинство – 37 % работ – защищены по юридическим наукам. Хронологически всплеск интереса приходится на 2003-2007 гг., когда шло активное осмысление последней муниципальной реформы. Хотя больше половины исследований (52 %) были проведены в Москве, их тематический разброс весьма обширен: около трети из них посвящены разработке конституционно-правового статуса местного самоуправления в России и анализу отдельных принципов его организации; каждая десятая работа – это историко-правовое исследование, анализ зарубежной практики или опыта муниципального строительства субъекта Российской Федерации. Симптоматичны еще две цифры: каждый пятый исследователь рассматривает местное самоуправление как форму публичной власти, анализируя его взаимодействие с органами государственной власти в политической системе, но только каждый 20-й – выявляет его сущность как института гражданского общества. Почти 20 % авторов анализируемых работ, определяя тему, используют понятия теоретических (теоретико-методологических) основ теории местного самоуправления. Как правило, в них рассматриваются классические теории местного самоуправления, сформировавшиеся в XIX в., либо их отдельные положения, относящиеся к предмету диссертационного исследования.

Однако нельзя не заметить, что формированию системного представления о теории и практике правового регулирования местного самоуправления не благоприятствует весьма ограниченное внимание к таким проблемам, как его территориальная организация, решения органами местного самоуправления отдельных вопросов местного значения, экономическая основа местного самоуправления (в основном изучается только местный бюджет). Фактически, вне поля зрения остается анализ правоприменительной практики в сельских поселениях, малых и средних городах России, в том числе соглашений о переда-

¹ Исследования о местных Советах, а также о муниципалитетах в контексте органов власти зарубежных буржуазных государств, сыгравшие важную роль в формировании государственного права, не могут рассматриваться как развитие правовых идей о местном самоуправлении дореволюционных мыслителей.

² Напомним, что наука – это не только определенная система знаний.

³ Для анализа были использованы электронные каталоги авторефератов и диссертаций РГБ, а также электронные ресурсы ВАК и вузов. Признаем репрезентативную ограниченность таких данных, тем не менее, их обобщение позволяет говорить об определенных тенденциях.

че полномочий, а также особенностей организации местного самоуправления в ЗАТО и наукоградах, на приграничных территориях (трансграничное сотрудничество) и на территориях традиционного природопользования.

Таким образом, российская модель местного самоуправления в весьма противоречивых условиях становления конституционализма сохранила свое политико-практическое значение как форма народовластия и стала объектом значительного исследовательского интереса, оставаясь одной из наиболее дискуссионных проблем юридической науки.

На какие результаты становления науки муниципального права следовало бы обратить внимание, чтобы обеспечить наиболее благоприятные перспективы, в конечном итоге, для развития российского местного самоуправления?

Проблематика научных исследований показывает, что изучение правового регулирования местного самоуправления осуществлялось, в основном, в рамках позитивистского научного направления. Во многом именно это объясняет значительный удельный вес в работах формально-догматического анализа отдельных норм и институтов муниципального права. Их описание, обобщение и систематизация, учитывая сравнительную новизну проблематики местного самоуправления, сыграли необходимую роль в накоплении научного знания. На необходимости выхода за рамки позитивизма настаивают сегодня представители отраслевых юридических наук, специалисты в области теории права и теории государства. Понимание важности методологического плюрализма характерно не только для юриспруденции. Так, многие исследователи признают кризис экономической науки, необходимость отказа от отождествления развития с удовлетворением материального интереса и признания приоритета развития личности человека и среды его обитания.

Обращение в муниципальном праве к разным методологическим подходам, использование их синергетического эффекта обусловлено необходимостью приведения законодательного процесса (законодательства о местном самоуправлении) в соответствие с контекстом социокультурных, политических и экономических реалий, которые претерпели

существенные изменения за два десятилетия. Так, например, по оценке социологов, «реформы начала 1990-х гг. привели к стремительной трансформации социальной структуры российского общества. В ходе этого процесса почти мгновенно рухнула идеологическая гомогенность советского типа. Но на смену ей пришел не столько «положенный», согласно теории, плюрализм, сколько нарастающая социальная аномия и общая хаотизация ментального пространства. У разных социальных групп, равно как и у территориальных образований, не исключая очень мелких, стали появляться совершенно обособленные интересы, а вместе с ними и собственные мини-идеологии, порой очень плохо совмещающиеся не только с принципом общего блага или с традиционной моралью, но и с универсальными юридическими нормами, на которых построено любое общество». Вместе с тем, «ценностные ориентации российского общества очень устойчивы». Последнее касается, в частности, отношения к участию во власти. Положение о том, что «В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него был доступ к власти, возможность оказывать влияние на других» в 1993 г. поддерживало 12 % населения, в 1995 г. – 6 %; 2001 г. – 8 %; 2011 г. – 14 %.

В то же время, «несмотря на все издержки переходного периода, в сознании большинства россиян укоренилось мнение, что не только «свобода лучше, чем не свобода», но и «демократия лучше, чем не демократия». Такой точки зрения придерживаются 44 % против 20 %». Однако данное мнение соседствует с убеждением $\frac{3}{4}$ россиян, что все в нашей стране решают руководители и политики [10, с. 142-143, 147-148, 175, 178, 187].

Очевидно, что, совершенствуя законодательство о формах участия населения в жизнедеятельности местного сообщества и анализируя его адекватность российским реалиям, исследователь не может ограничиться только использованием научных знаний, накопленных другими гуманитарными и социально-политическими дисциплинами. Идею рациональности и объективности методологического плюрализма в юриспруденции в свое время обосновывали такие известные специалисты в области методологии общей теории государства и права, как Б. А. Кистяковский и Н. Н. Алексеев [14, с. 339-340].

Алгоритм познания определяется формулируемыми на базе этих знаний абстрактными понятиями и категориями, содержание которых аккумулируют соответствующие идеи, теории, методологические принципы. К базовым понятиям, разработка которых требуется в приоритетном порядке, следует отнести понятие автономии местного самоуправления. Оно используется в международном праве и зарубежной правовой практике, в правовых актах отдельных муниципальных образований и субъектов Российской Федерации. В Конституции РФ местная автономия представлена как:

во-первых, организационная самостоятельность органов местного самоуправления. Данное положение закреплено в конституционном требовании, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» (ст. 12 Конституции РФ);

во-вторых, как право населения муниципального образования самостоятельно определять структуру собственных органов местного самоуправления (ст. 130 Конституции РФ);

в-третьих, как обеспечение самостоятельного решения населением вопросов местного значения. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Это конституционное положение соответствует нормам Европейской хартии местного самоуправления, которая предусматривает, что «органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для осуществления собственных инициатив по любому вопросу, который не исключен из их компетенции и не отнесен к компетенции другого органа власти» (ст. 4, п. 2 Европейской хартии местного самоуправления);

в-четвертых, как экономическая самостоятельность местного самоуправления. В России она обеспечивается, прежде всего, наличием муниципальной собственности;

в-пятых, как финансовая самостоятельность местного самоуправления, обусловленная наличием местного бюджета, местных налогов и сборов.

Конечно, самостоятельность местного самоуправления, как и самостоятельность любой другой системы в рамках единой государственности, относительна. Местное са-

моуправление осуществляется в условиях определенных ограничений. Это обусловлено объективным фактором – конституционно-правовым статусом, который означает включенность местного самоуправления в общую систему государственного и общественного управления и самоуправления. Самостоятельность местного самоуправления ограничивается также объемом его полномочий, которые сводятся к решению вопросов местного значения в пределах локальной территории. Местное самоуправление имеет особую природу, отличающую его и от государственного управления в интересах всего общества, всех территорий, и от действий конкретных физических и юридических лиц. Органы местного самоуправления не выходят за рамки своей компетенции (если иметь в виду их собственные, а не делегированные полномочия).

Кроме того, местное самоуправление действует в рамках таких объективных ограничений, как дефицит финансовых средств, характер интересов местного сообщества, а также субъективных факторов (уровень развития местного правотворчества и правосознания, правовой культуры и активности населения). Деятельность органов государственной власти также значительно корректирует проведение самостоятельной муниципальной политики.

Суммируя сказанное, следует сказать, что используемое в российском законодательстве понятие самостоятельности не отражает существенных свойств местного самоуправления.

Если обратиться к анализу методологических принципов, то особое значение для исследования местного самоуправления имеют такие общенаучные принципы, как:

– единство общего и особенного не только в организации местного самоуправления, но и в его исследовании. Это позволяет предложить определенную парадигму исследования: от (1) рассмотрения абстракции высшего уровня – категории местного самоуправления – путем анализа его правовой природы к (2) изучению абстракции среднего уровня – понятия муниципальной системы, которая являет собой особенное на национальном уровне. И далее к (3) характеристике абстракции низшего уровня – модели местного самоуправления;

– восхождение от абстрактного к конкретному, которое в науке муниципального права

реализуется рассмотрением триады явлений, определяемых понятиями «местное самоуправление», «муниципальная система» и «модель местного самоуправления»;

– системность в изучении местного самоуправления как правового института, которая обеспечивается единством территориального, институционального и функционального [см. подробнее: 3; 4; 5].

Важнейшее научно-методологическое значение имеет теория местного самоуправления, прежде всего, выявление его правовой природы. Выше уже отмечалось, что, как правило, местное самоуправление рассматривается в контексте политического, как элемент политической системы общества, в которой одновременно с данной системой функционирует еще одна форма публичной власти – государственная. В силу этого, основное внимание исследователей сосредоточено на взаимодействии органов местного самоуправления и органов государственной власти.

Этот подход имеет определенные историко-правовые предпосылки. Любое явление, в том числе и государственно-правовое, в соответствии с устоявшимися теоретическими представлениями, переживает периоды своего зарождения, становления и развития. Данная азбука гносеологии, к сожалению, нами подчас игнорируется, когда мы, рассматривая, например, правовую природу современного местного самоуправления или классифицируя сформировавшиеся к настоящему времени муниципальные системы, пытаемся использовать представления об общественных или государственных теориях англосаксонской или континентальной (французской) муниципальных систем. Речь, конечно, не идет о том, что в данной части знание не имеет более своего научного характера, а сложившиеся на их базе подходы утратили свое методологическое значение¹. Исследование местного самоуправления дореволюционной России, его возрождение на современном этапе, дискуссии в период подготовки проекта новой Конституции и первых законов о местном самоуправлении – все это весьма сложно понять, если отказаться от данных концепций. Более того,

¹ Преемственность в праве, как справедливо отмечается специалистами, должна рассматриваться в качестве обязательной составляющей его методологии [см.: 12].

только сравнительно-правовой анализ истории формирования, становления и развития теории и практики муниципализма позволяет реализовать один из наиболее важных методологических подходов – от конкретного к абстрактному и наоборот [см. подробнее: 3].

Тем не менее, в современных условиях местное самоуправление уже не может рассматриваться в рамках противопоставления *общественного* и *государственного* феноменов. Как власть (публичная власть) представляет собой уже не только власть государственную, так и гражданское общество, как справедливо отмечает В. Е. Чиркин, в том контексте, в каком это понятие используется некоторыми философами (в том числе философами права) как нечто изолированное от государства и права, юридически представляет собой нонсенс [см.: 15]².

О местном самоуправлении в настоящее время можно говорить с учетом двух явлений: политического феномена, представляющего собой публично-властные отношения (местное самоуправление в данном случае рассматривается как одна из двух основных форм публичной власти, форма народовластия), а также общественного³. Как известно, местное самоуправление – это не только сфера властных отношений (именно данную сферу наиболее полно отражает понятие муниципальной власти), это также разнообразные формы решения населением вопросов местного значения без использования властеотношений. К наиболее перспективным институтам гражданского общества можно отнести уже сегодня территориальное общественное самоуправление. Новая – конституционно-правовая (международно-правовая) – теория местного самоуправления имеет достаточно подготовленную почву – исследования о местном самоуправлении, общепризнанные принципы и нормы международно-

² На отсутствие ясности в понимании гражданского общества неоднократно обращали внимание конституционалисты. См., например, [1, с. 8].

³ Учитывая, что в гуманитарных и социально-политических науках общественное и социальное подчас рассматриваются как синонимы, будем понимать под общественным только неполитическую сферу социального – гражданское общество. Социальное (в данном случае, как пишут социологи, в широком смысле слова) – это совокупность политической, общественной (социальной в узком смысле слова), экономической и духовной сфер жизнедеятельности.

го права и богатую практику современного муниципализма.

Таким образом, местное самоуправление предстает как публично-правовой (властный) феномен. В рамках такого понимания местное самоуправление – это муниципальная власть, которая в соответствии с Конституцией РФ осуществляется наряду с властью государственной. Имея публично-правовую (властную) природу, местное самоуправление не сводимо к власти государственной.

Вместе с тем, местное самоуправление – это не только муниципальная власть. За данными понятиями, часто используемыми как синонимы, видится различное содержание. Можно предположить, что понятие местного самоуправления гораздо шире, чем понятие муниципальной власти. Соглашаясь с характеристикой двойственного характера правовой природы местного самоуправления, следует ее понимать как единство не государственного и общественного, а политического (властного) и общественного. Как властный феномен местное самоуправление представляет собой часть политической системы общества – системы, в рамках которой осуществляются властеотношения.

Местное самоуправление, как вытекает из законодательства, это деятельность населения непосредственно и через органы местного самоуправления по решению вопросов местного значения. Формы участия населения в решении таких вопросов весьма разнообразны. Как справедливо отметил, рассматривая прошлое местного самоуправления, В. А. Лапин, подобно общественным объединениям, такие социально-территориальные системы на раннем этапе образовывались добровольно на основе общего интереса, а совместная деятельность осуществлялась на принципах самоуправления. Современное местное самоуправление имеет мощные «общественные» корни, и есть все основания рассматривать этот институт как один из основных элементов в системе гражданского общества. В рамках таких форм местное самоуправление представляет собой уже общественный (неполитический, невластный) феномен [см.: 11].

Дальнейшее развитие местного самоуправления в России требует не только совершенствования муниципального законодательства и правоприменительной практики,

но и дальнейших научных разработок именно в этом плане. Непродуктивно противопоставление местного самоуправления государству и в целом властеотношениям: реализация местного самоуправления исключительно как института общественной самостоятельности неизбежно приведет к восстановлению единой государственной «вертикали» вплоть до уровня городских и сельских поселений. К такому же результату могут привести и поиски государственной природы при рассмотрении местного самоуправления.

Но столь же неэффективно рассматривать местное самоуправление только как публично-правовой (властный) институт. Более того, такой подход противоречит и общей концепции последней муниципальной реформы, направленной на приближение местного самоуправления к населению, формирование новых муниципальных образований, прежде всего, на поселенческом уровне. Значительное большинство вновь образованных муниципальных образований – это сельские поселения. Только признание более сложного и объемного содержания феномена местного самоуправления позволит совершенствовать законодательство и правоприменительную практику, как в весьма различающихся по своим условиям субъектах РФ и муниципальных образованиях, так и в муниципальных образованиях различных типов – поселениях, муниципальных районах, городских округах и внутригородских территориях городов федерального значения.

С учетом сказанного следует рассматривать и проблему правомерности использования в начале XXI в. для анализа современных национальных систем местного самоуправления понятия классических муниципальных систем. Очевидно, что представления об англосаксонской и континентальной муниципальных системах, сформировавшиеся благодаря дискуссиям сторонников разных точек зрения на местное самоуправление, отражали реальную муниципальную практику конкретной эпохи и определенных стран. На уровне теоретического обобщения понятия «англосаксонская» и «континентальная» муниципальные системы стали представлять собой идеальные (чистые) типы, отсутствующие в практике, но позволяющие выявить наиболее существенные признаки явления.

Прежде всего, это характер взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления, наиболее ярко проявляющийся в отсутствии или наличии административной опеки, а также компетенционная характеристика.

В свое время немецкий социолог (юрист по образованию) М. Вебер, разрабатывая теорию «идеальных типов» и соответствующий метод исследования, писал об опасной ошибке, дезориентирующей ученого, когда содержание теории некритически отождествляется с самой реальностью и выдается за отражение ее глубинной сущности. Называя каждый «идеальный тип» продуктом «научно дисциплинированной фантазии», критерием научности той или иной концепции он считал ее исследовательскую продуктивность [13]. С этой точки зрения, дискуссии сторонников и оппонентов общественной теории местного самоуправления оказались весьма продуктивными. Они способствовали в тех условиях уточнению позиции и аргументации каждой из сторон и привели к взаимобогащению теоретических построений, отдельных концептуальных положений.

Вполне логично, что в последующие годы, в том числе и под влиянием государственных реформ в ряде европейских государств, стали формироваться и новые теории местного самоуправления, а большинство реформ местного самоуправления отражали процессы довольно активного изучения, обобщения и заимствования положительного опыта каждой из сложившихся муниципальных систем. Показателен здесь пример России, приступившей к разработке и реализации земской (1864 г.) и городской (1870 г.) реформ на основе освоения не только собственного исторического опыта, но и зарубежного [см., напр.,: 6].

Однако политико-правовые процессы XX в., в том числе становление международных организаций и международного права, глобализация и другие интеграционные процессы привели не только к выработке общепризнанных конституционных ценностей, но и к определенной унификации национальных правовых институтов.

Понятие муниципальной системы (и соответствующие классические теории местного самоуправления) в значительной степени со-

храняют свое значение как механизм концептуального выбора, характеристика методологии исследователя, научный инструментарий. Так же как многие другие классические понятия и теории (естественно-правовая теория и позитивизм, «друзья» и «враги», демократия и тоталитаризм, либерализм и консерватизм), которые в их классическом понимании определяют (либо создают иллюзию определения) только основной вектор политико-правового развития (выбора). Содержательное же наполнение такого развития (выбора) осуществляется формированием национальной модели, в данном случае, местного самоуправления.

Ограниченный характер классических понятий и теорий местного самоуправления для уяснения правовой природы его современных моделей, необходимость в связи с этим поиска новой парадигмы актуализируются также тем, что существенные изменения произошли в сущности современных государств, их конституционно-правовом регулировании. Так, в прошлом становление местного самоуправления, сопровождавшееся формированием классических теорий местного самоуправления, было связано с попытками разрешения на практике и в теории противоречия между государственной властью, которая была весьма далека от идеалов народовластия, и местным самоуправлением – первым и начальным опытом такой демократии. Обоснование права на самостоятельное решение вопросов своей жизнедеятельности в этих условиях было связано, как полагали наиболее решительные сторонники местного самоуправления, с неизбежным противопоставлением местного сообщества и государства. Для сторонников менее радикального варианта реформирования государственной власти, ее децентрализации, было очевидно, что местное самоуправление в условиях сохранения мощной государственной машины может возникнуть только как ее составная часть.

Другими словами, в условиях развития классических буржуазных государств, когда еще не сложились традиции парламентаризма и партийные системы, только начиналось формирование институтов правового государства и гражданского общества, пределы политической системы ограничивались рамками государства, системой его органов. По-

литическое и государственное можно было рассматривать как синонимы, а властеотношения в качестве своего единственного субъекта включали органы государственной власти (должностных лиц – носителей государственной власти). Местное самоуправление можно было развивать либо как феномен исключительно общественный, либо как составную часть государственной власти.

Становление и развитие демократических правовых государств, одну из конституционных основ которых составляет местное самоуправление, не только существенно, как уже было отмечено, изменило их правовое регулирование, но, видимо, вынуждает иначе взглянуть и на содержание взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления. Провозглашение народовластия в Основном законе государства, народа как единственного источника власти в Российской Федерации привело к расширению понятий властеотношений, субъектов власти и политической системы в целом. Это связано также с разработкой концептов гражданского общества и социального правового государства [см.: 10].

С учетом сказанного необходимо рассматривать и соотношение понятий местного самоуправления и муниципальной власти. Это позволяет выявить не только то общее, что объединяет понятия местного самоуправления и публично-правовой власти (одновременно уточнив, каким образом соотносится с ними и понятие муниципальной власти), но и выявить специфику местного самоуправления в той части, в которой оно представляет собой институт прямой демократии, самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Разнообразные варианты здесь будет иметь и решение вопроса о совпадении (несовпадении) субъекта и объекта управления.

Таким образом, не подвергая сомнению двойственную природу местного самоуправления, необходимо с учетом того, что в XX в. произошло значительное изменение сущности публичной власти, пересмотреть характеристику данного дуализма. Рассмотрение данной двойственности следует вести, еще раз подчеркнем, исходя не из формулы «государственное – общественное (государственное – негосударственное)», а с использованием другого подхода, который можно

обозначить формулой «политическое¹ – общественное (публичное – общественное)». Если в прошлом публичное могло рассматриваться как синоним и политического, и государственного, в современных условиях – только как политического.

Сложность разработки проблем правовой природы местного самоуправления имеет не только объективные, но и субъективные причины. Если обратиться к анализу работ по теории государства и права, в них, очевидно, доминируют исследования по праву. Без теоретических разработок сущности публичной власти в современных условиях, государственной и муниципальной властей как ее разновидностей сложно рассчитывать на формирование адекватной теории местного самоуправления. В формировании такой теории, как и в развитии муниципального права в целом, трудно переоценить значение еще одной составляющей методологии – методов изучения. Отметим в связи с этим только два момента: значение междисциплинарного подхода к рассмотрению правового регулирования местного самоуправления и компаративистики.

Как показал представленный выше анализ диссертационных исследований, проблема местного самоуправления оставалась последние два десятилетия в центре внимания представителей самых разных научных направлений. Наряду с юридическими работами (37 %) были защищены: 23 % проанализированных диссертаций – по социологическим наукам, 18 % – по политическим, 14 % – по экономическим; остальные – по историческим, философским, психологическим и педагогическим наукам. Важно заметить, что их авторы довольно активно обращаются к анализу не только правоприменительной практики, но и законодательства о местном самоуправлении. Как в свое время справедливо заметил В.Г. Графский, реальный конституционализм невозможно обсуждать без учета новых и новейших социальных и политических реалий, в том числе, постиндустриализма и глобализма [см.: 8, с. 8].

¹ Использование в данном контексте понятия политического связано с признанием местного самоуправления как властного института, что предусматривает наряду с выявлением специфики также оценки, как и любой иной публичной власти, его политического характера.

Междисциплинарный подход позволит более объемно подойти к выявлению сущности местного самоуправления, в частности, не только как формы организации публичной власти, что традиционно доминирует у представителей юридической науки, но и как института гражданского общества, о чем столь же настойчиво пишут социологи и политологи. Соответственно, понятийный аппарат муниципального права может включать не только правовые, но и понятия из области социологии, политологии, психологии и других наук. Хотя последнее требует не только особой осторожности, но и строгого разграничения муниципального права как науки и как отрасли права.

Одним из наиболее эффективных подходов в изучении муниципальной теории и практики может стать компаративистика. Сравнительно-правовые исследования обусловлены необходимостью переосмысления результатов муниципальных реформ, как в России, так и в зарубежных государствах, анализа российского опыта в контексте становления СНГ и возможностью более глубокого изучения опыта отдельных муниципальных образований и субъектов Российской Федерации. Сохраняется также актуальность изучения дореволюционного и советского опыта организации местного самоуправления и местного государственного управления в сравнительном ключе. Очевидно, что в условиях глобализации любое исследование проблемы, связанной с государственно-правовой проблематикой, неизбежно принимает характер компаративного исследования. Как известно, сравнительно-правовой анализ может осуществляться только с учетом таких научных принципов, как соотношение общего и особенного, восхождение от абстрактного к конкретному, системность исследования, историзм, цикличность.

Большое значение для становления научной основы развития местного самоуправления имеет также мировоззрение ученого. Однако признание политического плюрализма и идеологического многообразия привело к тому, что, как правило, в научных дискуссиях мировоззрение оппонента не только остается вне «поля аргументации», но апеллирование к нему может рассматриваться как проявление «дурного тона». Вместе с тем,

обращение к наиболее авторитетным исследованиям показывает, что развитие муниципальной теории и практики во многом определялось мировоззренческими установками автора, исповедуемыми им ценностями и принципами. Тем более что характер интеллектуального сопровождения развития местного самоуправления в России (в том числе и в дореволюционный период) традиционно обусловлен весьма значительным влиянием субъективного фактора. На протяжении последних двух десятков лет государство трижды пересматривало общие принципы его организации. В основе реформ оказывалась прежде всего политическая воля, обусловленная субъективными представлениями о достижении конкретных целей государственного развития. Научно-аналитическое сопровождение местного самоуправления в основном имеет не опережающий, а, скорее, догоняющий характер, пытаясь *post factum* изменить (предложить изменить) сложившиеся принципы организации властных отношений, закрепленные в законодательстве правовые нормы и институты. Говоря о мировоззрении исследователя местного самоуправления, нельзя не отметить значение правовой культуры населения, его познаний и навыков в данной сфере. «Этих знаний нет в обществе. В других странах, например, в Финляндии, считают, что понятия о коммунальной (муниципальной) жизни человек впитывает вместе с молоком матери. Эти понятия формируются за счет простых правил: «Каждый финн должен быть членом какой-либо коммуны» [7].

Обобщая сказанное, следует отметить, что не только проанализированные, но и иные составляющие методологии муниципального права как науки носят интегративный характер, представляют собой единую систему. В силу этого каждый из элементов данной системы, в зависимости от его состояния, способен усилить либо ослабить значимость научного знания о правовом регулировании местного самоуправления. В методологии муниципального права (как и во многих областях научного знания на современном этапе) неизбежно будут присутствовать не только общенаучное и специальное, но и междисциплинарное направления, каждое со своим специфическим инструментарием.

В целом, как справедливо и неоднократно отмечалось исследователями, методы, теоретические положения и категориально-понятийный аппарат, определяющие содержание и направленность научных исследований, а также мировоззренческие позиции их авторов трудно признать адекватными требова-

ниям развития российского местного самоуправления. Это приобретает особое звучание, когда в его развитии предстоят существенные изменения. Ограничение же подходов будущих реформаторов только позицией здравого смысла сложно признать убедительным и достаточным в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авакьян С.А. Публичная власть: конституционно-правовые аспекты // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2009. № 2. С. 5–15.

2. Акмалова А.А. Актуальные проблемы муниципального права России. М.: РАГС, 2009. 400 с.

3. Акмалова А.А. Методология исследования местного самоуправления в Российской Федерации. М.: Прометей, 2003. 228 с.

4. Акмалова А.А. Модели местного самоуправления. М.: Прометей, 2001. 168 с.

5. Акмалова А.А. Особенности местного самоуправления в Российской Федерации. Теория вопроса и опыт правового регулирования. М.: Прометей, 2002. 340 с.

6. Васильчиков А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Изд. 3. Т. 1. СПб., 1872.

7. Говоренкова Т.М., Жуков А.И., Савин Д.А. Новый этап развития местного самоуправления – наступит ли момент истины? // Полития. 2003. № 4. С. 64–72.

8. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 752 с.

9. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических заме-

ров). Аналитический доклад Института социологии РАН. М., 2011. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html (дата обращения: 10.09.2014).

10. Капицын В.М. Социальное правовое государство и гражданское общество в России: перспективы аттракции // Общество. Государство. Политика. 2008. № 1. С. 7–18.

11. Лапин В.А. Государственная поддержка развития местного самоуправления // Школа муниципального служащего. 1-13 ноября 1998 г., Обнинск. Сб. учебных материалов. Ред.-сост. А.Е. Балобанов. С. 63–88. URL: <http://vasilieva.narod.ru/mun14.htm> (дата обращения: 10.09.2014).

12. Литвинович Ф.Ф. Преемственность в праве и методология права // Вестник ВЭГУ. 2010. № 5(49). С. 18–23.

13. Радионова С.А. Вебер М. // Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 110–112.

Торчилин К.Е. Материалистическая диалектика в системе методов теории государства и права второй половины XIX – начала XX в.: анализ доктринальных воззрений // Вестник ТГУ, вып. 11(115), 2012. С. 339–340.

14. Чиркин В.Е. Реформа российской Конституции: этапы и проблемы // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 42–61.

REFERENCES:

1. Avakyan, S. A. Public Authority: Constitutional and Legal Aspects. *Bulletin of the Tyumen State University*. № 2 (2009). Pp. 5–15.

2. Akmalova, A. A. Urgent Problems of Municipal Law in Russia. Moscow: RAGS, 2009. 400 p.

3. Akmalova, A. A. Methodology of the Study of Local Government in the Russian Federation. Moscow: Prometheus, 2003. 228 p.

4. Akmalova, A. A. The Models of Local Self-government. Moscow: Prometheus, 2001. 168 p.

5. Akmalova, A. A. The Features of Local Government in the Russian Federation. The Theory of Matter and the Experience of Legal Regulation. Moscow: Prometheus, 2002. 340 p.

6. Vasilchikov, A. On the Government. A Comparative Review of Russian and Foreign Ru-

ral and Public Institutions. Ed. 3. Vol. 1. St. Petersburg, 1872.

7. Govorenkova, T. M., Zhukov, A. I., Savin, D. A. A New Stage in the Development of Local Government – Grafsky, V. G. General History of Law and State: A Textbook for High Schools. 2nd ed., Moscow: Norma, 2007. 752 p.

8. Twenty Years of Reforms through the Russians' Eyes (the Experience of Longstanding Sociological Measurements). Analytical Report of the Institute of Sociology. Moscow, 2011. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html (date of access: October 9, 2014.).

9. Kapitsyn, V. M. The Social and Legal State and Civil Society in Russia: Prospects of Attraction *Obschestvo. Gosudarstvo. Politika*. № 1 (2008). Pp 7-18.

10. Lapin, V. A. State Support for Development of Local Government *The School for Munic-*

ipal Employee. November 1-13, 1998, Obninsk. Pp. 63-88. URL: <http://vasilievaa.narod.ru/mun14.htm> (date of access: September 10, 2014.).

11. Litvinovich, F. F. Continuity in the Law and Methodology of the Law. *Bulletin of the VEGU*. № 5(49) (2010). Pp. 18-23.

12. Radionova, S. A. Weber M. *Newest Philosophical Dictionary*. Minsk, 1999. Pp. 110-112.

13. Torchilin, K. E. Materialist Dialectics in the Method's System of the Theory of State and Law of the Second Half of XIX - Early XX century: Analysis of Doctrinal Views *Bulletin of the Tomsk State University*, Iss. 11(115) (2012). Pp. 339-340.

14. Chirkin, V. E. The Reform of the Russian Constitution, the Stages and Problems *Obschestvennye Nauki i Sovremennost'*, № 5 (2000). Pp. 42-61.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Акмалова Альфия Азгаровна

доктор юридических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

проспект Вернадского, 82, стр. 1, г. Москва,
119571, Россия

E-mail: polisjus@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Akmalova Alfija Azgarovna

Doctor of Law, Professor

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571,
Russia

E-mail: polisjus@yandex.ru

УДК 316.48

Окладникова Е. А.

**ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ:
ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО
НАПРЯЖЕНИЯ В НАРРАТИВАХ
ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА****АННОТАЦИЯ**

Цель настоящей статьи – представить результаты социологического исследования представлений, как эмоциональных, так и рациональных, о внутригосударственных межэтнических конфликтах жителей Санкт-Петербурга. Это исследование было проведено качественным методом нарративного интервью.

Большинство респондентов признали реальной угрозу внутригосударственного межэтнического конфликта. Согласно известной теореме У. Томаса, если люди воспринимают какую-то ситуацию как реальную, то и последствия этой ситуации будут реальными. Исходя из анализа текстов интервью, можно заключить, что такими последствиями для жителей Санкт-Петербурга могут стать: 1) дальнейший рост националистических настроений, 2) снижение толерантности в отношении представителей трудовой миграции, 3) рост социальной напряженности, включая выступления против коррупции и этнической преступности.

Наше исследование – вклад в общесоциологический мониторинг настроений россиян по отношению к проблеме внутригосударственных межэтнических конфликтов. Такой мониторинг открывает возможности: 1) прогнозировать дальнейшее развитие протестной активности и ее дрейф между отраслями, регионами и типами конфликтов; 2) определять источники потенциальных и реальных угроз, о которых люди рассказывают в устных интервью более развернуто и охотно, чем при заполнении установочных анкет; 3) разработать нетривиальные сценарии формирования толерантных отношений в обществе на основе информации, которая латентно содержится в интервью.

Ключевые слова: внутригосударственный межэтнический конфликт; метод нарративного интервью; факторы социальной напряженности; трудовая миграция; общественное мнение.

Elena A. Okladnikova

**DOMESTIC ETHNIC CONFLICT:
THE FACTORS OF SOCIAL TENSION
IN THE NARRATIVES OF THE
RESIDENTS OF SAINT PETERSBURG****ABSTRACT**

The purpose of this article is to present the results of the sociological research of emotional and rational ideas about the so-called “domestic ethnic conflict” (intra-state ethnic conflict – a social conflict between the citizens of the Russian megalopolis and labor migrants) of citizens of St. Petersburg. This study was done with the help of a qualitative method of narrative interviews.

The majority of respondents have acknowledged the real threats of domestic ethnic conflict. According to the theorem of U. Thomas, if people perceive a situation as real, the consequences of this situation will be real. Therefore, based on the analysis of the texts of interviews, it can be concluded that such consequences for the residents of St. Petersburg are: 1) the further growth of nationalist sentiments, 2) lower tolerance in relation to representatives of labor migration, 3) the growth of social tension, including actions against corruption and ethnic crime.

Our study is a contribution to general sociological monitoring of Russians in relation to the problem of domestic ethnic conflict. Such monitoring reveals the following opportunities: 1) to predict the further development of protest activity and its drift between sectors, regions and types of conflicts, 2) to identify sources of potential and real security threats that people speak of in interviews in greater detail and more willingly than when completing written questionnaires; 3) to develop unconventional scenarios of formation of a tolerant society based on the information contained latently in an interview.

Key words: intra-state ethnic conflict; the method narrative interviews; factors of social tension; labor migration; public opinion.

В первом десятилетии XXI в. европейские социологи пришли к выводу, что принципы функционирования современного социума усложняются, а вместе с этим наблюдается интенсификация процессов возникновения новых уязвимостей [8], и соответственно, новых форм социальной напряженности. На страницах российских социологических журналов в настоящее время они описываются следующими понятиями: «комплексы острых социальных проблем периода становления олигархического капитализма в России» [10], «социальный конфликтный потенциал», «новые формы протестного социального активизма» [16], «социально-коммуникативные проблемы разных социальных миров, обладающие своими поведенческими кодами, языками, самосознанием» [16], «транснационально ориентированные социальные проблемы мигрантских сообществ» [11], «проблемы *интерстициальных* («interstitial») зон города (социально-патогенных зон города, например, мест проживания трудовых мигрантов, рынков, где реализуется потенциал этнической экономики, и т. п.)» [18, р. 21-22; 19], «феномен *сукцессии* (succession) в городском пространстве, т. е. замещения одной гомогенной группы населения со сходными социальными траекториями и характеристиками, занимающей территорию определенного городского ареала, другой гомогенной группой» [11], «кентавр-проблемы» [15] и др. Британский социолог Э. Гидденс полагал, что «радикальный модерн» отличается рефлексивной природой современных акторов [5, с. 34]. Такими акторами для нас в настоящем исследовании выступили коренные жители российских городов как представители общества, принимающего трудовых мигрантов. Понятно, что никакая разработка социальных программ по смягчению социальной напряженности, в частности, вызванной процессами трудовой миграции, невозможна без применения более тонких, чем количественные аналитические процедуры, т. е. методов сбора социологической информации, учитывающих сенситивный характер сообщаемых респондентами сведений. Таким новым социологическим инструментарием, предполагающим широкое использование не только

количественных, но и качественных методик являются фокус-группы, дискурсивный и транссимволический анализы, нарративные интервью и др.

Нарративное интервью как методика исследования позволяет социологу понять то, как люди воспринимают, чувствуют и отражают в своих высказываниях социальные угрозы и напряжения. Одной из таких угроз современной повседневной жизни мегаполиса является возможность межэтнических столкновений, т. е. внутригосударственного межэтнического конфликта (далее – ВГМЭК). Рабочей задачей исследования стало выявление показателей, которые характеризуют переживание этой угрозы и связанное с ней чувство социальной напряженности. Общая же программа исследования предполагала изучение устных описаний факторов социального напряжения, возникающего в ситуации конфликта между представителями автохтонного населения мегаполиса, в частности, Санкт-Петербурга, и сообществами, которые в сознании автохтонов идентифицируются как «чужие», «другие», «приезжие», «трудо-вые мигранты».

Что такое ВГМЭК? Это открытое столкновение между автохтонным населением (как правило, идентифицирующим себя как русские, россияне) и представителями пришлого населения, определяемыми автохтонами как: 1) представители «кавказских и среднеазиатских диаспор»; 2) местного бизнес-сообщества (чеченцы, азербайджанцы, армяне); 3) трудовые мигранты (узбеки, таджики и др.). Конфликты такого рода происходили в России с начала 2000-х гг. Наиболее известными стали следующие: 1) Кондопога (2006) – конфликт между автохтонами и пришлым (кавказским) населением. Кавказцы занимались мелкооптовой торговлей, вытесняя с рынков депрессивного региона автохтонов, лишая их заработка. *Поводом конфликта* стала банальная ресторанный драка. Местное население требовало выселения чеченцев. Всплеск воинствующего национализма превратился в общественное явление. Аффективный протест против «пришлых», их бесцеремонности, культурной и экономической экспансии спровоцировал кровопролитие. 2) Сагра (2011) – это

конфликт между автохтонным населением и «культуртрегерами» (цыганской диаспорой, к незаконной деятельности которой присоединилось кавказское сообщество). *Поводом для конфликта* стал акт воровства, который совершили местные бомжи, «работавшие» на цыганского барона В. Лебедева. *Причиной же конфликта* была теневая этническая экономика (наркоторговля, осуществляемая цыганской семьей Красноперовых, которую поддерживали представители местной азербайджанской общины). Форма, которую приобрел этот конфликт, внешне (символически) определялась автохтонным населением как этическая.

3) Пугачев (2013): *причиной конфликта* стали различия в ментальных практиках местного и пришлого населения (представители кавказской диаспоры). Члены кавказской диаспоры привыкли решать жизненно важные вопросы вне институтов государственной власти, в отличие от местного населения, привыкшего полагаться на закон и власть, которая, по их мнению, должна быть гарантом исполнения закона. *Повод конфликта* – убийство молодого человека (десантника, который вернулся из армии) чеченским подростком из-за девушки. Местная чеченская диаспора договаривается милицией, и убийце-подростку назначают два месяца заключения. Последнее обстоятельство возмутило жителей. Начались стихийные выступления, перекрытие трассы на Волгоград и т. п.

4) Бирюлёво (2013) – это конфликт между автохтонным населением и мелкими оптовиками с Кавказа. *Причина конфликта* имеет несколько уровней: 1) коррупционная схема «крышевания» этнического бизнеса правоохранительными органами Москвы; 2) передел бизнеса между азербайджанской и чеченской группировками; 3) недовольство местного населения поведением работников овощной базы, превращенной в приют для многочисленных выходцев с Кавказа и др. *Поводом для конфликта* стало убийство местного жителя членом бандитской азербайджанской группировки¹.

На основании анализа информации о причинах, поводах, сценариях, ходе, разрешении

(прекращении) ВГМЭК, которая содержится в обширной научной и публицистической литературе, мы можем заключить, что конфликты такого рода обладают следующими характеристиками, которые отличают их от межгосударственных этнических конфликтов. 1) Обычно они проходят длительную предварительную фазу накопления социального недовольства, в основном, у жителей принимающей «чужих», «других», «трудо-вых мигрантов» стороны. 2) Стихийный характер возникновения и протекания конфликта. Поводом для такого конфликта часто является кровавый преступный инцидент (воровство, убийство), который приводит к противостоянию двух групп. *Первая группа*: автохтонного населения, идентифицирующего себя как россияне, и *вторая группа*: приезжие, которые идентифицируют себя как этнические образования (чеченцы, азербайджанцы, таджики, узбеки и др.). Представители второй группы отличаются степенью успешности в бизнесе; разными паттернами установления отношений с официальной властью в сравнении с автохтонами; иными обычаями, системой ценностей, религиозными представлениями, экономическим статусом и т. п. 3) Критический уровень социального напряжения, социальной неудовлетворенности, которую к моменту активной фазы ВГМЭК испытывают представители групп противостоящего населения в урбанизированных условиях. Поэтому ВГМЭК как форма проявления социального напряжения является реакцией общества принимающей стороны на прошлое население (включая трудовых мигрантов), а также на события, приводящие к фрустрированности общества в целом. В итоге, социологи предупреждают, что результатом ВГМЭК могут стать события, ведущие к изменению социальной структуры общества [14, с. 109] На основании идей, изложенных выше, становится понятным, что ВГМЭК – свидетельство усиления уже имеющих в обществе интолерантных социальных отношений.

Угроза усиления интолерантности в жизни современной России возникла в результате того, что россияне столкнулись с качественно иной миграцией по сравнению с той,

¹ Нашими респондентами упоминались и другие ВГМЭК, например, в Демьяново, в Яндыках, беспорядки на Манежной площади в Москве (2010) и др.

которая была в XX в. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, трудовые мигранты – люди, которые в массовом количестве приезжают в российские мегаполисы, в культурном отношении более далекие и менее адаптивные к категориям европейской ментальности, чем их гораздо менее массовые предшественники в Советской России. Современные мигранты весьма склонны к формированию анклавов этнической экономики [1, с. 69; 2; 4; 12]. Они плохо владеют русским языком, стараются жить в мегаполисе по своим правилам, часто ведут себя агрессивно по отношению к жителям мегаполиса.

ВГМЭК и трудовая миграция. Как показало наше исследование, обыденное сознание жителей Санкт-Петербурга на интуитивном и эмоциональном уровнях ассоциирует ВГМЭК с трудовыми мигрантами. Трудовые мигранты рассматриваются большинством наших респондентов в терминах близких к понятию «враг»: а именно, как «чужие», «другие», «нелегалы», «инсургенты» и т. д. Наши респонденты указывали на то, что эти «чужие», «другие», «нелегалы», т. е. трудовые мигранты, которые были втянуты теневыми этническими бизнес-структурами в ВГМЭК, например, в Бирюлёво, являлись представителями разных этно-национальных групп. Эти люди оказались в силу экономических причин (поиск заработков, организация процессов этнической экономики и т. п.) сосредоточенными на конкретной территории (мегаполиса, города, поселка). Критическая масса «чужих», которые начали устанавливать свои порядки, угрожая устоям жизни коренного населения Бирюлёво, превысила допустимые пределы. В результате возникло противостояние. На такое понимание нашими респондентами причин Бирюлевского конфликта оказали влияние исторические реалии, связанные с особенностями развития процессов трудовой миграции в XX в. Эти процессы были вызваны оживлением российской экономики, довольно быстро столкнувшись с растущим дефицитом рабочей силы. Труд, в силу ряда причин (девальвации ценности труда, распространению культуры консюмеризма, разгрома системы образования, включая сред-

нее профессиональное, и т. д.) стал одним из самых дефицитных ресурсов. Постепенно Россия из страны-поставщика квалифицированной рабочей силы на Запад превратилась в страну транзита трудовых мигрантов, а сегодня – в страну-экспортера неквалифицированных этно-трудовых мигрантов. Последние представлены, в основном, выходцами из бывших республик СССР: Закавказья, Средней и Центральной Азии, а также Украины и Молдавии. Как показали социологические исследования [9], с явлением этно-трудовой миграции связаны многие негативные последствия: 1) усиление нелегальной миграции, 2) рост этнической преступности, 3) сложности адаптации этно-трудовых мигрантов к условиям жизни в обществе принимающей стороны, 4) коммуникативные проблемы (незнание русского языка, неприятие ценностей европейского урбанизированного сообщества и др.); становление феномена транслокальной идентичности.

Характеристика респондентов. Настоящее исследование было осуществлено среди коренных жителей Санкт-Петербурга методом формализованного интервью. Многие наши респонденты (в основном, представители студенческого сообщества) были заранее ознакомлены с социологическими параметрами ВГМЭК, его причинами и последствиями¹. Вопросы для интервью были заготовлены заранее. В контексте проблемного поля нашей работы мы использовали три группы респондентов разного возраста: молодежь (21-28 лет); людей среднего возраста (29-54 лет); людей пожилого возраста (60 лет и старше). Всего было проанализировано 26 интервью: в первой группе было взято 13 интервью, во второй 10 интервью, в третьей 3 интервью. Интервью проводились в Санкт-Петербурге в 2014 г.

Методика исследования. В качестве методики изучения мы использовали нарративное интервью как одну из распространенных стратегий качественного исследования. Ис-

¹ Например, студенты, которые приняли участие в интервьюировании, слушали общие курсы «Этносоциология», «Конфликтология», «Социология коммуникаций», а также были участниками научно-исследовательских проектов, темой которых были конфликты в Кондопоге, Сагре, Пугачеве и Бирюлёво.

следования мнения жителей мегаполиса по другим исследовательским вопросам с использованием методик интервью проводились социологами под руководством О.М. Масловой, В.М. Воронкова и др. [3, с. 20] Их работы показали, что жители мегаполиса не очень охотно готовы давать информацию о своих истинных помыслах и настроениях. Поэтому мы, опираясь на их наработки [6], для конструирования своих категорий анализа, применили в работе стратегию «grounded theory» американских социологов А. Страусса и Дж. Корбин [13]. Работы Страусса и Корбин базируются на достижениях М. Вебера и К. Гирца.

К. Гирц, а еще раньше М. Вебер, собирая обширные эмпирические (социально-антропологические) материалы, стремились не столько к выявлению социологических закономерностей, сколько к изучению смыслов, которые отдельные акторы вкладывали в совершаемые ими социальные действия. «Интерпретативный подход к анализу данных, в первую очередь, ориентирует исследователя на поиск смысла социального поведения с точки зрения самих деятелей, на создание наблюдателем теории, отражающей собственные «теории» наблюдаемых» [17, р. 5]. Нарративное интервью как метод наблюдения дает возможность установить смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками современных сообществ [7]. Несмотря на то, что респонденты в начале беседы не слишком охотно «откровенничали» с нами, используя особые формы коммуникации (доверительное общение, согласие с доводами и идеями респондентов, подталкивание их к развернутым высказываниям и др.), нам удалось получать от них реалистические высказывания. Именно эта исследовательская стратегия позволила перейти от «данных опыта» к данным «далеким от опыта». Как полагал К. Гирц, целью здесь является «не экспериментальная наука, ищущая закон, а интерпретативная наука, нацеленная на поиск смысла» [17, р. 5]. Интерпретативный подход К. Гирца к анализу данных ориентирует исследователя на поиск смысла социального поведения с точки зрения самих наблюдателей, т. е. жителей мегаполиса, а также на создание исследователем

теории, отражающей собственные «теории» наблюдаемых. Работа с текстами нарративов (интервью), осуществленная в духе методики К. Гирца, направила логику ее дальнейшего сбора в ситуации свободного интервью. Суть работы сводилась к тому, что каждый последующий текст нарратива рассматривался нами в контексте тех кодов, которые были выделены в качестве первичных обобщений в тексте предыдущего интервью. Это удалось сделать потому, что респонденты пытались организовать свои представления о ВГМЭК, пропуская их через индивидуальный опыт и тезаурус своего социального интеллекта. Дело в том, что количественные исследования (результаты обработки данных анкетного опроса) не дают возможности в полной мере понять, чем люди живут, что и как они переживают: объяснительный потенциал, который респонденты хотят изложить исследователям, остается за рамками числовых характеристик. Поэтому услышать респондента позволяют качественные методики: нарративное интервью, глубинное интервью, фокус-группа. Поиск объяснительного потенциала интервью предполагает цитирование высказываний респондентов, т. е. воспроизведение речи, приближенной к обыденной жизни, в которой присутствуют метафоры, аналогии, образы. Именно цитаты позволяют выделить смысловые структуры социального мира, генерирующего различные виды социальной напряженности, включая ВГМЭК.

Данные, которые мы получили, представляют интерес в силу следующих особенностей: 1) личной формы изложения видения проблемы, 2) индивидуальности свидетельства, переполненного как субъективным, так и социальным содержанием; 3) дают возможность выявить уровень понимания людьми особенностей социальных процессов, которые происходят в современном российском обществе, 4) создать модель информационного образа общества, в котором мы живем. Можно сказать, что жизненная ситуация респондентов находится в строгой корреляции с исторической эпохой, географическим регионом, типом их экономической деятельности, отношениями собственности и правопорядка. Социальное напряжение, которое они испы-

тывают, размышляя о своих представлениях о ВГМЭК, формируется в результате разнообразных социальных и индивидуальных обстоятельств, т. е. факторов их бытия.

Для детального анализа в качестве индикаторов уровня социального напряжения жителей мегаполиса в связи с ВГМЭК, факторы которого они должны были выявить и описать по ходу интервью, нами были отобраны: 1) отношение респондентов к ВГМЭК, 2) спектр их представлений о конфликтах такого рода, 3) мнение о причинах конфликта, 4) возможность участия респондентов в конфликтах такого рода, 5) отношение

респондентов к русской националистической идеологии в контексте их представлений о ВГМЭК; 6) отношение респондентов к представителям трудовой миграции и др.

Результаты исследования. В силу ограниченного объема статьи мы остановимся на представлении результатов анализа тех частей интервью, в которых респонденты рассказывали о своих переживаниях (эмоциональных/рациональных) в отношении ВГМЭК, высвечивающих основные факторы социального напряжения, влияющие на их переживание респондентами.

Таблица 1. Градации отношения респондентов к ВГМЭК как социальному феномену

Table 1. Gradations of respondents' attitude towards domestic ethnic conflict as a social phenomenon

Отношение респондентов к ВГМЭК		
Отрицание существования ВГМЭК	Проблематизация ВГМЭК	Признание неизбежности конфликта ВГМЭК
1	2	3
Отрицание наличия ВГМЭК в системе социальной реальности жителя мегаполиса, в частности, Санкт-Петербурга.	Проблема ВГМЭК есть, связь феномена ВГМЭК с неконтролируемой государством трудовой миграцией.	Внутригосударственный межэтнический конфликт – это беда. Знание о других ВГМЭК значительно усиливает беспокойство респондентов.
ВГМЭК – это мелкие столкновения на бытовом уровне, которые можно погасить. Нужны превентивные меры со стороны государства, правоохранительных органов, чтобы их предупреждать.	Настороженное отношение к трудовой миграции, расчет на безнаказанность представителей трудовой миграции, которые совершают преступления, усугубляется отсутствием контроля со стороны властей.	ВГМЭК неизбежен. Опасения по поводу частоты возникающих межэтнических конфликтов в России: Согласие с тем, что все конфликты (Кондопога, Пугачев, Сагра, Бирюлёво и др.) носили межэтнический характер.
Отстраненное отношение к ВГМЭК. Личный опыт: этнические столкновения возникают везде, как стычки на бытовом уровне, и в студенческой жизни они бывают, и на улице.	Ассоциативная связь между понятиями: «межэтнический конфликт» и «трудовая миграция».	ВГМЭК неизбежны. Они происходят рядом. Ты вынужден в них участвовать.

1	2	3
<p>Межэтнические столкновения и драки на бытовой почве – это совершенно разные явления. Но Кондопога, Бирюлёво, Пугачев – это именно драки, которые по непонятной для респондентов причине разрослись до массовых столкновений.</p>	<p>Знание о серии межэтнических столкновений (массовых драках в Нижнем Тагиле, Сургуте, происшествие под Иркутском с участием граждан КНР, конфликт в Перми, конфликты в Демьяново, Корбалово, событиях в Яндыках, столкновение местных жителей с армянской представителями общиной в Красноармейске и др. заставляет респондентов размышлять о ВГМЭК как о системном явлении.</p>	<p>Респонденты уверены, что ВГЭМК в городах России, отличаясь большой напряженностью, указывают на наличие серьезных социальных уязвимостей.</p>
<p>Некоторые респонденты вообще не понимают сути вопроса: начинают рассказывать о межгосударственных конфликтах (Армяно-Азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, Чеченские войны, Грузинско-российская война и т. п.)</p>		<p>Респонденты настолько уверены в реальности межэтнического противостояния в социальных отношениях современной России, что в их представлениях нет разделения на этнический межгосударственный и ВГМЭК.</p>

Мнения респондентов по поводу ВГМЭК разделяются на три типа: 1) отрицание самого факта ВГМЭК; 2) признание неизбежности ВГМЭК; 3) проблематизация ВГМЭК (табл. 1). Та группа респондентов, которая отрицает сам факт ВГМЭК, в интервью утверждала, что есть экономические и социальные проблемы, освещение которых в СМИ, выполняющих политический заказ, рисуется «продажными журналистами» красками этнического противостояния исключительно по указанию конкретных политиков.

«...А я и не помню этнических конфликтов. Что касается фанатского погрома на Манежной площади 11 декабря... ну, так это молодежь хулиганила, прикрываясь убийством Егора Свиридова». (Котлубай А.М., 79 лет)

«...Этнических конфликтов как таковых у нас нет, есть только проявления на-

ционализма у группы людей (чаще молодежи) к народам Кавказа, да нетерпимость к наплыву трудовых мигрантов из Средней Азии». (Наконечный Д.Н., 23 года)

«...Я думаю, что мелкие стычки на этнической почве у нас в стране сегодня происходят из-за внутреннего недовольства людей своим положением. А крупные акции (этнические столкновения: Бирюлёво, Пугачев, Кондопога) искусственно раздуваются провокаторами по заданию властей для устрашения и предупреждения нежелательных более крупных волнений. Они же проходят в больших городах, где много мигрантов». (Круглов А.Ф., 51 год)

«...террористы, национал-экстремисты.... с ВГМЭК это они связаны. Они преследуют свои интересы, чаще всего каждый раз разные. Это просто преступники». (Наконечный Д.Н., 23 года)

Даже поверхностный транссимволический анализ смыслов высказываний респондентов позволяет выделить эмоциональную составляющую высказываний респондентов, признающих неизбежность конфликтов такого рода, отделив ее от рациональной. В высказываниях респондентов ВГМЭК описывается как острая проблемная ситуация, имманентная социальному ландшафту жизни больших и малых городов современной России.

«...ВГМЭК – это непременно большая социальная проблема, коих у нас в стране полным-полно. Не могу себя назвать равнодушной к этой ситуации, но и к приверженцам категоричных взглядов (нацисты или мирные граждане, которым в принципе все равно, лишь бы выглядет белыми и пушистыми) не могу себя отнести...». (Федосеева Э., 25 лет)

«...Конечно, ВГМЭК актуальны сегодня. Если еще два года назад о них как о социальной проблеме почти не говорили, то сегодня эту проблему политики и СМИ стараются вывести на первый план». (Федосеева Э., 25 лет)

Во многих высказываниях наших респондентов звучало предчувствие неизбежности ВГМЭК, причиной чему была исторически сложившаяся ситуация: многонациональность РФ, а также стран Европы.

«Страна (РФ) с такой огромной территорией просто не может не быть многонациональной, поэтому межэтнические конфликты неизбежны, тем не менее, на сегодняшний день, я бы не сказала, что в стране их много. Наверное, это потому что люди привыкли к многонациональности в период СССР, но мы уже живем в России и граничим не с республиками, а с отдельными странами, и приезжие не ведут себя так, как подобает гостям в нашей стране». (Молочкова М., 22 года)

«...Конечно, убийство Егора Свиридова спровоцировало в дальнейшем потерю еще четырехсот жизней. Даже если мы будем говорить: «Ребята, давайте жить дружно», как кот Леопольд – не получится эта дружба. Необходимо относиться к российской многонациональности без предвзятости... правило простое – относитесь терпимо ко всем нациям. Конфликтов не избежать, это нормальный процесс. Но го-

сударству, в свою очередь, необходимо быть готовым к регуляции и необходимому подавлению». (Хрисанфова С.М., 22 года)

«Я думаю, что современные конфликты стали одним из ведущих факторов напряженности, нестабильности нашей обыденной жизни». (Берестов Ю., 23 года)

«...Не знаю, что и думать. Многих россиян пугает уровень опасности ВГМЭК. Массовые конфликты с участием трудовых мигрантов захлестнули Европу». (Федосеева Э., 25 лет)

Респонденты, рассуждая о ВГМЭК, часто мыслят стереотипно, связывая воедино понятия «чужой», «другой», «враг» и «трудовая миграция». Респонденты второй и третьей возрастных групп (29–54 года и 60 лет и старше), рассуждая о ВГМЭК, утверждали, что в советское время таких конфликтов не было. По их мысли, сегодня в мегаполисах появилось слишком много приезжих (трудовых мигрантов), которых раньше не было. После распада СССР эти мигранты стали настоящими иностранцами. Они «не наши». Они «чужие», они прибыли к нам из других стран.

В условиях мегаполиса эти «чужие» намеренно демонстративно позиционируют себя как «другие», «чужие». Агрессивное отношение со стороны коренных жителей к ним возникает естественным образом и постоянно накапливается. В результате, конфликты возникают все чаще. Чтобы их предотвратить, по мнению респондентов: 1) трудовые мигранты, должны вести себя в соответствии с обычаями российских городов; 2) государство должно активнее регулировать миграционные процессы.

«После распада СССР экономика многих бывших Республик пришла в упадок. Людям пришлось перебираться в Россию с целью заработка. А в Советском Союзе не было такого количества трудовых мигрантов, так как работу они могли найти и в своей Республике». (Шестняк Е.Б., 53 года)

«...на данный момент требуется институционализация государственной этнической политики, что означает системную реализацию политических интересов, ценностей и норм, к тому же нужен правовой контроль государства над соблюдением международно-признанных принципов

межэтнических отношений в полиэтничном обществе». (Хабибулина Н.И., 63 года)

«... Наше государство провалило миграционную политику, по сути, открыв границу для всех желающих из бывшего СССР. Поэтому все следующие шаги в этой политике являются слишком мягкими. Они уже не могут кардинально изменить ситуации». (Магнушевский М.И., 23 года)

Респонденты негативно переживают присутствие «чужих» (торговцев на рынке, работников сферы услуг, сотрудников ЖКХ, рабочих на стройках и т. п.). Это создаёт у них ощущение, что они не только могут, но и должны принять участие в ВГМЭК, если они вдруг вспыхнут:

«...Если бы мне действительно пришлось принимать участие в подобном конфликте, чего я не желаю, я бы поддержала жителей мегаполиса. Такие конфликты можно прогнозировать, т. к. они мотивированы недовольством общества принимающей стороны в отношении трудовых мигрантов...». (Хрисанфова С.М., 22 года)

«...Мне жаль, что люди не могут жить в мире и согласии. Но я также понимаю, что и идеальный мир невозможен. Я надеюсь на то, что конфликты будут сведены к минимуму, и страдать от них будет меньше людей... тем более погибать! Ведь зачастую когда происходит такого рода конфликт рядом с тобой, то ты буквально вынужден принять в нем участие...». (Касминская М.В., 29 лет)

«...Если межэтнический конфликт произошел в вашем городе или районе... неужели вы просто прослушаете эту новость? Или, может, все вспыхнет при вас, и вы останетесь равнодушными к ситуации?.. Хотя, конечно, можно и остаться в стороне». (Касминская М.В., 29 лет)

ВГМЭК как символ социального напряжения переживается респондентами как «неизбежность», «близкая беда». Чувство тревоги, настороженности, негативные эмоции – все это для них связано с представлениями о ВГМЭК.

«Конфликт – это всегда плохо, тем более этнический. Я негативно отношусь к

конфликтам, которые происходят на территории России с участием граждан, прибывших из стран ближнего зарубежья. Понятно, что эти люди приехали к нам на заработки. Но конфликты с ними никогда не бывают вызваны какими-то положительными эмоциями. Обычно наоборот...». (Касминская М.В., 29 лет)

«Межнациональные конфликты в городах России всегда очень напряженные. Население у нас и так избыточно напряженное, недовольное условиями существования. Местные люди и так живут в условиях сильной конкуренции за работу, жилье, высокой нагрузки на инфраструктуру. А тут еще и трудовые мигранты нахлынули...». (Теличан Н.В., 23 года)

«Один из моих знакомых участвовал в конфликте в Кондопоге, в Карелии. Он не пострадал, но по рассказам, это очень страшно... Такие конфликты – это настоящая беда». (Касминская М.В., 29 лет)

Рационализация представлений о ВГМЭК осуществляется респондентами путем использования таких символических маркеров как «свой» (коренной житель мегаполиса, автохтон, представитель «русского мира» и «чужой» (трудоу мигрант, представитель пришлого населения, и даже террорист).

«Свои-чужие» – эта ситуация очень жизненная. Такого рода противостояния неизбежны, даже в небольших студенческих коллективах. Вот я пришел учиться в Полярную Академию (СПб), когда там уже произошел конфликт между тувинцами и русскими, а затем еще один конфликт: между ненцами и русскими, который закончился дракой. Сам я в этих конфликтах не участвовал. Они были до меня». (Головкин Д., 21 год)

В ходе интервью наши респонденты постоянно стремились установить смысловую связь между понятиями «ВГМЭК» и «трудоу миграция». Многие описывали свои представления о ВГМЭК в терминах, более связанных с понятием «нация», чем «этнос», т. к. справедливо полагали, что трудовые мигранты из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана – это жители других государств.

«Когда мы говорим об этнических конфликтах, в первую очередь, мы думаем о мигрантах. Действительно, мигранты, которые сегодня есть, они создают проблемы для местного населения, но, кроме этого, и само местное население тоже создает трудовым мигрантам проблемы». (Каршанов Д., 24 года)

«Этнос – это народ. Мне кажется, что говоря «межэтнический конфликт», мы подразумеваем «межнациональный конфликт». (Каршанов Д., 24 года)

Заключительные замечания.

1. Как удалось выяснить в ходе анализа текстов интервью, факторами, оказывающими влияние на уровень социального напряжения респондентов в связи с усилением процессов трудовой миграции, являются: 1) государственная политика в области регулирования трудовой миграции; 2) усиление негативного отношения трудовых мигрантов к коренному населению российских мегаполисов, в частности, к жителям Санкт-Петербурга; 3) особенности практик выстраивания толерантных отношений у жителей мегаполиса с «другими», «чужими», т. е. с трудовыми мигрантами; 4) многонациональность РФ (историческая данность) как потенциальный, но неизбежный источник ВГМЭК.

2. Идеи, которые высказывали респонденты, часто подкреплялись выражениями: «конечно!», «как я уже говорил вам ранее». Тем самым они стремились подчеркнуть универсальность своих взглядов как «людей толпы», а именно, представителей массового общества. Х. Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс» понятие «человек-масса» определяет как психологический феномен. Основными его признаками является «быть и думать, как все», быть лишенным исторического сознания и отрицать культуру. Иными словами, наши респонденты старались выглядеть, как жители мегаполиса, как те, кто могут согласовывать свои чувства и представления об общественных процессах, например, ВГМЭК, «выходя из своих ментальных ячеек». Объединение таких людей возникает, по мысли Э. Дюркгейма, на неконтролируемой эмоциональной основе: в нашем случае негативной эмоции переживания феномена ВГМЭК.

3. Признание факта ВГМЭК как аспекта современной социальной реальности двумя

группами респондентов (теми, кто видит неизбежность ВГМЭК, и теми, кто готов проблематизировать возможность конфликтов такого рода). Исходя из анализа текстов интервью [17], можно заключить, что такими последствиями для жителей Санкт-Петербурга могут стать: 1) дальнейший рост националистических настроений, 2) снижение толерантности в отношении представителей трудовой миграции, 3) рост социальной напряженности, включая выступления против коррупции и этнической преступности.

4. Наше исследование – вклад в общесоциологический мониторинг настроений россиян по отношению к проблеме ВГМЭК. Такой мониторинг открывает возможности: 1) прогнозировать дальнейшее развитие протестной активности и ее дрейф между отраслями, регионами и типами конфликтов; 2) определять источники потенциальных и реальных угроз, о которых люди рассказывают в устных интервью более развернуто и охотно, чем при заполнении установочных анкет; 3) разработать нетривиальные сценарии формирования толерантных отношений в обществе на основе информации, которая латентно содержится в интервью.

5. Мы надеемся, что изучение мнений респондентов о ВГМЭК в итоге сможет способствовать повышению гуманизации общественных отношений, т. к. заставят общественность задуматься не только над причинами, но и последствиями этих конфликтов. Иными словами, мы полагаем, что через рефлексию респондентов возможно смягчение состояний социальной фрустрации, агрессивных настроений, социальной напряженности в общественных отношениях. Метод нарративного интервью позволяет осуществить проблематизацию феномена ВГМЭК в сознании респондентов через такие понятия, «участие», «сочувствие», «понимание» не только, но, в итоге, и жителей мегаполиса.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ 2014-201 «Толерантность в условиях транслокальных идентификаций: социальное и этнокультурное измерения», проект № 14-03 00298.

Acknowledgements

The work was prepared with the support of a grant RHF № 14-03 00298.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Безбородова Т.М. Мигранты на российском рынке труда // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 66–72.
2. Бредникова О.А., Паченков О. В. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика. Сб. статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9–12 сентября 1999 г.). Вып. 8. / Под ред. Бредниковой О., Воронкова В.М., Чикадзе Е. СПб.: ЦНСИ, 2000. С. 47–54.
3. Веселкова Н.В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 103–110.
4. Воронков В.М., Освальд И. Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности / Воронков В.М. и И. Освальд (ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 6–36.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. И. Тюрина. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
6. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 51–57.
7. Камалова Г.Р. Стратегия применения рассказа жизни в этносоциологических исследованиях // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1(69). С. 48–52.
8. Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 3–12.
9. Паченков О.В. Этнические экономические мигранты: трансформация социальных отношений (на примере мигрантов из Азербайджана и Таджикистана в Санкт-Петербурге). URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/jetnicheskie-jekonomicheskie-migranty-transformacija-socialnyh-otnoshenij.html> (дата обращения: 10.08.2014).
10. Рассадина Т.А. Россияне в условиях «общества риска»: эмоциональный и ценностный аспекты // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 84–93.
11. Сафонова М.А. Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 106–117.
12. Снисаренко А.Н. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на примере исследования азербайджанской общины в Петербурге) // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 138–155.
13. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
14. Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д. Предложение метода измерения социальной напряженности, основанного на расширении принципов репрезентационной теории измерений // Проблемы подготовки первичных данных в социологических исследованиях: сб. ст. / отв. ред. Ю.Н. Толстова, О.А. Оберемко. М.: Российское общество социологов, 2012. С. 100–113.
15. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема как воплощение парадоксального развития российского общества. URL: <http://toschenko.ru/publication/3/> (дата обращения: 10.08.2014).
16. Тютюнджи И.М. Новые формы социального активизма // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 149–154.
17. Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture // The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.
18. Thrasher F.M. The Gang. A Study of 1.313 Gangs in Chicago. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1968. Pp. 21–22.
19. Waldinger R. The Making of an Emigrant Niche // International Migration Review. 1994. Vol. 28. № 1, Pp. 3–30.

REFERENCES:

1. Bezborodova, T. M. Migrants in the Russian Labor Market. *Sociological Studies*. № 5 (2013). Pp. 66–72.
2. Brednikova, O. A. and Pachenkov, O. V. Ethnicity of “Ethnic Economy” and the Social Networks of Migrants. *Ethnicity and Economy*. (St. Petersburg, September 9–12, 1999). Iss. 8. St. Petersburg: CNSI, 2000, Pp. 47–54.
3. Veselkova, N. V. A Semiformalized Interview. *Sotsiologicheskij zhurnal*. № 3 (1994). Pp. 103–110.

4. Voronkov, V. M. and Osvald, I. Introduction. The Post-Soviet Ethnicity. *Construction of Ethnicity*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Pp. 6-36.
5. Giddens, A. *The Constitution of Society: The Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Academicheskii Proekt, 2003. 528 p.
6. Gotlib, A. S. The Socio-economic Adaptation of Russians: Factors of Success and Failure of. *Sociological Studies*. № 7 (2001). Pp. 51-57.
7. Kamalova, G. R. The Strategy for the Use of the Story of Life in the Ethno-sociological Research. *Vestnik VEGU*. № 1(69) 2014. Pp. 48-52.
8. Kravchenko, S. A. Complex Social Reality in the Formation: The Problem of New Vulnerabilities. *Sociological Studies*. № 5 (2013). Pp. 3-12.
- Pachenkov, O. V. *Ethnic Economic Migrants: the Transformation of Social Relations (Case of Migrants from Azerbaijan and Tajikistan in St. Petersburg)*. URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/jetnicheskie-jekonomicheskie-migranty-transformacija-socialnyh-otnoshenij.html> (date of access: August 10, 2014).
9. Rassadina, T. A. Russians in a "Risk Society": The Emotional and Evaluative Aspects. *Sociological Studies*. № 11 (2013). Pp. 84-93.
10. Safonova, M. A. The Concepts of Functioning of Migrant Communities in American Sociology. *Sociological Studies*. № 12 (2005). Pp. 106-117.
11. Snisarenko, A. N. Ethnic Entrepreneurship in a Big City of Modern Russia (The Case of the Azerbaijan Community in St. Petersburg). *The Informal Economy. Russia and the World*. Moscow: Logos, 1999. Pp. 138-155.
12. Strauss, A. and Corbin, J. *Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques*. Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p.
13. Tolstova, Yu. N. and Voronina, N. D. The Proposed Method of Measuring of Social Tensions Based on the Extension of the Principle of Representational Theory of Measurement. *Problems of Preparation of Primary Data in Sociological Research*. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2012. Pp. 100-113.
14. Toschenko, Zh. T. *Centaur-problem as the Incarnation of the Paradoxical Development of Russian Society*. URL: <http://toschenko.ru/publication/3/> (date of access: August 10, 2014).
15. Tyutyundzhi, I. M. New Forms of Social Activism. *Sociological Studies*. № 5 (2012). Pp. 149-154.
16. Geertz, C. *Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture*. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.
17. Thrasher, F. M. *The Gang. A Study of 1,313 Gangs in Chicago*. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1968.
18. Waldinger, R. The Making of an Emigrant Niche. *International Migration Review*. Vol. 28. № 1 (1994). Pp. 3-30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Окладникова Елена Алексеевна
доктор исторических наук, профессор
Российский государственный
педагогический университет им.
А. И. Герцена,
набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-
Петербург, 191186, Россия
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Okladnikova Elena Alekseevna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Herzen University
48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

УДК 929

*Московкин В. М.***БЕЛГОРОДСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ:
ДИРЕКТОРА, ПРЕПОДАВАТЕЛИ
И ВЫПУСКНИКИ****АННОТАЦИЯ**

На основе официальных изданий Харьковского учебного округа идентифицированы директора и преподаватели Белгородского учительского института, выпускники этого института конца XIX – начала XX вв.

Показано, что весомый вклад в науку, просвещение и развитие народного образования Курской, Воронежской, Харьковской и Казанской губерний внесли директора Белгородского учительского института А. К. Димитриу, А. Ф. Комаров и Ф. Е. Пактовский.

Ключевые слова: Белгородский учительский институт; Харьковский учебный округ; Виленский учебный округ; П. Е. Рошин; Д. Н. Лактионов; А. Ф. Комаров; Ф. Е. Пактовский; А. К. Димитриу.

*Vladimir M. Moskovkin***BELGOROD TEACHERS' TRAINING
INSTITUTE:
DIRECTORS, STAFF AND
GRADUATES****ABSTRACT**

On the basis of official publications of Kharkov School District, the author identifies directors, teachers and graduates of Belgorod Teachers' Training Institute of the late XIX and early XX centuries.

The article demonstrates a significant contribution to science and development of public education in Kursk, Voronezh, Kharkov and Kazan provinces made by the directors of Belgorod Teachers Training Institute A. K. Dimitriu, A. F. Komarov, and F. E. Paktovskiy.

Key words: Belgorod Teachers' Training Institute; Kharkov School District; Vilno School District; P. E. Roshchin; D. N. Laktionov; A. F. Komarov; F. E. Paktovskiy; A. K. Dimitriu.

В настоящее время отсутствуют систематические исследования по дореволюционной истории становления и развития Белгородского учительского института (БУИ). В работах [1, 2, 9, 11, 12] даются не полные, отрывочные данные о директорах и преподавателях этого института. Очевидно, что для систематического исследования этого вопро-

са необходимо привлечь официальные издания Харьковского учебного округа (ХУО), которые состоят из «Списков чиновников и преподавателей ХУО» (позднее «Списки лиц, служащих по ХУО») и «Циркуляров по ХУО». В первых документах мы можем просматривать списки директоров и преподавателей по учебным заведениям Российской империи,

а также их перемещения по службе, во-вторых – перемещения по службе, назначения, увольнения, награждения и т. д. директоров и преподавателей учебных заведений.

В отделе «Украиника» Харьковской государственной научной библиотеки (ХГНБ) им. В.Г. Короленко мы обнаружили такие «Списки» за 1886 и 1894 гг. и «Циркуляры» за 1895, 1902 и 1915 гг. Кроме того, нами детально изучены «Циркуляры» за 1903 г., хранящиеся в отделе редкой книги Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (ЦНБ ХНУ). Нам также удалось изучить «Списки лиц, служащих по ХУО» в отношении БУИ за 1901–1903, 1910, 1913 гг., оцифрованные копии которых были получены нами из Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). В качестве точки отсчета мы использовали неполные данные по шта-

ту БУИ за 1876 г., опубликованные в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП) за 1877 г.¹

На основе вышеуказанных «Списков» и сведений из ЖМНП нами была составлена сводная таблица (Табл. 1). Так как сведения из этих «Списков» охватывают большой интервал времени (1886–1913 гг.), они не всегда носили однородный характер. Например, год рождения преподавателей в них появился в 1910 г., а в «Списках» за 1901 и 1902 гг. не указывался класс должности. В таблице мы не привели данные за 1901 и 1910 гг., так как они были полностью идентичны данным, соответственно, за 1902 и 1913 гг.

¹ Об открытии учительского института в Белгороде // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1877. Часть 189. Отд. 4. С. 65–67.

Таблица 1. Директора и преподаватели Белгородского учительского института¹

Table 1. Directors and teachers of Belgorod Teachers' Training Institute

Год	Директор	Преподаватели						
		Законоу- читель	Русского и церков- но-слав- янского языка	Матема- тики	Есте- ственной истории и физики	Истории и геогра- фии	Черче- ния и ри- сования. Чистопи- сания	Пения и музыки
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1876	Рощин	о. Митро- фан Федо- ров, канд. богосл. Киевской Духовной академии.	Рощин	Голова- чев канд. физ.-мат. ф-та ИХУ	Комаров канд. физ.-мат. ф-та ИХУ	Чеботарев окончил курс наук в Санкт-Пе- тербург- ском исто- рико-фи- лологи- ческом институте	Талашко (чисто- писание, препо- даватель русского языка Бел- городской учитель- ской семи- нарии	свящ. Бо- голюбов, препо- даватель пения в Белг. учи- тельской семина- рии

¹ Список сокращений в таблице: ИХУ – Императорский Харьковский университет, ИКУ – Императорский Казанский университет, ИНУ – Императорский Новороссийский университет, ИМУ – Императорский Московский университет, НФИ – Нежинский филологический институт, д. с. с. – действительный статский советник, с. с. – статский советник, н. с. – надворный советник, н. ч. – нижний чин.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1886	преп. педагогики и дидактики, с. с., Дмитрий Николаевич Ларионов, канд. ист.-фил. ф-та ИХУ, в службе 20 авг. 1866, в должн. и класс должн. – 28 окт. 1878, V.	вакансия	н. с. Борис Алек-сандрович Цацкин, канд. ист.-фил. ф-та университета св. Владимира (Киев), в службе – 1 июля 1877, в должн. и класс должн. – 1 июля. 1877, VIII.	кол. сов. Петр Гаврилович Головачев, канд. физ.-мат. ф-та ИХУ, в службе – 16 июля 1874, в должн. и класс должн. – 31 июля 1876, VIII.	Иван Васильевич Попов, канд. физ.-мат. ф-та ИХУ, в службе – 15 сент. 1883, в должн. и класс должн. – 15 сен 1883, VIII.	кол. сов. Василий Ильич Чеботарев, канд. С.-Петербургского историко-филологического института, в службе – 3 июня 1873, в должн. и класс должн. – 23 авг. 1876, VIII.	кол. ассес. Юлий Иванович Феддерс, акад. Имп. Акад. Художеств, в службе – 8 мая 1864, в должн. и класс должн. – 24 окт. 1876, IX; с. с. Федор Петрович Талашко (чистописание) окончил курс Харьк. 1-й гимн., в службе – 18 дек. 1862 по 1 дек. 1870 и с 21 сент. 1871, в должн. – 23 авг. 1876, по найму.	свящ. Николай Васильевич Боголюбов, окончил курс в Курской духовной семинарии, в службе – 16 авг. 1876, в должн. – 1 сент. 1876, по найму.
1894	с. с. Дмитрий Николаевич Ларионов, то же самое.	свящ. Лев Николаевич Булгаков, канд. богосл. Киев. духовной академии (он же законоучитель в Белг. жен. гимн. и настоят. церкви института), в службе – 31 мая 1887, в должн. и класс должн. – 31 мая 1877.	с. с. Борис Александрович Цацкин, то же самое (он же преп. педагогики в Белг. жен. гимн.).	Александр Александрович Потебня, канд. физ.-ат. ф-та ИХУ, в службе – 6 сент. 1893, в должн. и класс должн. – 6 сент. 1893, VIII.	кол. сов. Иван Васильевич Попов, то же самое (он же секр. пед. сов. инст. и преп. в Белг. жен. гимн.).	н. с. Николай Павлович Ильинский, канд. ист.-фил. ф-та ИХУ (он же библиотекарь инст., преп. в Белг. жен. гимн., член СПб. архео-лог. инстит.), в службе – 11 окт. 1883, 1 авг. 1885, в должн. и класс должн. – 1 авг. 1885, 14 февр. 1886, VIII	тит. сов. Иван Артемович Шевелин (времен. преп. чистописание), некласный художник СПб. акад. художеств (он же преп. в Белг. муж. и жен. гимн.), в службе – 18 нояб. 1886, в должн. и класс должн. – 18 нояб. 1891, VIII	свящ. Николай Васильевич Боголюбов, то же самое; капельмейстер 31-й артиллер. бригады Иосиф Францович Шорф, воспит. в Пражском музык. учил. (он же учитель в Белг. муж. гимн.).

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1902	д. с. с. Дмитрий Николаевич Ларионов, то же самое (в должн. – 1 янв. 1898)	свящ. Евгений Николаевич Попов, канд. богословия Моск. дух. акад., в службе – 1 дек. 1895, в должн. – 8 марта 1896	с. с. Борис Александрович Цацкин, то же самое, в должн. – 1 янв. 1901	с. с. Иван Дмитриевич Штукарев, канд. физ.-мат. ф-та ИХУ, в службе – 23 мая 1880, в должн. – 1 янв. 1896	н. с. Василий Павлович Ильинский, канд. физ.-мат. ф-та ИХУ, в службе – 26 авг. 1894, в должн. – 1 янв. 1900.	н. с. Дмитрий Иванович Войнилович, канд. ист.-фил. ф-та ИХУ, в службе – 21 сент. 1894, в должн. – 1 янв. 1900	вакансия	-
1903	д. с. с., Александр Федорович Комаров, канд. физ.-мат. ф-та ИХУ (он же предс. пед. сов. и непр. чл. попеч. сов. Белг. жен. гимн.), в службе – 26 марта 1870, в должн. и класс должн. – 1 июля 1902, V	свящ. Евгений Николаевич Попов, то же самое, в должн. – 1 сент. 1900	с. с. Викентий Николаевич Шамраев, канд. НФИ кн. Безбор. (он же преп. Белг. жен. гимн.), в службе – 1 июля 1880, в и класс должн. – 1 авг. 1902, VIII	с. с. Иван Дмитриевич Штукарев, то же самое, в службе – 1 авг. 1878 – 31 дек. 1899, с 15 июля 1900, в должн. и класс должн. – 15 июля 1900, VIII	кол. сов. Василий Павлович Ильинский, то же самое, (он же секр. пед. сов. инст. муж. и жен. гимн.), в службе – 26 авг. 1894, в должн. и класс должн. – 26 авг. 1894, VIII	н. с. Дмитрий Иванович Войнилович, то же самое (он же библи. инст. и преп. Белг. жен. гимн.), в службе – 21 сент. 1894, в должн. и класс должн. – 3 окт. 1895, VIII	и. о. – н. ч. Михаил Васильевич Игумнов, пед. курс СПб. Акад. художеств, в службе – 7 окт. 1902, в должн. и класс должн. – 7 окт. 1902, VIII	свящ. Александр Михайлович Нездоймишев, Калуж. дух. сем. (по найму), в службе – 28 февр. 1899, в должн. и класс должн. – 10 окт. 1902
1913	с. с., Алексей Константинович Димитриу, канд. ист.-фил. ф-та ИХУ (он же пред. пед. сов. Белг. жен. гимн.), в службе – 5 авг. 1895, в должн. и класс должн. – 30 сент. 1906, V, год рожд. – 17 марта 1857	свящ. Алексей Гаврилович Попов, Кур. дух. сем. (он же секр. пед. сов. инст.), в службе – 20 июля 1888, в должн. – 8 нояб. 1906, год рожд. – 10 янв. 1868	свящ. Евгений Николаевич Попов, то же самое, (он же преп. Белг. жен. гимн.), в должн. – 17 окт. 1906, год рожд. – 10 янв. 1870	с. с. Иван Дмитриевич Штукарев, то же самое, год рожд. – 2 сент. 1850	Николай Андреевич Федченко, канд. физ.-мат. ф-та ИХУ, (он же преп. Белг. жен. гимн.), в службе – 16 сент. 1908, в должн. и класс должн. – 12 марта 1909, VIII, год рожд. – 24 ноябр. 1871	Дмитрий Васильевич Солодов, Лазаревский инст. вост. языков и ист.-фил. ф-т ИМУ, в службе – 1 янв. 1907, в должн. и класс должн. – 1 янв. 1907, VIII, год рожд. – 8 окт. 1879	н. с. Михаил Васильевич Игумнов, то же самое, год рожд. – 19 нояб. 1867	Иван Иванович Чернов, инстр. класс при-дв. капел., в службе – 15 июля 1903, в должн. и класс должн. – 15 июля 1903, VIII, год рожд. – 26 авг. 1872

Таблица 1 позволяет идентифицировать старожилов БУИ. Больше всего проработали в нем Б.А. Цацкин (с 1877 по 1902 гг.) и Д.Н. Ларионов (с 1878 по 1902 гг.). Доля выпускников Императорского Харьковского университета (ИХУ) в основном штате БУИ достигла максимума (50 %) при директорстве в нем А.Ф. Комарова в 1903 г. За все рассматриваемые годы, с 1876 по 1913 г., преподавателями математики и физики в БУИ были выпускники ИХУ.

В «Ведомостях о числе уроков, пропущенных преподавателями и преподавательницами в гимназиях и прогимназиях, мужских и женских, реальных училищах, учительских семинариях и институтах, в 1894 году»¹ мы обнаружили, что преподаватель естественной истории и физики И.В. Попов проработал в БУИ с 15 сентября 1883 г. по 30 июля 1894 г., и на его должность 31 августа того же года вступил выпускник ИХУ В.П. Ильинский. То, что его вступление в должность означено 1 января 1900 г., связано, по-видимому, с его переизбранием на эту должность после пяти лет работы в БУИ. Учитель математики А.А. Потеня проработал в БУИ с 6 сентября 1893 г. по 24 августа 1894 г., и на его должность с 15 сентября вступил Цариков. В «Циркуляре по Харьковскому учебному округу» (№ 3, март, 1895 г.) в февральском Приказе № 703 указано, что исправляющий должность (и. д.) преподавателя математики БУИ Константин Цариков освобожден от этой должности 21 января 1895 г.

Из «Списка лицам, служащим по ХУО в 1894 г.» дополнительно узнаем, что окончивший курс физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета по отделению математических наук с дипломом 1 степени Константин Васильевич Цариков определен и. д. преподавателя математики БУИ, а окончивший курс физико-математического факультета ИХУ по отделению естественных наук с дипломом 1 степени Василий Ильинский – и. д. преподавателя естественных наук и физики БУИ. Бывший преподаватель естественной

истории и физики БУИ кол. сов. И.В. Попов назначен инспектором народных училищ Воронежской губернии. Преподаватель математики БУИ А.А. Потеня перемещен на такую же должность в Харьковскую женскую гимназию, содержащуюся госпожой Оболенской.

Отметим, что в ХГНБ им. В.Г. Короленко имеется полный комплект «Циркуляров по ХУО» за 1895 г. Изучив их, в дополнение к предыдущим сведениям (Циркуляр по ХУО, № 3), мы обнаружили следующие сведения, касающиеся БУИ.

Циркуляр № 1, январь: декабрьский (1894 г.) приказ по ХУО № 8681: окончивший курс БУИ Андрей Бураков определен и. д. учителя арифметики и геометрии в Землянское уездное училище; декабрьский (1894 г.) приказ № 9115: окончивший курс Николай Майборода определен и. д. учителя арифметики и геометрии в Острогожское уездное училище.

Циркуляр № 2, февраль: высочайшим указом по гражданскому ведомству от 1 января 1895 г. за № 1 статский советник, директор БУИ, Дмитрий Ларионов произведен за отличие в действительные статские советники.

Циркуляры №№ 4-8: сведений о БУИ нет.

Циркуляр № 9, сентябрь: приказом по ХУО № 5267 окончивший курс БУИ Лев Воронинцев определен и. д. учителя истории и географии в Темниковское уездное училище; приказом по ХУО № 5269 окончивший курс БУИ Петр Овчаренко определен и. д. учителя арифметики и геометрии в Ахтырское уездное училище; приказом по ХУО № 5271 окончивший курс БУИ Павел Земсков определен и. д. сверхштатного учителя в Саранское городское 4-х-классное училище.

Циркуляр № 10, октябрь: распоряжением начальника учебного заведения, директором Острогожской прогимназии окончивший курс наук в БУИ Тимофей Макеев определен и. д. помощника классных наставников и учителем пения в Острогожскую 6-тиклассную прогимназию с 1 сентября 1895 г.; сентябрьским приказом по ХУО № 6737 окончивший курс наук БУИ Петр Задорожный определен и. д. сверхштатного учителя в Белгородское уездное училище.

Циркуляр № 11, ноябрь: октябрьским приказом по ХУО № 6815 сверхштатный учитель

¹ Ведомости о числе уроков, пропущенных преподавателями и преподавательницами в гимназиях и прогимназиях, мужских и женских, реальных училищах, учительских семинариях и институтах в 1894 году // Прибавление к № 5 Циркуляра по Харьковскому учебному округу. 1895. Май. С. 26-27.

истории и географии Харьковского уездного училища Дмитрий Войнилович назначен и. д. преподавателя истории и географии БУИ.

В ХГНБ им. В.Г. Короленко имеются также неполные комплекты циркуляров по ХУО за 1902 и 1915 гг. Приведем из них сведения, касающиеся БУИ.

Циркуляр № 9, 1902 г.: приказом по ХУО № 10878 окончившие курс БУИ определены с 1 августа 1902 г. и. д. учителей городских училищ: Игнатий Лобойко – Харьковского, Иосиф Ключко и Федор Захарченко – Лебединского; приказом по ХУО № 10879 окончивший курс БУИ Петр Ситник определен учителем Нижнедевицкого городского училища с 1 августа 1902 г.; приказом по ХУО № 10880 окончивший курс БУИ Иоанн Невзоров определен учителем Нижне-Ломовского городского училища с 1 августа 1902 г.; приказом по ХУО № 10881 окончивший курс БУИ Иван Машинка определен и. д. учителя Новониколаевского городского училища с 1 августа 1902 г.; приказом по ХУО № 10967 окончивший курс БУИ Иван Сорокин определен и. д. учителя Путивльского городского училища с 1 августа 1902 г.; приказом по ХУО № 11197 окончивший курс БУИ Василий Кармахин определен и. д. учителя Коротоякского городского училища с 1 августа 1902 г.; приказом по ХУО № 11201 нижепоименованные окончившие курс БУИ определены и. д. учителей городских училищ: Иван Евтушенко – Инсарского и Павел Питехин – Краснослободского, оба с 1 августа 1902 г.

Циркуляр № 11, 1902 г.: приказом по ХУО № 14684 окончивший педагогический курс при Императорской академии художеств Михаил Игумнов определен и. д. преподавателя рисования, черчения и чистописания БУИ; распоряжением № 885 (октябрь, 1902 г.) начальника учебного заведения (директора БУИ) священник Преображенской г. Белгорода церкви Александр Нездоймишев определен учителем пения БУИ с 1 октября 1902 г., за увольнением с того же числа от означенной должности, согласно прошению, состоящего в X классе Ивана Кулегаева.

Циркуляр № 3, 1915 г.: директор БУИ П. Дьяконов награжден орденом Св. Владимира 3 степени.

Циркуляр № 8, 1915 г.: приказом по ХУО № 16631 учитель городского, при БУИ, училища, надворный советник Черняков назначен на должность инспектора народных училищ Саранского уезда, Пензенской губернии.

Циркуляр № 9, 1915 г.: приказом по ХУО № 17192 преподаватель БУИ Евгений Попов допущен с 1 июля, согласно прошению, к преподаванию русского языка и словесности в Воронежском учительском институте из платы по найму впредь до решения вопроса о допущении его к государственной службе и снятия сана. В «Циркулярах» №№ 1, 2, 4-7 сведений, касающихся БУИ, нет.

Просмотр «Циркуляров» за 1903 г., хранящихся в ЦНБ ХНУ, позволил обнаружить следующие сведения, касающиеся сотрудников и выпускников БУИ.

Циркуляр № 5, май: приказ по Министерству народного просвещения (№ 11916 от 13 апреля 1903 г.) о назначении пенсии вдове умершего 3 декабря 1902 г. мужа, бывшего инспектора народных училищ Тамбовской губернии, статского советника Талашко, за свыше 30-летнюю службу (преподаватель первого состава БУИ, см. табл. 1); распоряжением № 410 директора БУИ от 19 апреля 1903 г. псаломщик Николай Лебединский определен и. д. письмоводителя с 10 апреля 1903 г., за смертью Михаила Лебединского, исправлявшего означенную должность.

Циркуляр № 8, август: приказом по ХУО № 10639 окончившие курс БУИ за 1903 г. определены: а) и. д. учителей: Иван Бочкарев – 2-го Донского и Георгий Кочанов – Новониколаевского городских училищ; б) и. д. сверхштатных учителей городских училищ: Петр Бузук – Константиновского, Павел Гавриленков – Каменского, Федор Епишев – Новочеркасского, Евгений Краснов – Хоперского, Иван Константиновский – Сальского, Дмитрий Маликов – 2-го Донского, все с 1 июля 1903 г.; приказом по ХУО № 10640 окончившие курс БУИ в 1903 г. определены: Иван Дудолов – и. д. учителя Темниковского городского училища, Сергей Елкин и Александр Подшивалин – и. д. сверхштатных учителей, первый Спасского и второй Кирсановского городских училищ, все с 1 июля 1903 г.; приказом по ХУО № 10643 окончивший курс БУИ Игнатий Калугин опре-

делен и. д. учителя Путивльского городского училища с 1 июля 1903 г.

Циркуляр № 10, октябрь: приказ по Министерству народного просвещения (№ 24864 от 15 августа 1903 г.): «Вдове умершего в отставке, с пенсией, бывшего директора Белгородского учительского института, коллежского советника Рощина, Евдокии Рощиной, за 25-летнюю службу мужа, на основании св. зак. т. III уст. о пенсиях и единовременных

пособиях (изд. 1896 г.) ст. 99, 104, 198, 345 и 348, назначается половина оклада пенсии (800 р.), производившейся покойному Рощину в отставке, – по 400 р. в год, со дня смерти Рощина – 26 февраля 1903 г.». В остальных «Циркулярах» за 1903 г. нужных нам сведений не было.

Сведем вышеуказанные сведения по распределению выпускников БУИ в таблицу (Табл. 2).

Таблица 2. Распределение выпускников БУИ за избранные годы

Table 2. Belgorod Teacher's Training Institute graduates for selected years

Год	Фамилия и имя выпускника	Должность и училище, в которое определен выпускник
1894	Андрей Бураков	учитель арифметики и геометрии, Землянское уездное училище
1894	Николай Майборода	учитель арифметики и геометрии, Острогожское уездное училище
1895	Лев Воротинцев	учитель истории и географии, Темниковское уездное училище
1895	Петр Овчаренко	учитель истории и географии, Ахтырское уездное училище
1895	Павел Земсков	сверхштатный учитель, Саранское городское 4-хклассное училище
1895	Тимофей Макеев	помощник классных наставников, учитель пения, Острогожская 6-тиклассная прогимназия
1895	Петр Задорожный	сверхштатный учитель, Белгородское уездное училище
1902	Игнатий Лобойко	Харьковское городское училище
1902	Иосиф Ключко	Лебединское городское училище
1902	Федор Захарченко	Лебединское городское училище
1902	Петр Ситник	Нижнедевицкое городское училище
1902	Иоанн Невзоров	Нижнее-Ломовское городское училище
1902	Иван Машинка	Новониколаевское городское училище
1902	Иван Сорокин	Путивльское городское училище
1902	Василий Кармахин	Коротоякское городское училище
1902	Иван Евтушенко	Инсарское городское училище
1902	Павел Питехин	Краснослободское городское училище
1903	Иван Бочкарев	2-е Донское городское училище
1903	Георгий Кочанов	Новониколаевское городское училище
1903	Петр Бузук	Константиновское городское училище
1903	Павел Гавриленков	Каменское городское училище
1903	Федор Епишев	Новочеркасское городское училище
1903	Евгений Краснов	Хоперское городское училище
1903	Иван Константиновский	Сальское городское училище
1903	Дмитрий Маликов	2-е Донское городское училище
1903	Иван Дудолов	Темниковское городское училище
1903	Сергей Елкин	Спасское городское училище
1903	Александр Подшивалин	Кирсановское городское училище
1903	Игнатий Калугин	Путивльское городское училище

Из Таблицы 2 видим, что все выпускники БУИ распределялись в уездные и городские училища.

Необходим более широкий охват и анализ вышеуказанных «Списков» и «Циркуляров» по ХУО, чтобы получить всеохватывающую качественную и количественную структуру человеческого потенциала БУИ в дореволюционный период его развития.

Дадим теперь комментарий относительно дореволюционных директоров БУИ и приведем новые сведения о них, почерпнутые нами из Циркуляров по Виленскому и Харьковскому учебным округам, хранящихся в отделе редкой книги ЦНБ ХНУ имени В.Н. Каразина, а также из других источников.

О первом директоре БУИ, проработавшем в нем до октября 1878 г. (см. табл. 1), до сих пор ничего не было известно. Мы даже не знали его имени и отчества. По какому-то недоразумению он назван в работе [2] «известным филологом». Узнав из статьи [13], что Павел Емельянович Роцин был окружным инспектором Виленского учебного округа, мы в Циркуляре по управлению Виленским учебным округом¹ обнаружили, что по распоряжению попечителя этого округа И.П. Корнилова учитель русской словесности Виленского раввинского училища Павел Роцин был назначен на должность правителя канцелярии попечителя с 1 апреля 1867 г. В другом Циркуляре за 1875 г. мы обнаружили, что: «Ученый комитет Министерства народного просвещения рассмотрел составленную П. Роциным книгу под заглавием: «Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, применяемый к учебным предметам начального обучения», 2-е издание 1873 г. – определенным своим, утвержденным г. товарищем Министра, постановил, что книга эта может служить руководством для женских гимназий и учительских семинарий². Не обнаружив приказа о назначении П.Е. Роцина на долж-

ность директора БУИ, мы нашли приказ о присвоении ему чина коллежского советника за выслугу лет с 4 июля 1876 г. (предыдущий чин – надворный советник)³, а также приказ № 17 от 28 октября 1878 г. по Министерству народного просвещения о том, что директор БУИ, коллежский советник Роцин уволен от службы, согласно прошению, с дозволением носить в отставке мундирный полукафтан, последней должности присвоенной⁴. С этим хорошо согласуется детальное библиографическое описание 6-го издания его книги 1884 г., в котором отмечено, что автор является бывшим директором БУИ [14]. В статье «Виленский вестник», напечатанной в «Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона» мы можем прочесть, что с 1866 г. редактором-издателем этого старейшего литовского издания становится В. Забелин, а соредакторами его П.Е. Роцин и М. де-Пуле, а с 1876 по 1870 г. газету редактировал П.Е. Роцин [3]. Хорошо известно, что 60-е годы XIX века в Северо-Западном крае Российской империи были периодом ожесточенной борьбы с полонизмом и папизмом за «русское дело». Очевидно, что П.Е. Роцин, как и тысячи других чиновников, преподавателей и других квалифицированных специалистов из внутренних российских губерний, был мобилизован для реализации русификаторской программы виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, инициатива которой была вызвана польским восстанием 1863 г.

Второй директор БУИ, д. с. с. Д.Н. Ларионов, проработал в этом институте с 28 октября 1878 г. по июль 1902 г. Несмотря на длительный срок работы Д.Н. Ларионова на посту директора БУИ, у нас отсутствуют какие-либо сведения о его деятельности на поприще народного образования. В Большом русском альбоме «Вся Россия в лицах и биографиях из семейных архивов» имеется фотография Дмитрия Николаевича Ларионо-

¹ Циркуляр по управлению Виленским учебным округом. 1867. № 5. С. 13.

² Циркуляр по управлению Виленским учебным округом. 1875. № 4. С. 162-163.

³ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1878. № 11. С. 10.

⁴ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1878. № 12. С. 30.

ва из частного собрания С.Е. Володарского (Харьков), сделанная фотографом Константином Андреевичем Скорупским в 1898 г. в Белгороде¹. Мы обнаружили также «Высочайший приказ по гражданскому ведомству» (от 13 мая 1902 г., № 37), в котором указано, что директор БУИ, д. с. с. Ларионов уволен от службы, согласно прошению, с мундиром, занимаемой им должности присвоенным².

В существующей исторической хронологии директоров/ректоров БУИ/БГПИ/БГУ, размещенной на сайте этого университета³, отсутствует имя А.Ф. Комарова (1842–1918). Нами было проведено отдельное исследование, в результате которого было показано, что выпускник ИХУ и первый учитель естественной истории и физики Комаров (см. табл. 1) впоследствии стал директором БУИ. До работы директором БУИ он являлся директором народных училищ Воронежской губернии и оставил после себя богатое литературное наследие. Например, его основной труд «Народная школа. Руководство для учащихся в народных училищах» выдержал множество изданий в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге в период с 1885 по 1914 гг.⁴. Наш анализ большого пласта украиноязычной литературы показывает, что А.Ф. Комаров, известный под псевдонимом О. Степовик, является известным украинским публицистом, популяризатором общепольных знаний. Об этом также свидетельствует О.Г. Ласунский в статье «Комаровы, деятели украинской культуры и литературы», опубликованной в «Воро-

нежской историко-культурной энциклопедии» [10, с. 253]. А.Ф. Комаров возглавлял украинскую секцию Благотворительного общества по изданию общепольных и дешевых книг для народа, являлся членом Воронежского губернского статистического комитета (ВГСК), его «Арифметический задачник для начальной школы» (Харьков, 1918) относят к первым советским математическим пособиям на украинском языке. В украиноязычной статье Википедии⁵ он представлен как основатель жанра украинской научно-художественной литературы (на наш взгляд, правильнее написать – научно-популярной литературы) и как видный деятель украинского либерально-демократического движения. Отмечается также, что он после окончания ИХУ учительствовал в Ровенской гимназии, а потом в Воронеже. Но вся научно-просветительная и общественная деятельность А.Ф. Комарова, направленная на развитие украинской культуры и образования, требует отдельного исследования.

Из таблицы 1 не ясно, до какого времени А.Ф. Комаров проработал директором БУИ и когда его на этой должности мог сменить А.К. Димитриу. При отсутствии полных коллекций Циркуляров по ХУО, нам удалось найти только «Высочайший приказ по гражданскому ведомству» (от 1 июля 1902 г., № 56), в котором указано, что директор народных училищ Воронежской губернии, д. с. с. Комаров назначен директором БУИ, согласно прошению⁶. На то, что А.Ф. Комарова на посту директора БУИ сменил не А.К. Димитриу, а другой педагог, показывает найденный нами «Высочайший приказ по гражданскому ведомству» (от 2 сентября 1906 г., № 68), в котором указано, что директор БУИ, с. с. Пактовский назначен директором Харьковской второй гимназии⁷. Он мог вступить в должность директора БУИ в пери-

¹ Русские знаменитости. Фотографии из частного собрания С.Е. Володарского (Харьков) // Большой Русский Альбом «Вся Россия в лицах и биографиях из семейных архивов». URL: <http://www.rusalbom.ru/volodarsky4new.html> (дата обращения: 15.10.2014).

² Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1902. № 7. С. 14.

³ Ректоры Белгородского учительского института – педагогического института – государственного университета. URL: <http://130.bsu.edu.ru/Rectors/> (дата обращения: 15.10.2014).

⁴ Статья В.М. Московкина «О крупном деятеле народного образования юга России Александре Федоровиче Комарове (1842-1918)» будет опубликована в одном из ближайших номеров «Научных ведомостей БелГУ», в серии «Гуманитарные науки».

⁵ Комаров Александр Федорович. URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/Комаров_Александр_Федорович (дата обращения: 15.10.2014).

⁶ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1902. № 8. С. 17.

⁷ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1906. № 10. С. 8.

од 1904-06 гг., так как в «Списке лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1904 г.» директором БУИ показан А.Ф. Комаров¹.

Узнав фамилию нового директора БУИ и протестировав ее в расширенном поиске Google, мы на сайте «Генеалогической базы» нашли следующие сведения о нем: «Пактовский Фёдор Егорович (1856-1922) окончил Казанский университет. Действительный статский советник. Преподавал словесность в Саратовской классической гимназии. В период до 1906 г. был директором Моршанской гимназии, директором Белгородского учительского института. С 1906 г. по 1917 г. проживал в Харькове, директор второй Харьковской гимназии. Писал очерки на литературные и исторические темы. Председатель педагогического совета гимназии Черняховской. Проводил работу по эстетическому воспитанию учеников. Занимался с учащимися сценической и театральной работой, писал сценарии и пьесы для детского театра»². В Электронном каталоге РГБ зафиксированы шесть трудов Ф.Е. Пактовского, посвященные творчеству А.К. Толстого, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, Н.В. Гоголя, В.С. Гаршина и Л.Н. Толстого, а также критические замечания на учебник грамматики русского языка профессора Казанского университета Е.Ф. Будде под названием «К вопросу об учебниках по русскому языку для средних учебных заведений» (Казань, 1901). Кстати, последний труд вошел в государственный план оцифровки документов на 2014 г.³. Вышеуказанные шесть трудов Ф.Е. Пактовского вышли в Казани и Моршанске в период с 1900 по

1905 гг., причем в трудах 1901-1902 гг. автор поименован как преподаватель Казанского реального училища. В биографической статье о нем, написанной Л.Я. Вороновой для хрестоматии «Русская литература в восприятии казанской интеллигенции» [4], мы почерпнули дополнительные сведения: закончил 1-ю Казанскую гимназию, учился на историко-филологическом факультете Императорского Казанского университета (1880-1884), после его окончания преподавал в Саратовской классической гимназии, с 1899 по 1902 г. – в Казанском реальном училище, в 1902 г. переведен в ХУО инспектором Моршанского реального училища, с 1906 по 1916 г. являлся директором 2-й Харьковской гимназии. Отметим, что в этой статье и в Электронном каталоге РГБ дается дата его рождения (1859 г.), отличная от указанной на сайте Генеалогического форума. В сети Интернет можно ознакомиться с беседой корреспондента харьковской газеты «Время» Дмитрия Губина с правнуком Ф.Е. Пактовского Юрием Палкиным [5]. Последний подтвердил, что его известный предок был директором Моршанской гимназии и БУИ, а так же и то, что он был одним из первых исследователей творчества А.П. Чехова. Он рассказал, что после ухода из Харькова Добровольческой армии в конце 1919 г. большевики преобразовали гимназию в советскую среднюю школу, и Ф.Е. Патковский переехал в Феодосию, где стал председателем педагогического совета учительского института. Ю. Палкин приводит любопытный факт о том, что последним учеником Ф.Е. Пактовского по 2-й Харьковской гимназии, которая была очень богата знаменитыми выпускниками, был всемирно известный карикатурист Борис Ефимов, проживший 108 лет и умерший в 2008 г. [см.: там же]. Из всего вышеизложенного следует, что основной вклад Ф.Е. Патковского в науку и народное образование был сделан в те периоды, когда он работал в Казани и Харькове. Но то, что он проработал несколько лет в БУИ, делает честь этому учебному заведению.

¹ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1904 год. СПб., 1904. С. 689.

² Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника URL: <http://baza.vgdru.com/1/67900/> (дата обращения: 15.10.2014).

³ Перечень материалов библиотечного хранения, включенный Президентской библиотекой в план перевода в цифровую форму в рамках государственного заказа на 2014 г. URL: http://www.prlib.ru/Documents/acquisition_books.pdf (дата обращения: 15.10.2014).

Сразу после ухода Ф.Е. Патковского с поста директора БУИ его место занимает другой незаурядный ученый и педагог, Алексей Константинович Димитриу. В одном из Циркуляров по ХУО мы обнаружили «Высочайший приказ по гражданскому ведомству» (от 30 сентября 1906 г., № 72), в котором указано, что состоящий за штатом директор Люблинского семиклассного коммерческого училища, надворный советник Димитриу переводится на службу по ведомству Министерства народного просвещения директором Белгородского учительского института¹. Наше историко-архивное исследование показало², что А.К. Димитриу является византистом, всемирно известным благодаря публикации двух фундаментальных работ, посвященных первым договорам русских с греками [8] и анализу труда Прокопия Кесарийского «Historia Arcana» [7]. Кроме того, известен его большой методический труд «География как учебный предмет» [6]. Он проработал в БУИ с 30 сентября 1906 г. (см. табл. 1) по сентябрь 1913 г., а в октябре этого же года возглавил вновь созданный Воронежский учительский институт [15].

А.К. Димитриу на посту директора БУИ сменил Петр Дьяконов, который проработал в этой должности, согласно существующей хронологии директоров/ректоров БУИ/БГПИ/БГУ, до 1920 г., и, судя по этим документам, являлся выпускником историко-филологического факультета Петроградского университета³. В то же время в официальном

¹ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1906. № 11. С. 5.

² См. об этом подробнее в работе: Московкин В.М. Забытый деятель народного образования Курской и Воронежской губерний А.К. Димитриу как всемирно известный византист. Статья готовится в печать до конца 2014 г. в серии «История. Политология. Экономика. Информатика» журнала «Научные ведомости БелГУ».

³ Ректоры Белгородского учительского института – педагогического института – государственного университета. URL: <http://130.bsu.edu.ru/Rectors/> (дата обращения: 15.10.2014).

документе 1895 г.⁴ отмечено, что Дьяконов в 1894 г. был преподавателем истории, географии и естествознания в Екатерининском учительском институте (г. Тамбов), то есть он окончил не Петроградский, а Санкт-Петербургский университет.

Таким образом, на основе официальных изданий Харьковского учебного округа мы идентифицировали директоров и преподавателей Белгородского учительского института, работавших в нем в 1876, 1886, 1894, 1901-1903, 1910, 1913 гг., выпускников БУИ 1894, 1895, 1902 и 1903 гг. Дополнительно, на основе Циркуляров по Харьковскому и Виленскому учебным округам, мы идентифицировали основные приказы по гражданскому ведомству (Министерству народного просвещения), касающиеся большинства дореволюционных директоров БУИ. Из последних весомый вклад в науку, просвещение и развитие народного образования Курской и Воронежской губерний внесли А.К. Димитриу, А.Ф. Комаров и Ф.Е. Пактовский.

Автор благодарит к. х. н., доцента Наталью Николаевну Скворцову из Санкт-Петербурга за оцифрованные копии «Списков лиц, служащих по Харьковскому учебному округу» в части, относящейся к Белгородскому учительскому институту, за 1901-1903, 1910, 1913 гг., к. и. н. Александра Николаевича Акинъшина из Воронежа за присланную статью О. Г. Ласунского из «Воронежской историко-культурной энциклопедии» и к. и. н., директора музея НИУ «БелГУ» Ирину Викторовну Денисову за ссылку на Ф. Е. Пактовского как директора БУИ.

⁴ Ведомости о числе уроков, пропущенных преподавателями и преподавательницами в гимназиях и прогимназиях, мужских и женских, реальных училищах, учительских семинариях и институтах в 1894 году // Прибавление к № 5 Циркуляра по Харьковскому учебному округу. 1895. Май. С. 26-27.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Базелеева В.А. Библиотеке Белгородского государственного университета 125 лет // Научные и технические библиотеки. 2001. № 12. С. 94-98.
2. Болгова А.М. К истории учреждения Белгородского учительского института // Научные ведомости БелГУ. Сер. Педагогика. 2002. № 2(17). С. 239-249.
3. Виленский вестник // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том VI. СПб., 1892. С. 325-326.
4. Воронова Л.Я. Патковский Ф. Е. // Русская литература в восприятии казанской интеллигенции. Учебн. пособие: хрестоматия. Казань: КФУ, 2013. С. 359-360.
5. Губин Д. Это было недавно, это было давно... URL: <http://timeua.info/020914/87190.html> (дата обращения: 15.10.2014).
6. Димитриу А.К. География как учебный предмет: опыт историко-дидактического руководства в преподавании географии: основные понятия из математической и физической географии. Одесса, 1895. 166 с.
7. Димитриу А.К. К вопросу о *Historia Arsana* // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. IV. Визант. отд. II, Исследования. 1894. С. 258-301.
8. Димитриу А.К. К истории о договорах русских с греками // Византийский временник. 1895. Т. 2. Вып. 4. С. 531-550.
9. Истории вуза страницы листая... / сост. Н.И. Руднева; отв. ред. Н.В. Камышанченко. Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. 246 с.
10. Ласунский О.Г. Комаровы, деятели украинской культуры и литературы // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии / гл. ред. О. Г. Ласунский. 2-е изд. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. С. 253.
11. Нерубенко М. В учительстве всех начал: к 135-летию Белгородского учительского института // Наш Белгород. 10 декабря 2011.
12. От учительского института к государственному университету. Белгород: Изд-во БелГУ, 1996. 107 с.
13. Патлань Ю., Лимарев А. Певец меловых круч // Наш Белгород. 14 декабря 2013. URL: <http://nbgazeta.ru/imena-belgorodchiny/94-1481/pevec-melovyh-kruch> (дата обращения: 15.10.2014).
14. Рошин П.Е. Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, применяемой к учебным предметам начального образования / Сост. П. Рошин, б. директор учит. ин-та в Белгороде; [предисл. сост.]. 6-е испр. изд. Издание «Сотрудник школ» А.К. Залеской в Москве. М.: Тип. Э. Лесснер и Ю. Роман, 1884. VIII, 190 с.
15. Чернобаева Т.Н. К истории педагогического образования: Воронежский учительский институт (1913-1918) // Человек и общество: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: ВГПУ, 2010. Вып. 9. С. 54-58.

REFERENCES:

1. Bazeleeva, V. A. Belgorod State University Library is 125 years. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. № 12 (2001). Pp. 94-98.
2. Bolgova, A. M. On the History of the Foundation: Belgorod Teachers' Training Institute. *BelSU Scientific Bulletin. Pedagogy*. № 2(17) (2002). Pp. 239-249.
3. Vilensky Gazette [Vilenskiy Vestnik]. *Brokgauz F. A., Efron I. A. The Encyclopaedic Dictionary*. Vol. VI. St. Petersburg, 1892. Pp. 325-326.
4. Voronova, L. Ya. Patkovskiy F. E. *Russian Literature in the Perception of the Kazan Intellectuals*. Kazan: KFU, 2013. Pp. 359-360.
5. Gubin, D. It was recently, it was a long time ago... URL: <http://timeua.info/020914/87190.html> (date of access: October 15, 2014).
6. Dimitriou, A. K. Geography as a Subject: the Experience of Historical and Didactic Guidance in Teaching Geography: the Basic Concepts of Mathematical and Physical Geography. Odessa, 1895. 166 p.

7. Dimitriou, A. K. Revisiting the *Historia Arcana*. *Annals of History and Philology Society at the University of Novorossiysk*. IV. Byzantium. Dep. II, Research. 1894. Pp. 258-301.

Dimitriou, A. K. On the History of the Russian Treaties with the Greeks. *Vizantiyskiy vremennik*, Vol. 2, Iss. 4 (1895). Pp. 531-550.

8. Flipping through the Pages of High School History... Ed. by N.I. Rudneva and N.V. Kamyshanchenko. Belgorod: BelGU, 1999. 246 p.

9. Lasunskiy, O. G. Komarovs – Figures of Ukrainian Culture and Literature. *Voronezh Historical-Cultural Encyclopedia. Persons*. 2nd ed., Voronezh, 2009. P. 253.

10. Nerubenko, M. The Whole of the Teachers: the 135th Anniversary of the Teachers' Training Institute, Belgorod. *Nash Belgorod*. December 10, 2011.

11. From the Teachers' Training Institute to State University. Belgorod: BelGU, 1996. 107 p.

12. Patlan, Yu., Limarev, A. A Singer of the Chalky Hills. *Nash Belgorod*. December 14, 2013. URL: <http://nbgazeta.ru/imena-belgorodchiny/94-1481/pevec-melovyh-kruch> (date of access: October 15, 2014).

13. Roschin, P. E. Delineation of the Main Practical Statements of Pedagogy, Didactics and Methodology Applied to the Disciplines of Primary Education. 6th ed., Moscow: Ed. by A. Lessner and Yu. Roman, 1884. VIII, 190 p.

14. Chernobaeva, T. N. On the History of Teachers' Education: Voronezh Teachers' Training Institute (1913-1918). *A Man and Society: Past and Present*. Voronezh: VGPU, Iss. 9 (2010). Pp. 54-58.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Московкин Владимир Михайлович

доктор географических наук, профессор

Белгородский государственный

национальный исследовательский

университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Moskovkin Vladimir Mikhailovich

Doctor of Geographical Sciences, Professor

Belgorod National Research University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

УДК 091.18

Колесников С. А.

**СТРАТЕГИИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ****АННОТАЦИЯ**

В статье рассматриваются основные варианты деструктивных стратегий, реализованных русской литературой рубежа XIX–XX веков в отношении читательского сознания в частности и национальной культуры в целом. Методологически статья выполнена на основе междисциплинарных связей между философией, культурологией и литературоведением, с использованием теорий реципиентного сознания и воздействия на него внешних, в данном случае литературно-художественных, факторов, ментальной презентации ауто-сферы человеческого сознания, а также с применением основных понятий онтологии деструктивности.

Результатом исследовательской работы стало выявление основных механизмов деструктивности, проявляющихся в воздействии на читательское сознание в процессе восприятия художественной литературы, созданной в хронологических рамках Серебряного века. Применение результатов исследования возможно при построении теоретико-методологических моделей читательского сознания, а также для создания эффективных механизмов противодействия деструктивным тенденциям в области вербально-художественной культуры.

В качестве выводов можно определить демаскировку ведущих стратегий, направленных на разрушение сложившейся к данному периоду системы ценностей. К числу указанных стратегий можно отнести стратегию переполнения читательского сознания информацией, сбивание адекватной рецепции сознания, выведение воспринимающего сознания из «человеческого» формата самосознания, смешение «живого» и «мертвого» в восприятии реальности и другие. Именно реализация этих деструктивных стратегий может рассматриваться как одна из причин культурной катастрофы, произошедшей в России в начале XX века.

Ключевые слова: серебряный век, русская литература рубежа XIX–XX веков; деструктивность; стратегии русской литературы; читательское сознание; опасность литературы.

Sergey A. Kolesnikov

**THE STRATEGIES OF
DESTRUCTIVENESS IN THE SILVER
AGE OF RUSSIAN LITERATURE: THE
SOCIAL AND HUMANITARIAN ASPECTS****ABSTRACT**

The article covers the main alternates of destructive strategies implemented by the Russian literature in the XIX–XX centuries for the reader's consciousness in particular, and the ethnic culture as a whole. Methodologically the article is based on the interdisciplinary links between philosophy, cultural studies, and the theory and study of literature, using recipient theories of consciousness and the effect of external, in this case literary factors, the mental presentation of auto-sphere of human consciousness, as well as using the basic concepts of the ontology of destructiveness.

The research resulted in the identification of the basic mechanisms of the destructiveness developed when affecting the reader's consciousness in the perception of the Silver Age literature. The use of the results is possible in the construction of theoretical and methodological models of readers' consciousness, as well as when creating effective mechanisms against destructive tendencies in the field of verbal-based culture.

As a conclusion, we can determine the unmasking of leading strategies aimed at the destruction of current personal values. These strategies may include the strategy of the overinformation of readers' consciousness, the churning of adequate reception of consciousness, the «the quick» and «the dead» mixing in the perception of the reality and others. It is the implementation of these destructive strategies that can be considered as one of the causes of the cultural disaster in Russia in the early 20th century.

Key words: Silver Age Russian literature of the XIX–XX centuries; destructiveness; the strategy of Russian literature; the reader's consciousness; the danger of literature.

Индивидуальное сознание как способность «осознавать предмет» (Г.В.Ф. Гегель), как фундаментальный способ о-сознания мира, позволяющий сохранить единство «внешнего», социального, восприятия и «внутреннего», гуманитарного, «эго» (на чем настаивал Э. Гуссерль), являлось целью интеллектуальных изысканий значительного числа философских теорий.

Рассмотрение механизмов разрушения стабильно-традиционных алгоритмов восприятия реальности сознанием читателя деструктивными стратегиями художественной литературы Серебряного века представляется оправданным начать с реципиентно-индивидуального (читательского) сознания, с ауто-сферы, включающей интро-реципиентные «слои» сознания и определяющей эффективность действий «механизмов» стабилизации внутреннего «я». «Классическая» дефинизация реципиентного функционала сознания, «осознание своего человеческого бытия» [12, с. 20, 25] характеризуется «чистотой восприятия» (А.Н. Леонтьев), что позволяет рассматривать восприятие как реальную единицу сознания.

К основным функциям ауто-сознания необходимо относятся обобщенное, семиотически опосредованное отражение реальности; фиксация рельефности собственного «я», интро-аксиологическое конституирование, определяющее отношение человека к самому себе, адекватность самооценки; культивирование с помощью воображения, интуиции и мышления креативной рефлексии, а также продуктивная информационная кумуляция «ретро-денотатов», составляющих «инерционный» массив сознания, и нео-смыслов, обеспечивающих динамику ауто-уровня сознания. Обозначенный функционал в первую очередь и подвергался деструктивному прессингу со стороны художественной литературы «рубежа веков» (А. Белый), ориентированной на разрушение стабильности индивидуального сознания как одного из антропонимичных кодов. Объектом максимального воздействия деструктивных стратегий является интровертно-реципиентное поле сознания¹, сознание

«само по себе», без акцентирования на внешних коммуникациях сознания.

Одной из наиболее масштабных деструктивных стратегий художественной литературы Серебряного века являлась стратегия переполнения, «перегрузки» ауто-сферы читательского сознания информацией. Деструктивный потенциал литературы на «рубеже веков» стал таким мощным, что обрел способность наносить удары по всему «фронту» сознания. Массовое культурное сознание столкнулось с гигантской информационной интервенцией со стороны художественных текстов, возникла ситуация «избытка, чрезмерного, излишнего изобилия» (Х. Ортега-и-Гассет) [13, с. 31]. Художественный потенциал Серебряного века провоцировал семантический хаос, причем для этого использовалась безграничная парадигма накопленного культурного опыта.

Сбивание фокусировки адекватной рецепции сознания, следствием чего становилась утрата внутренней стабильности «я», осуществлялось и с помощью перегрузки количеством «проживаемых» состояний: читательскому сознанию предлагалось ощутить себя в принципиально несовместимых ипостасях. Внутреннее «я» реципиентного сознания погружалось в ситуацию «избыточной экзистенции», количество аксиологических парадигм обретало масштаб «дурной бесконечности», приводящей к шизоидно-«мозаичному» самосознанию.

Короткие иллюстрации. Так, Б. Савинков в «Коне бледном» (1909) предлагал читательскому сознанию террористическую систему ценностей, определяющих значимость собственного «я», излагал внутреннюю, от первого лица, аргументацию террора. И тут же, в рамках практически одного года, фактически на то же самое читательское сознание обрушивается радикальный гуманизм Л. Толстого (роман Б. Савинкова написан в 1909 г., программные публицистические произведения Л. Толстого, в частности, «Не могу молчать», «Закон насилия и закон любви» – в 1908), его концептуально развернутая, подкрепленная мощным писательским талантом, теория «непротivления злу насилием». Сбивание внутренней фокусировки сознания читателя, культивирование механизмов утраты четкости аутоидентификации на глубинно личнос-

¹ Сошлемся на мнение современного исследователя: «В эпоху Серебряного века разрушительность была направлена на ментальные модели реальности, т. е. на систему представлений человека о его внешнем и внутреннем мире» [10, с. 96].

тном уровне, размывание языка этической самопрезентативности в сфере представлений о традиционном ролевом поведении «я» можно обнаружить и на примере А. Вербицкой, которая в романе «Ключи счастья» (1913) описывает ситуации стремительной смены партнеров в любовных историях главной героини, и у М. Арцыбашева, который в «Санине» (1907) придает метафизическую окраску сцене изнасилования, уничтожая традиционные этические представления о границах самоуважения, с одной стороны, – и тут же читательское сознание подвергалось мощнейшему воздействию проповеди радикального целомудрия, например, в повести Л. Толстого «Отец Сергей». У М. Кузмина в «Крыльях» (1908) дается ситуация нечеткой гендерной, «жено-мужской», дифференциации глубинного «я», у Ф. Сологуба в «Мелком бесе» (1902) возникает образ «мальчишко-девочки», а в трилогии «Творимая легенда» (1906-1913) герой носит знаковую фамилию Триродов, иллюстрируя деструктивную стратегию той же амбивалентной гендерной самопрезентативности...

Тем самым, механизм адекватного восприятия реальности читательским сознанием оказывался вирусолентным по отношению к гипер-пролиферационным алгоритмам рецепции, приводящим к реципиентному «анархизму».

Кроме того, художественная литература «рубежа веков» стремилась вывести реципиентное сознание из «человеческого» формата самоосознания, стремилась лишить фундаментальной основы традиционально-эталонные культурно-аксиологические системы. По сути, целое направление в литературе стремилось реконструировать не просто архаичные, а «пред-» и «над-человеческие» представления о реальности, некий квази-руссоизм, возвращение не столько к «естественному человеку», сколько к «до-человеку», т. е., к животному. Так, читателю Серебряного века предлагалось одновременно ощутить себя и человеком, и зверем¹. Напри-

¹ Можно отметить, что подобная стратегия – одна из первых в отечественной культуре попыток ретранслировать экзистенцию к «инстинктивному поведению» (М. Шелер «Положение человека в Космосе»), которая в европейской культуре ведет традицию еще с Платона («двуногое существо без перьев»).

мер, у Л. Зиновьевой-Аннибал целый блок произведений («Красный паучок», «Кошка», «Медвежата», «Журя» и др.) посвящен «погружению» сознания в животное мировосприятие. «Я слышу свое волчье лицо», «не только девочка – но и зверь», – характерные цитаты из рассказа «Волки» Л. Зиновьевой-Аннибал. Поистине экзотический «бестиарий», в духе средневековых «сумм»², предстает в стихотворениях Н. Гумилева, где лирика смешивается со звериностью. Тема зверя являлась одной из ведущих в эпопеях Д. Мережковского, «звериность» как способ мировосприятия можно встретить у широкого спектра символистов от К. Бальмонта до А. Белого и А. Блока...

Ассимилятивная скульптура живого и мертвого, диффузия самопрезентаций некро- и био-логического контекстов в деструктивной тональности³ также способствовали перегрузке читательского сознания: З. Гиппиус рассказывает о любовном романе меж-

² И это тоже один из механизмов перегрузки воспринимающих слоев сознания: внедрение вне-современных, скорее, анти-современных парадигм самосознания, ведь история подобных «бестиариев» восходит к иным культурным ареалам, и воплощение в индивидуально-локальном сознании инокультурных, инородных антропологических экспликаций – тоже является частью деструктивной стратегии переполнения сознания. Известно, что одним из первых источников бестиариев был греческий трактат «Физиологус» и далее – «Magna Moralia» св. Григория Великого, «Нехаемерон» св. Амвросия Медиоланского или энциклопедическая «Книга происхождений» св. Исидора Севильского, а также такие произведения, как «Liber Memorabilium» Солинуса, «De Universe» Рабана Мавра из Фульды, «Megacosmos» Бернара Сольвестрия, «Aviariun» («Книга птиц») Гуго Фульонского, «De proprietatibus rerum» Варфоломея Английского, произведения Готье де Меца, Филиппа де Фаона, «Bestiaire Li amour» Ришара де Фурневиля или «Li Tresors» Брунетта Латини. И позднее традиция бестиарной антропологии – неслучайно древнерусские «бестиарии» носили название «Физиолог» – включает многополярные представления, лишаящие аутоидентификацию сознания цельности. В качестве современной иллюстрации можно рассматривать Х. Борхеса и его «Книгу воображаемых существ».

³ Традиции художественной танатологии имеют в России глубокие корни, однако именно в Серебряном веке мы встречаем стремление перевода некро-тенденций в практическую плоскость, хотя «на Гоголе русская культура почти исчерпала позитивные попытки понять смерть в пределах эмпирии» [8].

ду живой девушкой и мертвецом («Живые и мертвые»), Ф. Сологуб скажет о «победе смерти», М. Горький создает «Песни покойников», «Кладбище», где утрачивается грань между живым и мертвым. Гипер-танатология Л. Андреева, например, раскрывает свой деструктивный потенциал в «Рассказе о семи повешенных»: казалось бы, для «обычного» человека существует только один путь к одной смерти, единственное ожидание единственного конца, но у Андреева предлагается пройти ранее непроходимое – семь смертных путей...

Принципиальный отказ от четкости традиционных самооценок практически всех экзистенциальных форм и состояний, тотальное искажение рецептивной адекватности приобретает в Серебряном веке взрывообразный характер. Так, реальность и сон перестают отличаться (например, «Сны» А. Ремизова); дезориентирующие «где-то» и «что-то» А. Блока подменяют реальность; большое и малое у В. Маяковского («Если б был я маленький, как Великий океан...», «Себе любимому...» (1916)) лишает традиционное восприятие четкости. Снижается устойчивость традиционной социальной идентичности: А. Чехов в «Моей жизни» описывает дворянина «во малярстве», М. Горький смешивает босняка и романтика, А. Белый – сенатора и швейцара, культивируется алогичность и амбивалентность мировосприятия. Результатом подобного гипер-информационного воздействия на читателя становится создание «сумеречного» состояния сознания. Здесь уместно отметить, что подобную стратегию транспонирования сознания в «пограничный режим», лишение реципиентного читательского сознания традиционной логичности, увеличение неопределенности в управлении и согласовании получаемой извне информации можно маркировать как практически первую попытку в отечественной истории манипуляции массами на глубинном, подсознательном уровне с помощью художественной литературы.

Столкновение контр-идей в рамках одного и того же «художественного мира» (и в этом еще одно отличие «золотого» века от Серебряного: «полифонизм» (М. Бахтин) Достоевского

меняется на а-фоничность вербально-художественной культуры «рубежа веков») – следующий деструктивный механизм художественной культуры Серебряного века, направленный на дезинтеграцию адекватности рецепции сознанием читателя. У А. Чехова узкое сценическое пространство «Трех сестер» вмещает противоречивые идеи Тузенбаха и Вершинина, в «Доме с мезонином» сталкиваются контр-идеалы – прагматизма и романтики, – но при этом все предлагаемые решения заведомо отвергаются автором, из столкновения рождается ощущение всеобщей бессмысленности. Л. Андреев рисует идеалы Иисуса и Иуды как равновеликие («Иуда Искариот»), у А. Белого в «Серебряном голубе» нет неправых, каждый поступок, любое преступление имеет оправдание, А. Аверченко осмеивает все, В. Розанов в «Сахарне» призывает: «Вращайтесь, люди! Вы должны все видеть», принципиально отказываясь от любого проявления принципиальности. Л. Зиновьева-Аннибал в «33 уродах» дает знаковый эпизод: изображение в тридцати трех образах красоты человеческого тела, разорванного на куски несовместимых восприятий, при этом само тело, как и само представление о прекрасном, исчезает. Информационно-нормативная лимитированность, принципиальный отказ от конкретики культурного кодирования, тотальная реинтерпретация становятся ведущими доминантами стратегии дефокусировки и перегрузки читательской рецепции.

Сознание читателя могло перегружаться не только неохватным количеством тем, контроверз, но и гипертрофированием одной темы, и, кроме того, по аналогии с «бродячими мифологическими сюжетами», формируется методика деструктивных «бродящих» тем. В качестве только одного примера можно привести стратегию культивирования внутреннего безумия. Детально разработанную «методику» целенаправленного умопомешательства, раздробления внутреннего «я», своего и чужого, можно встретить у А. Белого в «Петербурге»¹, у Ф. Сологуба в «Жале

¹ Что находило непосредственное отражение и в реальной жизни: так, А. Белый вспоминает похожий процесс «зараженности» чужим безумием во взаимоотношениях с известной теософкой Минцловой: «В мое сознание она сумела вложить личинку бреда» [3, с. 156].

смерти» и «Ванде» и др. Стратегия создания языка бреда, «азбуки помешательства», дидактики неадекватности, деструктивно воздействующей на внутренние уровни сознания, проявляется в использовании методик расщепления, раскола сознания.

Безумие как дезинтеграция «Я» характеризуется литературой Серебряного века как неизбежность, подчас как директивное, обязательное состояние современного человека. Ни в одну культурную эпоху такого «количества» безумия не проникало в культуру через литературу. Сознание человека рассматривается исключительно как огромное количество «внутренних фронтов конфликтов» (К. Уилбер), перенесение во внутреннюю эго-область теории «войны всех против всех» Гоббса. Даже у «натуралистов», таких как В. Вересаев, дезинтеграция самосознания возводится в принцип структуры личности: человек – это «угрюмый, непроглядный хаос» [4, с. 318]. Безумие подается как норма: так, в «Петербурге» А. Белого, по существу, действуют только одни безумцы. У А. Грина в «Убийстве в рыбной лавке» психопатологическое состояние описывается как прозрение. Л. Андреев в «Призраках» представляет сумасшедший дом как кальку с обыденного мира, разрушая понятия нормальности и безумия, а в его «Красном смехе» постулируется всеобщая зараженность безумием. Л. Андреев предлагал читателю своеобразный «тест»-установку – «разве вам никогда не хотелось стать на четвереньки» – предполагающий обязательно положительный ответ, а значит, принадлежность к «не-норме»¹. Возникает даже гендерно ориентированная стратегия увода в умопомешательство, когда, например, Л. Зиновьева-Аннибал («Помогите Вы!») или З. Гиппиус («Сумасшедшая») предлагали пройти путь особого «женского безумия».

По сути, на рубеже веков формируется особая культура безумия, «территория неадекватности», со своими культурными объектами, функционалом, культурными модаль-

ностями, институтами, моделями поведения и т. д. Тема «священного безумия», признание и призывание поэта как безумца и пр. (в частности, развернутая стратегия А. Белого, позиционированная как «обретение сакрального безумства») превращается в культ, а признаки нормального, здорового «Я» интерпретируются как проявления «мещанства» и «толстокожести», как это, например, заявлено в манифестах футуристов.

Развернутой деструктивной стратегией по искажению ауто-сферы читательского «Я» становится выстраивание самосознания исключительно на основе фантазирования, лишение аутентичности реалистичности. Утрата связи с реальностью ведут, по Р. Лэнгу, к тому, что «Я» «...становится нереальным... обедненным, пустым, мертвым и расколотым...» [11, с. 76]. При культивировании фантазированного «Я» художественная культура Серебряного века способствовала снижению прочности ощущения собственной индивидуальности, хотя именно неповторимость, исключительность выдвигалась в качестве «бонуса» при возвращении фантазмагорического «Я».

Примером артистизма, возведенного в рефлексивный концепт, выстраивание воображаемого «Я», подавляющего реальное самосознание, могут служить произведения А. Грина, в частности, рассказ «В снегу», где воображаемое покорение полюса кардинально меняет и возвышает героя рассказа; у А. Куприна в «Поединке» постоянно упоминается некое «третье лицо», в котором обращается к себе поручик Ромашов, причем видит он себя отнюдь не в реальном, а в искаженном свете; Л. Зиновьева-Аннибал в «Глухой Даше» настаивает на тезисе, что «все – нереально», что реальное «Я» лишь призрак, что необходимо иметь воображаемое «Я»; З. Гиппиус в «Легенде» уверяет, что реальность – «пустота»; рассказ Ф. Сологуба «Мечта на камнях» предлагает мечтания о «рыцарях и красавицах» как уход от действительности, забвение собственного имени (при этом показателен автобиографизм рассказа, явное обращение к детским способам защиты самого автора). Романтизм сказок М. Горького также развивал стратегию де-реалистичной личности:

¹ Показателен факт из реальной жизни, приводимый М. Пришвиным. Д. Мережковский, обращаясь к молодому писателю, укорял-наставлял его: «Надо пережить безумие... А вы – здоровый» [14, с. 40].

настаивается, что положительные стороны личности возможны только в сказке... Примеры можно продолжать.

Но наиболее яркой иллюстрацией к стратегии создания фантазийного «Я», видимо, может служить тема исповедального текста в художественной культуре Серебряного века. Прием письменной исповедальности был взят светской вербально-художественной культурой Серебряного века, естественно, из церковной культуры, в которой покаянные «экзистенциальные тексты» (М. Мамардашвили), исповедальное слово не только служило «организации хаоса сознания», но и «провидело порядок и строй, лад и гармонию культуры» [1, с. 11], использовалось как одно из эффективных средств воздействия как на формирование моделей реального поведения, так и на выстраивание атмосферы доверия к идеям произведения.

Серебряный же век способствовал росту «инфекционности», зараженности отечественного самосознания «атактическим (болезненно-шизофреническим) синдромом» [15, с. 6] посредством мимикрии под вербально-исповедальную традицию. Еще Н.Ф. Федоров прозорливо говорил о возможности появления разновекторных светских инверсий исповедного текста, отмечая, что «для понимания новой истории Запада существенно важно то обстоятельство, что в исповедальном жанре формируются два перехода: от светского к религиозному («Исповедь» Августина) и от религиозного к светскому («Исповедь» Руссо). И неслучайно деструктивно ориентированная художественная литература Серебряного века практически паразитирует на «позитивной» традиции покаянной словесности «эпохи всеобщей исповедальности» [см.: 7, с. 73], осуществляет процедуру перекодировки культурных смыслов исповедальности.

Особенно эффективным маскировочным средством, позволяющим воздействовать на разворачивание моделирования в самых глубинных сферах сознания читателя, становился прием дневниковой прозы. Дневник, точнее, псевдо-дневник – один из самых распространенных литературных приемов Серебряного века. В жанре выдуманных днев-

ников писал Д. Мережковский, у которого в романе «Александр I» императрица осознает себя как «собака под ножом», а в «Петре и Алексее» псевдо-дневник царевича призван создать фантастический образ личности героя с тенденциозными, не соответствующими реальности чертами, но при этом не утратить доверия читателя. В Брюсов в «Последних страницах дневника женщины» выстраивает воображаемое «Я» героини, настаивая на реалистичности, идеализируя и скрывая истинное положение дел. Читателю предлагалось «понять» и принять поступки героини, реальным прототипом которой являлась преступница, однако в литературном изображении героиня предстает, благодаря дневниковой форме, в позитивном свете. Используя дневниковую форму, деструктивно ориентированная художественная литература провоцировала рост разрушительности в ауто-сфере читательского сознания, искажая представление о реальности¹, травмируя ситуативное состояние сознания, пытающееся выстраивать свои отношения с реальностью в формате традиционных алгоритмов поведения.

Другой, логически вытекающей, гранью деструктивной стратегии культивирования де-реалистичной рецепции, являлось гипертрофирование «Я», культивирование радикального эгоцентризма. Ситуация «личности-фантазма» продуцирует «неуверенность личности» (Р. Ленг) в своей значимости для реальности, катализирует процесс негативно-уничжительного смыслообразования в отношениях сознания и реальности. Художественная литература Серебряного века предлагала замаскировать и маскировала эту неуверенность в «выпячивании» эго². При этом процесс гипертрофирования составных частей системы ложного «Я», уже начав-

¹ Примером реально существующей «разорванности» сознания уже самого писателя может служить Л. Толстой; у него, как известно из мемуаров, в трудный период жизни существовало два дневника: один – для потомков, другой – в сапоге – для самого себя.

² Факт-комментарий, свидетельствующий о радикальном эгоцентризме серебряного века: В. Хлебников вырывал прочитанные им страницы из книг. На вопрос «зачем?» отвечал – «Раз прочитана мною – значит, уже не нужна!».

шись, становится все более обширным, его воздействие обретает распространяющуюся «злокачественность» (Ж. Бодрийяр). Такую «вирусолентность» эгоцентризма в полной мере использует деструктивно настроенная художественная литература, создавая «Эру индивида» (А. Рено), противопоставляющую себя окружающему миру. Тема радикально агрессивного индивидуализма в полной мере представлена в Серебряном веке, и, по сути, этот период является кульминационным в истории отечественной культуры по степени жесткости проявления индивидуализма. Герои М. Арцыбашева в «Санине» будут признавать единственную правоту: «правоту перед самим собой», тем самым актуализируя тезис о снятии объективной ответственности личности перед реальностью. И продуктивных контр-тезисов нарастающей деструктивности культура Серебряного века предложить не смогла, в том числе и культура, позиционирующая себя с традиционно-морализаторских позиций.

Перегрузка, искажение, гипертрофирование «эго» закономерно завершались ситуацией ступора сознания в ауто-сфере, шоком дискретного, изуродованного «Я». Наблюдается достаточно четкая тенденция, стремящаяся представить неизбежным, неотвратимым, аподиктическим пустоту деформированного сознания, утвердить неизбывную опустошенность этого сознания. Серебряный век культивирует ситуацию «прайминга пустоты», то, что Ж. Батай позднее определил как способность искусства «беспреданно оживать перед нами картины разладов, раздирающий и распад» [2, с. 52]. Мысль о неизбежности наступления пустоты, о неминуемой опустошенности сознания можно встретить в ряде произведений А. Чехова, в частности, – деструктивно маркированная тема неминуемого истребления в «Вишневом саде»; у Л. Толстого, в «Смерти Ивана Ильича» показывающего неотвратимость уничтожения сознания в «узком черном мешке»... И это – у классиков. У молодого поколения писателей Серебряного века стратегия «прайминга пустоты» осуществлялась более рельефно. Так, А. Куприн в «Недрах земли» категорически настаивает на неизбежности пустоты как ве-

дущей характеристики взаимоотношений мира и человеческого сознания, Л. Зиновьева-Аннибал внедряет в сознание читателя «мысль-вирус» (Т. Лири) о пустоте, являющейся неизбежным результатом исчезающего Божества (см. «Красный паучок», «Царевич-кентавр»)...

Деструктивные стратегии художественной литературы оказывали свое разрушительное воздействие на реципиентные алгоритмы индивидуального сознания еще и тем, что искажали представления о степени свободы восприятия, в целом подвергали деформации традиционные парадигмы дефинизации свободы. Известная фраза Гегеля о том, что «ни о какой идее нельзя с таким полным правом сказать, что она неопределенна, многозначна и подвержена величайшим недоразумениям» [5, с. 291], констатировала ситуацию неопределенности, варибельности проблемы восприятия свободы, и этой потенциальной амбивалентностью не могла не воспользоваться деструктивно ориентированная литература Серебряного века. Возможность «играть» в рефлексивной сфере разницей модальностей самого самосознания и его «индетерминистской интерпретацией», т. е. свободой сознания и идеей свободы, как раз и создавали зазор, в который успешно «втискивалась» деструктивность.

Привлекательность, а точнее соблазнительность, свободы прекрасно осознавалась художественной литературой, но потому и столь притягательна она была для осуществления деструктивных стратегий. Интуиции свободы как творческой безграничности, как того «ничто, которое содержится в сердце человека и вынуждает человеческую реальность делать себя» (Ж.-П. Сартр), – всегда питали и тенденции разрушения, представленные в художественной форме. Прежде всего, это искажение мира в свете тотальной свободы, восприятие действительности как тотального рабства. Само противопоставление свободы бытию как несовместимых феноменов есть четко обозначенная деструктивная линия: герой, выбирающий свободу, обязательно выпадает из бытия, – настаивает деструктивная литература – уходит из мира. Посвящение себя свободе – желанной,

чаемой – необходимо вырезает личность из окружающей реальности, противопоставляет их, но при этом само описание свободы дается преимущественно «апофатически», в терминах «ничтожимости». Герой «Темной дали» Л. Андреева, соблазненный так и необъясненной «темной далью» свободы уходит куда-то прочь от «ненавистной жизни», по сути, исчезает; сердце горьковского Данко – светоч свободы! – пропадает где-то в пыли; свобода «по-розановски» вообще теряет какие-либо очертания – «смешать все яйца»; А. Грин будет звать на далекие материки свободы несуществующих Зурбагана и Лисса, Ф. Сологуб – в вымышленное Государство Объединенных Островов...

Серебряный век художественно проиллюстрировал позднее озвученную Ж. Батаем мысль об обнаружении зла в свободе: идеализация свободы соединялась с идеализацией зла. В образах крайних индивидуалистов формировались художественные доказательства неразделимости зла и свободы, совершалась «прививка» зла к свободе. А потому становился возможным и дальнейший тезис – ограничение «злой» свободы» идейными «барьерами» или вообще отказ от нее в стратегии растворения личности в коллективном (примером могут служить внутри-литературные направления Серебряного века с их хаосом теоретических положений, с постоянной сменой вывесок, но, главное, с требованием к своим членам творить в соответствии с манифестированным идейным направлением). Во имя внешней политической идеи внутренняя свобода может и должна быть ограничена – вот тезис, который стал оправданием насилия в начале XX века, как террористического, так и имперского.

На другом фланге стратегия культивации реципиентной псевдо-свободы осуществлялась как разрушительное искушение сознания тотальной анархией. Безлимитное восприятие, вседозволенность, а следовательно, право личности на совершение любого поступка – эти аргументы становились знаменами радикального реципиентно-личностного анархизма в художественной литературе Серебряного века.

Во многом ситуация этого времени напоминает «евангелие беспорядка» (А. Камю), причем можно установить четкие параллели в ситуации гипер-свободы, спровоцированной художественной литературой «рубежа веков», и концептуальными положениями «философии нестабильности» И. Пригожина. Интуиции надвигающейся нестабильности, «теснящей детерминизм», стали актуальными в отечественной культуре именно в Серебряном веке, причем гораздо раньше, чем в западной философской мысли, однако, видимо, «молодость» этих интуиций не смогла раскрыть деструктивный характер и опасность как для индивидуального, так и для общественного сознания возрастания тотальной нестабильности и анархичности.

Примером теоретической проповеди радикальной анархичности может служить, конечно же, В. Розанов с его декларацией «перепутать все яйца», а художественных «воплотителей» этого тезиса в Серебряном веке было не мало. Перечень имен может быть длинен: ранний М. Горький, М. Арцыбашев, Л. Андреев, З. Гиппиус, В. Маяковский, Вяч. Иванов, Г. Чулков и идеологически-концептуально оформленный мистический анархизм, адепты которого группировались вокруг сборника «Факелы»...

Маска как сокрытие безличности, «тотальной анонимности» (Х. Ортега-и-Гассет), – данную методику также реализовало деструктивное направление художественной литературы Серебряного века, искажающее адекватность воспринимающего сознания. У И. Канта в «Основах метафизики нравственности» есть разоблачающее маску высказывание о «потаенности противонравственных максим» [9, с. 484], возникающей из-за «трусливого» невыполнения долга. Именно стремление избежать любых форм ответственности, уничтожить само понятие ответственности и становится деструктивной стратегией маски. Понятие «ролевой игры» в полной мере применимо к ситуации Серебряного века; лозунгом могут служить слова Н.Н. Евреинова в работе «Грядущий лицедей» (1909) о «всеобщей» театрализации.

Театрализация становится одной из ведущих форм мировосприятия, которые стре-

милась культивировать в читательском сознании вербально-художественная культура Серебряного века. «В истории культуры, – безапелляционно настаивал в 1913 г. Н. Евреинов, – театральность является абсолютно довлеющим началом» [6, с. 28]. Несомненно, с таким «праймингом» театрализации всех форм отношений личности и реальности связан бум маскарадов в салонах Серебряного века, заканчивающихся, как правило, деструктивно.

Лицедейство, маскарадность как алгоритм восприятия действительности получили широчайшее распространение в начале XX столетия. Этим и можно объяснить то, что описание маскарадов, тему переодевания мы встречаем во множестве произведений данного периода. Превращение как способ взаимодействия личности и мира находило свое отражение в маске, неслучайно Н.Н. Евреинов определял человека Серебряного века как «лицедействующее животное».

Маска всегда являлась одной из традиционных знаковых систем и существенным источником визуальной информации, и именно на этой «привычной» функции маски и паразитирует деструктивно ориентированная вербально-художественная культура.

Генезис маски, восходящий к морфологическим признакам животных, позволял маскировочной стратегии органично войти в деструктивную парадигму вместе со стратегией переполнения восприятия вне-человеческими рефлексиями. Особое место в реализации деструктивной стратегии «маскировки», «маски», в которую облакалось воспринимающее сознание, занимала тема зеркальности, самоотражения и самооценки воспринимающего сознания.

Первоначальной целью методики «о-зеркаливания» реципиентного сознания становилось «удвоение» сознания, перевод привычного, реального мировосприятия в удвоенную, т. е. «сбитую», шкалу координат, в «сумрачное зазеркалье». Тема мира как «тусклого», «искаженного», «разбитого» маски-зеркала присутствует практически у всех представителей высокоталантливой литера-

туры Серебряного века. Подобная распространенность темы зеркальности формировала своеобразную «зависимость» сознания, стойкий прайминг именно такого, «зеркального», мировосприятия.

Зависимость от «зеркального мировосприятия», как и любая зависимость, приводила к уничтожению индивидуальности. Симптом нахождения «вечно» перед зеркалом, ощущение своей зеркальности и обнаружение своей реальности только «перед» зеркалом ярко проявляется, в частности, в творчестве А. Белого. Белый превращает тематику зеркального – в «Серебряном голубе», в стихотворениях «Двойник», «Пепел», и особенно в романе «Петербург» – в онтологический принцип объяснения мира. При этом сила воздействия зеркала как истребляющего судьбы, как палача сознания возрастает с ростом писательского опыта автора. «Зеркало» становится все более могущественным и разрушительным, обличающим и уничтожающим, – и эту линию можно обнаружить в целом в вербально-художественной культуре Серебряного века. И главным деструктивным результатом стратегии «маска-зеркало» стало снижение искренности в отношениях личности и общества, личность в своих глубинных основах была спровоцирована деструктивным направлением художественной культуры к недоверию к окружающему миру. У К. Ясперса есть высказывание: «Привести людей к свободе – значит привести их в состояние, когда они будут в разговоре открываться друг другу» [16, с. 170]. Деструктивные стратегии «тянули» сознание в другую сторону – к неискренности, чем и провоцировали его разрушение.

Неадекватное реципиентное сознание не могло выстроить продуктивные и конструктивные алгоритмы отношений с внешним миром, не было способно сформировать позитивную результативность в конструировании модели взаимоотношений реальности и личности, что являлось следствием воздействия деструктивно ориентированных стратегий художественной литературы Серебряного века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви: Опыт новейшей истории. Т. 1: Общий устав совершения исповеди. Одесса, 1884.

2. Батай Ж. Литература и зло. М.: Изд-во МГУ, 1994. 168 с.

3. Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.

4. Вересаев В.В. Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом; Аполлон и Дионис (о Ницше). М.: Современник, 1978. 381 с.

5. Гегель Г.В.Ф. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 488 с.

6. Евреинов Н. Театр как таковой. СПб., 1913.

7. Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: Жанровые процессы. Екатеринбург: Ур-ГПУ, 1996. 420 с.

8. Исупов К.Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 106-122. URL: <http://philosophy.ru/library/vopros/27.html> (дата обращения: 20.06.2014).

9. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. в 6 тт., Т. 4. Ч. I. М.: Мысль, 1965. С. 211-310.

10. Колесникова Л.А. Пространства смерти в измерениях одиночества // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 95-102.

11. Лэнг Р. Расколотове Я. М.: Белый кролик, 1995. 352 с.

12. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Просвещение, 1983. 398 с.

13. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2004. 452 с.

14. Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 8. М.: Художественная литература, 1986. 386 с.

15. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. СПб: Алетейя, 1998. 245 с.

16. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 28-286.

REFERENCES:

1. Almazov, A. Secret Confession of the Orthodox Eastern Church: Experience of Recent History. Vol. 1: General charter of committing of confession. Odessa, 1884.

2. Bataille, G. Literature and Evil. Moscow: ed. by Moscow University, 1994. 168 p.

3. Belyi, A. Beginning of the Century. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 687 p.

4. Veresaev, V. V. Living Life: About Dostoevsky and L. Tolstoy: Apollo and Dionysus (about Nietzsche). Moscow: Sovremennik, 1978. 381 p.

5. Hegel, G. W. F. Works in 8 vol. Vol. 3. Moscow: ed. by USSR Academy of Sciences, 1956. 488 p.

6. Evreinov, N. The Theater Itself. St. Petersburg, 1913.

7. Ermolenko, S. I. M. Y. Lermontov's Lyrics: Genre Processes. Yekaterinburg: ed. by Ural Pedagogical University, 1996. 420 p.

8. Isupov, K. G. Russian Philosophical Thanatology. *Voprosy filosofii*. № 3 (1994). Pp. 106-122. URL: <http://philosophy.ru/library/vopros/27.html> (date of access: June 20, 2014).

9. Kant, Im. Foundations of the Metaphysics of Morals. *Works in 6 vol.*, Vol. 4(I). Moscow: Mysl', 1965. Pp. 211-310.

10. Kolesnikova, L. A. Death Spaces in Measurement of Loneliness. *Figurines of Thanatos: Art of Dying*. St. Petersburg: ed. by Petersburg University, 1998. Pp. 95-102.

11. Leing, R. J. The Divided Self. Moscow: Belyi krolik, 1995. 352 p.

12. Leont'ev, A. N. Selected Works in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Prosveschenie, 1983. 398 p.

13. Ortega y Gasset, J. The Revolt of the Masses. Moscow: AST, 2004. 452 p.

14. Prishvin, M. M. Works in 8 vol. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 386 p.

15. Uvarov, M. S. Architectonics of Confessional Words. St. Petersburg: Aleteya, 1998. 245 p.

16. Jaspers, K. The Origins of the Story and Its Purpose. *Meaning and Purpose of History*. Moscow: Politizdat, 1991. Pp. 28-286.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович

доктор филологических наук, профессор

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: skolesnikov@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Kolesnikov Sergey Aleksandrovich

Doctor of Philology, Professor

Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: skolesnikov@bsu.edu.ru

УДК 712.01/03

Окладникова Е. А.,
Марова А. О.

**МЕТАПРОСТРАНСТВО ДАЧНЫХ
ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНЫХ
ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕТЕРБУРГА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

АННОТАЦИЯ

Цель настоящего исследования – выявление и описание инерционных, т. е. независимых от присутствия человека, внешних, объективных, природных и неинерционных (силовых), т. е. субъективных, изменчивых, знаково-символических, мифопоэтических признаков загородных дачных территорий, расположенных к северу от границ современного Петербурга на расстоянии до 90 км. Эти территории исполнены мощными символическими маркерами (стилисткой архитектурных сооружений, легендами и быличками, связанными с этими постройками, судьбами владельцев и архитекторов), образующими особое, в культурном и историческом аспектах, мета-пространство. Дачные ландшафты северных окрестностей Санкт-Петербурга повествуют об особенностях культуры богатых слоев населения столицы России конца XIX – начала XX вв.

Собранный в статье материал об особенностях дачных ландшафтов северных окрестностей Петербурга был изучен методами пространственно-семиотического и аксиологического анализа. В результате анализа были получены данные, которые свидетельствуют о следующем: в силу воздействия комплекса инерционных и не-инерционных факторов дачные ландшафты как метапространственные субстанции стали интеграторами совершенного уникального пласта истории России конца XIX – начала XX вв.; сегодня подавляющая часть этих ландшафтов находится в плачевном состоянии запустения и разрухи; при условии надлежащего контроля со стороны общественности эти ландшафты и маркирующие их объекты могут стать объектами национального достояния России.

Ключевые слова: дачные ландшафты; историко-культурное наследие; пространственно-семиотический анализ.

*Elena A. Okladnikova,
Alina O. Marova*

**METASPACE OF SUBURBAN
LANDSCAPE OF THE NORTHERN
ENVIRONS OF ST. PETERSBURG IN THE
LATE XIX - EARLY XX CENTURIES**

ABSTRACT

The purpose of this study is the identification and description of inertial, i.e. independent of the presence of a man and external, objective and non-inertial (powerful), i.e. subjective, changeable, symbolic, mythopoetic signs of suburban areas located 0-90 km to the North of the borders of modern Petersburg. These areas are filled with powerful symbolic markers (the style of architectural structures and legends associated with these buildings, the fates of the owners and architects etc.) that form something special in cultural and historical aspects of the so called metaspace. The suburban landscapes of the Northern environs of St. Petersburg tell us about the culture of the wealthy strata of the population of the capital of Russia in the late XIX – early XX centuries.

The information about the features of the country landscapes of the Northern environs of St. Petersburg presented in the article was studied with the methods of the semiotic and axiological analysis. The obtained analysis data show the following: due to the effects of complex inertial and non-inertial factors the country landscapes as metaspace phenomena are now the integrators of unique stators of the Russian history of the late XIX – early XX centuries; today, most of these landscapes are in a deplorable state of desolation and ruin; provided adequate control by the public, these landscapes and landmarks can become the sites of national property of Russia.

Key words: suburban landscapes; historical and cultural heritage; semiotic and axiological analysis.

Историко-культурное понятие «ландшафт» возникло более десяти веков назад, хотя в научный оборот оно было введено в начале XIX в. Даже краткий экскурс в историю этого понятия проясняет высокую степень его конвенциональности. Для изучения ландшафта исследователями выбирается тот угол зрения, который позволяет проявить конкретную исследовательскую цель. Мы рассматриваем его в настоящей статье как «месторазвитие», как определили ли бы его теоретики евразийства, в частности, Н.С. Трубецкой и П.Н. Милюков [см.: 2, 5]. Согласно евразийской концепции, «ландшафт» – это место, в котором человек или группа людей осуществляет свой жизненный цикл, развивается, на которое воздействует с различными целями и различными средствами. На протяжении всей истории человечества люди были неразрывно связаны с ландшафтом и взаимодействовали с ним: сначала приспособляясь к его условиям, затем изучая, пытаясь подчинить и модифицировать его под свои нужды, изменить, использовать. Сегодня такое взаимодействие называется культурным. Пожалуй, самое ценное для нас сегодня – это то, что мы можем наблюдать последствия, результаты этого взаимодействия; можем прогнозировать, планировать и выстраивать наиболее оптимальные пути освоения ландшафтов, оказавшихся в поле нашего интереса по тем или иным причинам, на основании уже имеющегося опыта. Такие места, которые хранят в себе историю не просто человеческого вмешательства, но и историю самих людей, можно назвать топохроном, неким метапространством. Топохрон – это территория, «обремененная» историей, которую эта местность воспроизводит во времени.

Например, загородные дачи и загородные резиденции крупных петербургских промышленников, политических деятелей, юристов, мастеров искусств конца XIX – начала XX вв., расположенные по взморью юга Финского залива, по Финляндской железной дороге, северных пригородов Петербурга – яркий пример таких топохронов как метапространств с соответствующей им особой поэтикой. Будучи однажды возведенными по проектам известных архитекторов той эпохи в стиле арт-нуво, эти постройки, в полном

смысле этого слова, оказались «исполненными» знаками-символами, маркирующими их событиями истории обитавших в этом месте людей. Поэтика топохрона дачных построек и загородных резиденций юга взморья Финского залива накладывала отпечаток на жизнь людей следующих поколений. Получив однажды свое назначение (часто определенное «интуитивно», исходя из общих окружающих условий, а потому оптимальное и правильное), такие места начинают воспроизводить его во времени, создавая эффект «судьбы» места.

В этом контексте в данном исследовании мы постараемся описать *инерционные* и *силовые составляющие* топохронов загородных дачных территорий, расположенных в северных окрестностях Петербурга. Мы рассмотрим дачи конца XIX – начала XX вв., расположенные на расстоянии 20-90 км от Санкт-Петербурга на север, в Выборгском направлении, с позиции сравнительного историко-культурологического анализа. Мы также постараемся определить степень и направления воздействия инерционных (упрощенно – независимых внешних, объективных, т. е. природных) и неинерционных (т. е. субъективных, изменчивых, знаково-символических, мифопоэтических) факторов, способствовавших возникновению этих метапространств.

Ландшафт северных окрестностей Петербурга, Финской железной дороги и взморья Финского залива как географическая территория характеризуются следующими *географическими особенностями*: связью с водными пространствами (Финский залив, система внутренних озер Карельского перешейка); наличием лесных массивов, среди которых преобладают сосняки, смешанные леса, болота; включенностью этих территорий в хозяйственную деятельность (обработанная земля около бывших финских хуторов, колхозных и совхозных угодий советской эпохи); относительно мягкими климатическими условиями, зависимыми от морского воздействия.

Историческими и политическими особенностями этого ландшафта являются: расположение на пограничье между Россией и скандинавскими странами, в частности,

непосредственное соседство с Финляндией; включение этой территории в состав Российской империи в качестве «окна в Европу» усилиями Петра I; переходное состояние этой земли в политическом плане (начиная с XVI в., шведско-русские, а позднее русско-финские войны); близость к крупному российскому мегаполису, до 1917 г. имевшему статус столицы Российской империи. Как убедительно продемонстрировали работы Д.Н. Замятнина (теоретика гуманитарной географии), И.И. Митина (теоретика мифогеографии), В.Л. Каганского (теоретика культурной географии), именно в пересечении этих физико-географических и историко-культурных факторов наиболее удобно наблюдать работу и спектр взаимовлияний этих инерционных (собственно природно-географических) и неинерционных (исторических, ускоряющих развитие этих территорий) сил, влияющий на формирование топохрона загородных дачных территорий, расположенных в северных окрестностях Петербурга [1, 4].

К *инерционным* свойствам дачных ландшафтов окрестностей Петербурга, примыкающих к городу с севера, выделяются следующие: чистый воздух, лесной пейзаж, обширные природные водоемы, отсутствие городской суеты, возможность заниматься водными видами отдыха (яхты, катание на лодках по заливу и озерам), походы в лес за ягодами и грибами, лыжный отдых зимой и т. п. Именно они превратили эти районы в комфортабельные с этой точки зрения дачные территории в конце XIX – начале XX вв. И поддерживают таковой статус этих земель и ныне.

К *неинерционным*, или «силовым», свойствам, определяющим в конце XIX – начале XX вв. облик географических пространств к северу от Петербурга, относятся следующие: развитие промышленности Петербурга, расширение зоны капиталистической застройки города, усиление городского трафика, ускорение темпа городской жизни, политическая напряженность, характерная для столичной жизни; стремление обеспеченной части городского сообщества к организации летнего отдыха в рекреационных зонах, расположенных в экологически более благоприятных

районах, не очень далеко от Петербурга, что дает возможность для глав семей приезжать в город на работу; возрождение идеи усадебного быта России XVII-XVIII вв.; связь направления и масштабов дачного строительства в окрестностях Петербурга (северное направление) с работой финляндской железной дороги; вовлеченность владельцев дачных домов в элитарную культуру и промышленную жизнь Петербурга, что определяло планировку, размеры, эстетический облик дачных построек. Поэтому важным «силовым» свойством дачных ландшафтов северных окрестностей Петербурга стала рефлексия социально-экономического и социально-политического развития капиталистических отношений в России начала XX в., отразившаяся в функции дачного строительства той эпохи.

Функциональными характеристиками этих построек являются следующие: 1) место семейного отдыха, организация семейного досуга в чистой атмосфере загородной резиденции; 2) поправка здоровья, которая предполагала прогулки пешком и верхом, игры на свежем воздухе с детьми, купание в озерах или в заливе, употребление в пищу продуктов, выращенных местными крестьянами; 3) чтение книг и иные виды интеллектуального досуга. Так, например, на даче Агафона Фаберже, расположенной на Песочном шоссе (пос. Осиновая роща, 10 км от границы современного Петербурга на север) были собраны коллекции декоративной резной мебели, gobеленов, драгоценных камней, марок и т. д., разбит прекрасный парк, на территории дачи находилась конюшня для содержания коней для прогулок верхом и охоты (рис. 1). Дача Фаберже представляет собой трехэтажный особняк кирпичной кладки, в стиле английского коттеджа. Кроме обыкновенных функциональных помещений (спальни, залы для приемов и танцев и пр.) Агафон Фаберже устроил там себе небольшую мастерскую, где проводил немало времени за работой. На верхнем этаже усадьбы под стеклянной прозрачной крышей был расположен зимний сад (рис. 2-4.).

Рис. 1. Дача А. Фаберже и ее владелец.
Фото 1913 г.¹

Fig. 1. Villa of A. Faberge and its owner.
Photo 1913.

Рис. 2. Современное состояние дачи
А. Фаберже. Фото А.О. Маровой, 2014 г.
Fig. 2. Contemporary state of the villa of
A. Faberge. Photo by A. Marova, 2014.

Рис. 3. Интерьер дачи А. Фаберже сегодня.
Парадная лестница. (Фото А.О. Маровой).
Fig. 3. The interiors of the villa of A. Faberge today.
The Grand staircase. Photo by A. Marova, 2014.

Рис. 4. Камин. Фрагмент интерьера дачи
А. Фаберже. Современное состояние.
(Фото А.О. Маровой)
Fig. 4. The fireplace. The fragment of the
interiors of the villa of A. Faberge. Modern
state. Photo by A. Marova, 2014.

На даче петербургского промышленника А. Крузеля, который был зятем Альфреда Нобеля, расположенной на берегу озера Каннельярви (Побединское озеро, 86 км к северу от Петербурга), также находилась библиотека, собрание скульптуры и живописи. В доме было несколько спален, две больших гостиных, закрытая веранда и открытый балкон. Веранда использовалась для чаепитий, настольных игр в дождливую погоду, чтения в вечерние часы. В доме было паровое отопление и канализация, следы которой сохранились с восточной стороны дома (рис. 5-6).

¹ Woman SPb. URL: <http://womanspb.ru/forum/razdel30/tema22284/skip30/> (дата обращения: 05.07.2014).

К дачным резиденциям такого типа, как правило, примыкал большой обустроенный участок, который не только был специально спланирован архитектором-строителем дома, но и соответствующе оформлен как парковая зона. Например, на даче А. Фаберже был разбит регулярный парк, к слову сказать, – один из лучших образцов таковых конца XIX в., с солнечными часами из живых деревьев, аллеями, фонтаном и прудом. Вокруг дачи А. Крузеля, так же, как на даче А. Фаберже, был разбит обширный парк, в котором были дубовые, еловые и лиственничные аллеи, причал для лодок, т. к. дача располагается на большом мысу, вдающемся в озеро Каннельярви. Рядом с домом с южной

стороны располагалась большая поляна для отдыха в солнечную погоду, стояла дачная мебель. С юго-восточной стороны в парковой зоне, примыкавшей к дому, стояли скульптурные группы, от которых остались лишь бетонные и каменные основания. К дому вела грунтовая дорога от железнодорожной станции Каннельярви.

Эстетические особенности дачных построек. Возникнув почти одновременно, а именно, в самом конце XIX – в первые десятилетия XX вв., они являются памятниками архитектуры двух стилей: северного модерна (русский вариант арт-нуво) и эклектики. Материалом для строительства было дерево или каменные блоки и кирпич. Большинство дачных сооружений имеют следующие конструктивные особенности: 1) двух- или трехэтажность постройки; 2) акцентированный портиком парадный вход; 3) башенку-надстройку; 4) застекленные веранды; 5) балконы и крытые галереи второго яруса; 6) ви-

тражи; 7) обилие декоративных резных деталей, орнаментальные мотивы, созданные по мотивам городского искусства арт-нуво, русской народной орнаментики или скандинавского орнамента; 8) резные детали деревянных дачных домов были выделены цветом (окрашены белой краской).

Дача А. Крузеля построена в стиле европейского арт-нуво. Это трехэтажная постройка с глубоким подвалом и мансардно-чердачным помещением. Фундамент и входной портик сделаны из крупных, красиво отесанных, хорошо подогнанных друг к другу гранитных глыб. Тройные и двойные оконные проемы выполнены в стиле северного модерна. Крыша была черепичной. Здание украшено открытыми балконами, эркерами и верандами. Общий облик здания массивный и ассиметричный, по типу близок к немецким дачам XIX–XX вв. (домик Гете, дача Метерлинка, дача Т. Манна и др.) (рис. 7).

Рис. 5. Дача А. Крузеля в Каннельярви.
Фото 1915 г.¹

Fig. 5. Villa of A. Kruzel in Kanneljarvi.
Photo 1915.

Рис. 6. Современное состояние дачи
А. Крузеля (фото Е.А. Окладниковой,
2013 г.).

Fig. 6. Villa of A. Kruzel. Modern state
(Photo by Okladnikova E.A., 2013).

¹ Усадьба Крузеля. URL: <http://urban3p.ru/object9553/>
(дата обращения: 05.07.2014).

Рис. 7. Для сравнения – дача Т. Манна¹
в поселке Нуда в Литве.

Fig. 7. For comparison – the villa of T. Mann
in Nida, Lithuania.

Рис. 9. Дача театрального деятеля
А.М. Юхневича в пос. Комарово³. В этом
особняке в т. ч. жила знаменитая русская
балерина М.Ф. Кшесинская.

Fig. 9. Villa of Yuhnevich, the settlement
Komarovo. In this mansion also lived a famous
Russian ballerina M.F. Kshesinskaya.

Рис. 8. Дача Анны Вырубовой,
мемуаристки, фрейлины, ближайшей подруги
императрицы Александры Федоровны,
в пос. Репино².

Fig. 8. Villa of Anna Vyubova, a memoirists,
maid of honor, the closest and most faithful friend
of the Empress Alexandra Fedorovna;
Repino.

Рис. 10. Дача Г.В. Барановского, русского
архитектора, гражданского инженера,
искусствоведа и издателя, или, как ее еще
называли – «Замок Арфа» (Harppulinna),
пос. Комарово⁴.

Fig. 10. Villa of G.V. Baranovsky, a Russian
architect, civil engineer, art historian and
publisher, or as it was called – «the Harp Castle»
(Harppulinna), settlement Komarovo

Пространственно-смысловые маркеры дачного ландшафта окрестностей Петербурга (северное направление). Наиболее плотно застроенными дачными сооружениями в начале XX в. оказались: район побережья финского залива (дачи А.А. Вырубовой (рис. 8.), И.Е. Репина, Г.В. Барановского (рис. 10),

дача А.М. Юхневича (рис. 9) и др.); близкие к Петербургу районы (Осиновая Роща, дача А.К. Фаберже); районы, отдаленные от Петербурга, но связанные с озерами (дача Крузеля).

Например, в окрестностях железнодорожной станции Каннельярви в конце XIX – начале XX вв. владельцами дачных домов были

¹ Дачи немецких поэтов и философов. URL: <http://www.dw.de/> (дата обращения: 05.07.2014).

² Особняк прошлого. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427405728/replies.xml?item_no=21213 (дата обращения: 05.07.2014).

³ Репино. Незолотая старина. URL: http://www.spletnik.ru/blogs/pro_zvezd/69783_repino-nezolitaya-starina (дата обращения: 05.07.2014).

⁴ Архитектор Г. В. Барановский. URL: <http://abravorus.livejournal.com/297139.html> (дата обращения: 05.07.2014).

довольно известные и интересные люди: «С появлением железной дороги, связавшей Каннельярви с Санкт-Петербургом, в окрестностях озера стали строиться особняки столичных дачников. Русским господам приглянулся этот живописный край, поездка в который занимала чуть более двух часов. Дачи возводили с размахом, в несколько этажей, с верандами и балконами. Возле одной из вилл вскоре появилась небольшая православная церковь и гостиница. Впоследствии, когда граница с Россией закрылась и дачники пропали, многие здания, в том числе и эта церковь, были разобраны и проданы другим хозяевам. Список владельцев дач состоял из 22 лиц: Стеварт Анструтер, унтерофицер Георг Дорелл, Георг Свихтенберг, Генриэтта Пето, заводчик Тарас Белозерский, Евгений Беков, Евген Людвиг Криегнайер, Г. П. Горячкин, П. В. Чаман, купец Семен Завьялов, коллежский советник Илья Евстигнеевич Карпов, директор Ялмари Срузелл, Иван Иванович Йохансон, Карл Вестберг, Николай Петрович Федотов, Дмитрий Кислов, Егор Варон, Элизабет Пушкина, полковник Владимир Отто, Кирил Петрович Харченко, Григорий Герасимович Кузнецов, Йоган Йохансон. Особенно выделялась среди других дач роскошная вилла петербургского заводчика Крузеля, который являлся зятем известного изобретателя динамита Альфреда Нобеля. До 1912 г. у мыса, глубоко вдающегося в озеро, стояла его деревянная дача. Осенью 1913 г. вместо нее выросло новое трехэтажное каменное здание, богато декорированное как внутри, так и снаружи. Владелец особняка исчез в «кровавой бане» русской революции, а дом выкупил Герман Мяттянен. Приведя здание в порядок, он устроил там небольшой пансионат, который затем на короткое время стал туберкулезным санаторием. Русское население деревни было представлено не только праздными дачниками...»¹.

Дачи и земли, на которых они располагались, были центрами власти и геополитического смыслополагания в тех территориях, которые переходили из рук в руки в XX в., от финнов к русским, от богатых русских царской

России – к красноармейцам, от военных – к новым русским поселенцам, а затем и к новым советским властям, новым советским дачникам. Если сначала, в эпоху дачного строительного бума начала XX в., они были маркерами власти капитала, царской политики, серебряного века русской культуры, то после событий 1917 г. они стали местами адаптации новых форм общественных отношений: в них разместились общественные здания, почтовые отделения, местные комитеты, библиотеки, детские сады, пансионаты, госпитали и т. п. Военные переделы территории пагубно сказались на судьбе многих дачных построек: они горели, приходили в запустение, разбирались на дрова и постройки новых поселенцев (после 1939 г.). До конца XX в. сохранились только те дачные постройки, которые по счастью не сгорели и были адаптированы под общественные нужды, как говорилось выше.

В постперестроечный период, когда рухнули институты советской эпохи (закрылись детские оздоровительные лагеря, санатории, земли стали передаваться в частное пользование), большинство дачных построек начала века на финско-карельском направлении пришли в полную негодность. Это произошло еще и потому, что эти постройки, как «наследие царского режима», не подлежали никакому ремонту. Их безжалостно эксплуатировали, перестраивали, перепланировали, не взирая при этом на отсутствие общего плана перестройки (сносили несущие конструкции, ломали лестницы, выламывали двери, оконные рамы, уничтожали витражи...). Очевидцы этих событий рассказывали нам², что население из-под Пскова, переселенное после Второй мировой войны в бывшие курортные места, расположенные в северном направлении от Ленинграда, относилось к так называемым «финским домам» как к чему-то бесхозному и чуждому. Уникальные архитектурные сооружения не пытались восстанавливать и заселять, но строили рядом убогие домишки, в которых и селились. Дача Крузеля была окончательно разгромлена жителями поселка Победа в конце 1950-х –

² Записи личных интервью; респонденты – профессора СПбГУ, старожилы дачного поселка Комарово (Выборгская ж/д), сотрудники научно-исследовательских институтов РАН. Архив Окладниковой Е.А., СПб., 1995-2000 гг.

¹ Каннельярви: история. URL: http://findmapplaces.com/10189614_Каннельярви/ (дата обращения: 05.07.2014).

начале 1970-х гг. Местные старожилы нам с горечью рассказывали, как местные трактористы выламывали и тащили тракторами бронзовую парковую скульптуру сдавать в утиль, вывозили на подводах цветной металл: люстры, вазы, парковые светильники, деревянные резные панели и т. п.¹ И сегодня на берегу озера в мелководье можно видеть затопленные фрагменты каменных парковых ваз. Запустение и разрушение этих сооружений продолжается и сегодня, несмотря на то, что многие из них были взяты под опеку государства как исторические памятники; некоторые из них, к примеру, дача А. Фаберже на Песочном шоссе, является и сегодня объектом федерального значения, подлежит охране и обязательной (!) реконструкции.

Исключение, пожалуй, составляет только усадьба «Пенаты» в поселке Репино, которая получила статус историко-художественного музея, а также дача А.А. Вырубовой, по счастливой случайности попавшая в «хорошие руки»² и в результате полностью реконструированная, как и некоторые другие дачи в поселке Комарово.

Одним из трагических для исторического ландшафта окрестностей Петербурга (карело-финское, северное направление) последствий этого пагубного процесса стало необратимое изменение ландшафта, ибо утрата одного ландшафтного топоса (дачной постройки как уникального функционального, эстетического, садово-паркового, смыслового, мифопоэтического феномена – топохрона) делает весь этот ландшафт уязвимым, меняет его до неузнаваемости. Дело в том, что исторические, т. е. созданные руками людей, ландшафты, даже дачные, начала XX в., которые находились в лимитрофной зоне (между городом и собственно деревенским миром), не просто проживались или функционировали в системе социальных институтов досуговых практик того времени. Эти ландшафты переживались и переживаются людьми, как «мыслимые миры», исполненные своей поэзии и мифологии.

¹ Записи личных интервью; респонденты – жители совхоза Победа. Архив Окладниковой Е.А., СПб., 2000-2012 гг.

² К реконструкции здания дачи А. А. Вырубовой имела отношение экс-губернатор В. И. Матвиенко.

Мифопоэтика дачных ландшафтов окрестностей Петербурга карело-финского направления. Эти ландшафты проживались людьми, их создавшими, и их использовавшими. Более того, эти ландшафты переживались в единстве их пространств, вещей, смыслов и мифов. «Это были самостоятельные жизненные миры, вписанные в прагматику бытия той бурной эпохи, и исполненные своей духовностью. Символические качества ландшафтов создают социальные значения, которые, в свою очередь, оказываются в фокусе исследований» [6]. В этом контексте такое «место» (дача, усадьба) – это «многослойный феномен, объединяющий прошлые и современные функции, идеологии и физические контексты» [8]. Мифопоэтика таких мест формируется в рамках метафизики ландшафтов, на пересечении философии топохрона данных ландшафтов и систем представлений о них. Эти системы представлений включают: 1) дачный фольклор; 2) мифологическую традицию об отдельных дачных строениях (рассказы о привидениях, тайных обрядах, которые устраивали их владельцы, кладах, местные географические мифы и т. п.); 3) исторические былички (о расхищении сокровищ дачных резиденций А. Фаберже, Крузеля и др.); 4) вписанность дачных сооружений в поэзию Серебряного века (стихи о Финском взморье А.А. Ахматовой); 5) связь с историческими персонажами, деятелями русской истории и культуры (дача А.А. Вырубовой, дача В.С. Мейерхольда (где он жил в 1930-х гг. с труппой своего театра), дача М.Ф. Кшесинской) и др. В результате возникают общетерриториальные ментально-географические символические структуры, формирующие образы исторических ландшафтов [3]. Неудивительно, что с этих исследовательских позиций ландшафты, представляемые как красочный способ репрезентации среды обитания человека, могут исследоваться во множестве источников и плоскостей: в картинах на холсте, в текстах на бумаге, в образах кино, так же как и в реальности на земной поверхности [7].

Например, рассуждая о способах прочтения городского ландшафта как текста, в его мифопоэтическом контексте, А. Баглаэвский

писал: «...Текстуальный Гданськ – скажем с самого начала – есть место-палимпсест перемешанных и затаенных цивилизационно-материальных культурных пластов, своеобразный сплав следов, фрагментов, элементов, которые можно “выгрести” из-под новоявленных напластований и которые можно читать на разных языках <...> Эти пласты только разом, а не каждый в отдельности, становятся “Гданськом”» [Цит. по: 4, с. 15]. Так и петербургские дачи начала XX в., которые в свое время стали объектами концентрации культурных смыслов, т. е. были насыщаемы событиями исторической важности, на сегодняшний день ценны пластами своей истории, а именно, отпечатками, пространственно-временными следами разных эпох. Эти когнитивные пространственные сочетания формируют образы территорий. Как известно, образы территорий являются не только идеологическими, лежащими в основе патриотических представлений, но и объектами маркетинга, продуктами туристической и рекламы.

Наше исследование открывает возможность выработать некоторые *рекомендации по использованию* дачных ландшафтов. Сегодня большинство из них – это свалка старых ненужных фрагментов былой истории, просто развалины, в полном смысле – руины. Но на самом деле, – это цельная природно-историческая среда, которая может значительно расширить границы духовности и жизненного мира грядущих поколений. Способом расширения могут служить известные в Европе методики обретения-наращивания-восстановления жизненного мира современных людей. Одна из таких методик – включение памятников в систему современной туристической в качестве материала для экскурсий: 1) исторических; 2) спортивных – часть памятников дачного ландшафта начала XX в. уже работает в самостоятельном молодежном «экстремальном» туризме; 3) по истории мастеров искусств (репинские «Пенаты» не первый год воплощают в жизнь эту модель включения исторического памятника в современную социокультурную действительность); 4) о знаменитых архитекторах начала

XX в. на примерах их работ – многие из дач и усадеб действительно являются ценными историческими источниками по архитектуре начала XX в.; 5) дачи начала XX в. и усадебные постройки также могут выполнять функции мемориальных музеев по аналогии с музеями-квартирами.

Отдельно хочется обратить внимание на возможность использования этих сооружений в иных функциональных целях, но с сохранением историко-культурного облика. В частности, дача А. Фаберже в 2007 г. была передана Горному университету под музей для его коллекции драгоценных камней, но с обязательством восстановить усадьбу. Однако в результате бумажной волокиты с того времени на территории усадьбы ничего не происходит. Здание стремительно ветшает, некоторые разрушения становятся необратимыми (провалы крыши, обрушения стен и т. п.). Закономерно возникает вопрос – какова цель руководства Горного университета в этом случае? Не лучше ли для судьбы усадьбы передать ее, к примеру, частным лицам или организациям, как это было сделано со многими зданиями в самом Петербурге, с таким же обязательством к восстановлению? Эти и многие другие вопросы, судя по всему, не решаются без общественного вмешательства. В этой связи ценной могла бы оказаться культурологическая экспертиза, по результатам которой для каждого памятника дачной архитектуры начала XX в., кроме полного историко-культурного описания, были бы выработаны и конкретные рекомендации по оптимальным вариантам использования этих объектов в современной культурной, образовательной, производственной (туристической) практиках.

Подводя итоги нашего исследования, акцентируем внимание на ключевых моментах. Территория, граничащая с Петербургом в радиусе до 80 км, несет в себе множество ценных историко-культурных ландшафтных объектов, в частности – дачных, созданных в начале XX в. Ценность этих объектов определяется степенью их вовлеченности в общую социокультурную ситуацию, а именно: связь этих

объектов истории и культуры с выдающимися личностями своего времени из числа владельцев, с известными промышленниками, заводчиками, юристами, артистами, а также с выдающимися архитекторами, которые их строили. В силу стечения определенных обстоятельств, в частности, в силу воздействия комплекса инерционных и силовых факторов, эти места-дачи как маркеры топохрона стали интеграторами совершенно уникального пласта истории России конца XIX – начала XX вв. Дачные постройки начала XX в. богаты культурной памятью, как своеобразные «эпицентры» самых значимых событий бурной эпохи истории России. Однако, несмотря на это, большинство таких объектов оказались на сегодняшний день без должного присмотра, ухода и заботы. В результате, они с каждым годом все больше и больше приходят в упадок. В итоге мы имеем деревянные развалины, каменные руины и дикие заросли на местах, которые могли бы служить совершенно иным – как узко-историко-искусствоведческим, так и широко-практическим социокультурным целям и задачам. Причинами такого запустения могут служить отсутствие должного внимания со стороны общественности, в том числе и за-

интересованной (историки, искусствоведы, архитекторы, общественные организации), отсутствие должного регулярного и поэтапного контроля над состоянием объектов историко-культурного наследия, особенно над состоянием тех объектов, которые были переданы организациям с условием реконструкции/ремонта/реставрации.

Выход из сложившейся ситуации мы видим в привлечении общественного внимания к данной проблеме; в привлечении внимания специалистов, в первую очередь специалистов культурологического сообщества – так как вопрос касается структурно сложных объектов, требующих комплексного, всестороннего, многофакторного культурологического анализа; в привлечении специалистов из различных сфер – архитекторов, художников, проектировщиков (многие такие места привлекают даже сейчас фотохудожников, которые находят эти места «заораживающими» в игре света, цвета, архитектурных форм и т. д.); в поиске альтернативных средств и мотивации финансирования и рефинансирования работ по восстановлению таких объектов с целью их сохранения и дальнейшего успешного использования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. 760 с.
2. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Прогресс, 1993.
3. Митин И.И. Мифогеография: новые механизмы интерпретации пространств. URL: <http://imitin.at.tut.by> (дата обращения: 05.07.2014)
4. Митин И.И. Пространственные мифы и множественные реальности // *Communitas*. 2005. № 2. С. 12-15. URL: http://communitas.narod.ru/3-Communitas_2_2005_Mitin.pdf. (дата обращения: 05.07.2014).
5. Савицкий П.Н. Континент Евразия М.: Аграф, 1997. 464 с.
6. Cosgrove D., Jackson P. New directions in cultural geography // *Area*. 1987. Vol. 19. № 2. Pp. 95-101.
7. Daniels S., Cosgrove D. Introduction: The iconography of landscape // *The iconography of landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of the past environments* / Ed. by S. Daniels, D. Cosgrove. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Pp. 1-10.
8. Urbanc M., Printsman A., Palang H., Skowronek E., Woloszyn W., Gyuró E.K. Comprehension of rapidly transforming landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th century // *Acta geographica Slovenica*. 2004. Vol. 44. №. 2. Pp. 101-131.

REFERENCES:

1. Zamyatin, D. N., Zam'atina, N. Yu., Mitin I. I. Modeling of Images of Historical and Cultural Territory: Methodological and Theoretical Approaches. Moscow.: Institut Naslediya, 2008. 760 p.
2. Milyukov, P. N. Essays on the History of Russian Culture: in 3 vol. Moscow.: Progress, 1993.
3. Mitin I. I. Mifogeografiya: The New Mechanisms of Space Interpretation. URL: <http://imitin.at.tut.by> (date of access: July 05, 2014).
4. Mitin I. I. Spatial Myths and Plural Realities *Communitas*. № 2 (2005). Pp. 12-15. URL: http://communitas.narod.ru/3-Communitas_2_2005_Mitin.pdf. (date of access: July 05, 2014).
5. Savitskiy, P. N. Continent Eurasia Moscow: Agraf, 1997. 464 p.
6. Cosgrove, D. and Jackson, P. New Directions in Cultural Geography. *Area*. Vol. 19. № 2 (1987). Pp. 95-101.
7. Daniels, S., Cosgrove, D. Introduction: The Iconography of Landscape. *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of the Past Environments*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Pp. 1-10.
8. Urbanc, M., Printsman, A., Palang, H., Skowronek, E., Woloszyn, W. and Gyuró, E.K. Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century. *Acta Geographica Slovenica*. Vol. 44. № 2 (2004). Pp. 101-131.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Окладникова Елена Алексеевна
доктор исторических наук, профессор
Российский государственный
педагогический университет им.
А.И. Герцена
набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-
Петербург, 191186, Россия
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Марова Алина Олеговна
кандидат педагогических наук
Свободный исследователь
E-mail: pochtaale@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Okladnikova Elena Alekseevna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Herzen University
48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Marova Alina Olegovna
PhD in Education
Free Researcher
E-mail: pochtaale@mail.ru

УДК 82-1

Лопин Р. А.

**ДУХОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ
ПОЭЗИИ А. С. ХОМЯКОВА
(ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ)**

АННОТАЦИЯ

В статье актуализируется архивная записка 1911 г., посвященная А. С. Хомякову как мыслителю, занимавшему умы русского юношества в начале XX в. Основным методологическим приоритетом исследования, результаты которого изложены в статье, является культурологический анализ. Исследование заключается в реконструкции историко-культурных и духовно-исторических контекстов эпистолярной реплики учащегося Киевского ремесленного училища Виктора [Фрица], свидетельствовавшего в письме к своим родным в Хабаровск об участии в киевском Хомяковском утре и на вечере в Киевском ремесленном училище (с декламацией стихов А. С. Хомякова «Русская песня» и «Киев»). Полученные результаты могут быть применены в разноуровневых культурологических исследованиях наследия А. С. Хомякова и при изучении истории восприятия этого наследия в русском культурном самосознании.

Показано, что краткое письмо учащегося Киевского ремесленного училища Виктора [Фрица], отправленное в Хабаровск родным в 1911 г., свидетельствует о внимании, которое выказывалось в русской молодежной среде начала XX в. к литературно-философскому (поэтическому) наследию А. С. Хомякова. Стихи «Русская песня» и «Киев», упоминаемые в архивном письме, являются фактом исторической памяти духовной общности русского народа разных культурных эпох и историческим укором их национально-государственному размежеванию. Поэзия А. С. Хомякова, как и его труды философско-теологического характера, заключает в себе основы отечественной метафизической аксиологии и адресована различным поколениям молодых русских интеллектуалов, осмысливающих свое место в истории отечественной культуры.

Ключевые слова: А. С. Хомяков; «Русская песня»; «Киев»; русская философия; русская поэзия; аксиология; духовная жизнь; святоотеческое наследие; славянофильство; патриотизм.

Roman A. Lopin

**THE POETRY OF A. S. KHOMYAKOV
AND ITS SPIRITUAL AND HISTORICAL
ESSENCES (POETIC KNOWLEDGE
OF CULTURAL RENEWAL)**

ABSTRACT

The article is updating the archived record of 1911 dedicated to A. S. Khomyakov, a thinker who engrossed the minds of the Russian youth in the early twentieth century. The main methodological priority of the research is a cultural analysis. The goal of the research is to renew the spiritual and historical contexts of epistolary speech of Victor [Fritz], a student of Kiev tradesman school. In the letter to his family in Khabarovsk, he informed about the participation in Kiev tradesman school party (spouting the poetry of A. S. Khomyakov «Russian Song» and «Kiev»). The results can be implemented in split-level cultural studies of Khomyakov's heritage and when studying the history of the perception of this heritage in the Russian cultural identity.

The brief letter of a student of Kiev tradesman school Victor [Fritz], which was sent to Khabarovsk in 1911, indicates the attention the Russian youth of the early twentieth century paid to the literary and philosophical (poetic) heritage of A. S. Khomyakov. The «Russian Song» and «Kiev» poetry mentioned in the archived letter is a fact of the historical memory of the spiritual commonality of Russian people of different cultural epochs and the historical reprimand of their nation separation. The poetry of A. S. Khomyakov, his philosophical and theological works embrace the foundations of the national metaphysical axiology. They are addressed to different generations of young Russian intellectuals who make sense of their place in the history of Russian culture.

Key words: A. S. Khomyakov; «Russian Song»; «Kiev»; Russian philosophy; Russian poetry; axiology; spiritual life; patristic heritage; Slavofilism; patriotism.

В фотоальбоме коллекционера Елены Лаврентьевой «Семейный альбом. Фотографии и письма 100 лет назад» [13], посвященном культурному наследию дореволюционной России, представлены артефакты эпохи в виде семейных фотографий и писем. Привлечь особое внимание любителей отечественной философии может одно из них, в содержании которого упоминается о выдающемся русском мыслителе начала XIX столетия, А.С. Хомякове, чье имя в истории русской философии занимает важное, точнее, одно из центральных мест.

Алексей Степанович Хомяков вошел в историю как представитель славянофильского религиозно-философского направления в отечественной мысли. Его труды являются отражением эпохи становления русской философии, впитавшей в себя духовно-культурное наследие ментальности русского народа, традицию православия. Философия А.С. Хомякова базируется на святоотеческом наследии и имеет особенности, свойственные ей в выражении понятий любви, свободы, совести, добра, зла и т. п.; содержит вопрос о культурном и социально-психологическом различии человека в католико-протестантском и православном мире, что определило в ней понимание своеобразия принципиального начала культур в истории человечества; получает вид социально-нравственной антропологии, направленной к православно-русскому мессианству, где общность русского народа выражается в его духовном единстве. Суть такой философской концепции, сформировавшейся в контексте отечественной культуры, и заключается в идее сохранения ее мировоззренческой традиции.

Кроме того, А.С. Хомяков был талантливым конструктором, медиком, хозяйственником, естествоиспытателем, художником и поэтом. Он обладал способностью объединять людей идеей, увлекать ею. Можно сказать, по аналогии с Пушкинским Петербургом, что жизнь мыслящей Москвы первой половины XIX столетия – это время Хомякова.

Интерес к его наследию, не только философско-публицистическому, не исчезал и впоследствии. Полное собрание сочинений А.С. Хомякова четырежды издавалось в Мо-

скве и Праге, а отдельные его произведения были включены в школьные хрестоматии. Об этом интересе свидетельствует и упомянутое выше письмо начала XX века, написанное к родным, по-видимому, гимназистом. Вот его содержание:

*«Хабаровск
Угол Барановской
и Лисуновской, 15/11
Николаю Фердинандовичу Фриц
26.1.1911*

*Дорогой дедушка, бабушка и Лика.
Благодарю Вас за присланные мне Вами
15 р. У нас морозы. Под Новый год приехала
Вера. Получили ли Вы мои открытки? Пи-
шите!*

*У меня в четверти двоек нет. Мои от-
метки за 2 четверть:*

*Русск. – 4, Рис. – 3, Франц. – 3, Немец. – 3,
Закон – 4, Черчение – 3, История – 3, Бота-
ника – 3, География – 3.*

*Я выступал первый раз на Хомяковском
утре и декламировал «Русская песня» и
«Киев». Второй раз на вечере в К.Р. Учили-
ще декламировал «Киев». Приезжайте!*

Любящий Вас всех Витя» [13, с. 63].

В этом коротеньком письме все может оказаться важным для современного исследователя отечественной культуры в качестве полезной информации о нормах родственных взаимоотношений того времени, о требовательности преподавателей к знаниям учащихся. Но, пожалуй, наиболее интересной в данном случае является та информация, которая говорит о воспитательном векторе в дореволюционной России, направленном на формирование у учащихся патриотического чувства в области культурно-исторического знания, в том числе через литературно-поэтическое наследие – «...на Хомяковском утра... декламировал “Русская песня” и “Киев”», – и о том, какое место в этом процессе занимает духовно-историческая поэзия А.С. Хомякова, обладавшего твердостью самосознания, отстаивавшего культуру своего народа.

Первым проявлением мировоззренческой позиции в поэтическом творчестве А.С. Хомякова можно считать его стихотворное произведение «К иностранке». Оно посвящено Александре Смирновой-Россет, образ кото-

рой вдохновлял В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Аксакова. Сама А. Смирнова-Россет отождествляла А.С. Хомякова со «всемирным», ценила его как поэта. Но, отвечая на вопрос о стихотворных посвящениях А.С. Хомякова (их было несколько) в ее адрес, говорила: «Написал, но я их не помню, он тоже коверкал мое имя и начинает так: “От роз ее название”, далее не помню». [См.: 14].

.....
*Но ей чужда моя Россия,
 Отчизны дикая краса;
 И ей милей страны другие,
 Другие лучше небеса.
 Пою ей песнь родного края;
 Она не внемлет, не глядит.
 При ней скажу я: «Русь святая» –
 И сердце в ней не задрожит.
 И тщетно луч живого света
 Из черных падает очей, –
 Ей гордая душа поэта
 Не посвятит любви своей.*

В этом стихотворении К.С. Аксаков увидел понимание А.С. Хомяковым «ложности Западной дороги» и «самостоятельность нравственной задачи для Русской земли» [9, с. 159]. Напротив, Козьма Прутков (союз А.К. Толстого и братьев Жемчужниковых), не видя в стихотворении А.С. Хомякова, адресованном А.О. Смирновой-Россет, глубины раскрывающейся разности типов сознания, созданных разными «традициями», пародируя его, видел в нем бахвальство автора своими убеждениями [8, с. 63]:

.....
*И он охулки не положит,
 любя тебя, на честь свою.*

А.С. Хомякову суждено было быть поэтом во время великого А.С. Пушкина, во время, когда написание стихотворных строк в дворянской среде было делом обыденным, но мало кто из творцов этих строк мог находиться хотя бы у подножья вершины великого классика. Совместное публичное чтение «великого» А.С. Пушкина с поэмой «Борис Годунов» и «неизвестного» А.С. Хомякова с поэмой «Ермак» говорит о таланте начинающего поэта. И «неудача» премьеры, предре-

шенная соседством разных по величине имен в поэзии, была победой признания таланта лирика, наградой которому была дружба с великим поэтом России. Сам А.С. Пушкин в предисловии к повести «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» назвал его поэтом, а его стихи «прекрасными» [11, с. 608]. Литературный критик и поэт А.А. Григорьев отмечал, что поэмы «Дмитрий самозванец» и «Ермак» написаны с сильным поэтическим даром и глубоким философско-историческим смыслом [см.: 3, с. 471]. Духовная сила, вложенная в стихотворные строки А.С. Хомяковым, по выражению Н.В. Гоголя, была предназначена «для какого-то светлого будущего, куда еще ему самому не разоблачившегося» [2, с. 163].

Исследователь отечественной словесности М.М. Дунаев, говоря о поэзии А.С. Хомякова, отмечал: «Не поднявшись до высот Пушкина или Тютчева, он запечатлел себя как автор нескольких шедевров духовной поэзии, а жанр этот вообще один из труднейших и мало кому доступный по самой высоте содержания. В духовной лирике можно впасть в выпренность либо слащавую экзальтацию, от чего способно удержать лишь соединение таланта с истинным горением веры и одновременным трезвением религиозного чувства. Хомяков в лучших своих созданиях добивался такого соединения» [5, с. 185]. В строках стиха А.С. Хомякова «Вставай, страна моя родная! ...» И.А. Ильин видел отражение способности истинного покаяния, очищения русского народа в проникновении христианской совестью, в чем он «держал свое бытие и свой быт» [6, с. 200].

.....
*С душой коленопреклоненной,
 С главой, лежащей в пыли,
 Молись молитвою смиренной
 И раны совести растленной
 Елеем плача исцели!*

В этих стихотворных строках развенчивается обвинение лидера славянофильства в бахвальстве «русскостью». В них, напротив, звучит любовь к отечеству, а спасение России предстает через смиренное покаяние, следование правде Божией, в полном соответствии с христианским мировоззрением А.С. Хомякова.

В русской идеалистической традиции человек понимается не как проблема социальной группы и не как земная принадлежность к какой-либо нации, а как имеющий в своей религиозности наднациональное значение и над-политическое предназначение; утверждается единственно правильное понимание пути спасения всего человечества, продиктованное религиозным началом его истинности, не через диктатуру, а через любовь к миру. С этой точки зрения, говоря о соборном объединении в понимании А.С. Хомякова, можно сказать, что его идея духовной общности человечества аполитична, и смысловым ее центром является именно православное антропологическое учение о спасении. В ней нет сиюминутной выгоды, в ней раскрывается проблема существования в вечности, через которую становится ясно, что отход от религиозного положительного истинного сознания не уменьшает проблем в земном мироустройстве, а создает их.

Славянофилы, лидером которых был А.С. Хомяков, верили, что Россия «...на основе православия призвана заложить основы общеевропейского просвещения» [4, с. 11] или исцеления от лжепросвещения, порожденного первосвященством Рима. Эта мысль нашла выражение не только в философско-публицистических трудах лидера славянофильства, но и в стихотворной форме в произведении А.С. Хомякова «России»:

.....
Тебе Он дал Свое призванье,
Тебе Он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство,
Любви живительный сосуд,
.....
Внимай Ему – и, все народы
Обняв любовью своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!

Гордыня латинства, по мнению А.С. Хомякова, как ересь против вселенской Церкви, породила верование вместо веры. Этот упадок, по его убеждению, повлек за собой обмирщение Церкви, рационализм богословия, социальной жизни, культуры, приведший к

полному безверию и атеизму. Разрыв между познанием и внутренним совершенством духа Европы, ориентирующей на интеллект как рассудок, по мнению А.С. Хомякова, привел к неправильному мировосприятию. Так обмирщение латинства, в котором церковь стала механизмом или юридическим звеном в обществе, укрепляет лидера славянофильства в сознании истинности своего религиозного убеждения, в отождествлении своей Церкви с живым организмом. В ней человек – неотъемлемая часть «Богочеловеческого организма», «в котором множество членов образует жизненное единство» [1, с. 344]. Важность такой концепции отмечал С.И. Фудель: «заслуга Хомякова ... в том, что он среди мертвых схем и рассудочных формул идеи Церкви просто и твердо указал на ее онтологическое место, напомнил, что Церковь – это не юридическое и не социальное понятие, а живой и таинственный для нас Организм любви...» [15, с. 117].

Позиция А.С. Хомякова как апологета православной традиции в русском сознании и патриота традиционной России стала причиной забвения его имени в советское время. Только лишь в 1969 г. впервые был выпущен сборник его произведений «Стихотворения и драмы». Реабилитация и восстановление значимости А.С. Хомякова для русской культуры связаны с пробуждением интереса российского общества к собственному историко-культурному наследию, что в свою очередь было вызвано падением марксистско-ленинской идеологии, а впоследствии – реакцией на нивелирующие культурно-цивилизационную идентичность глобальные процессы. Он в таких условиях стал вновь актуальным и значимым, поскольку исторический опыт отказа от собственного мировоззрения в России показал его губительность, неизбежность системного разрушения общества как следствие разрушения самобытной культуры, самосознания русского человека.

2012 год в России на основании Указа Президента Российской Федерации от 3 марта 2011 г. № 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» был объявлен «Годом истории», что может рассматриваться как современный концепт национального единства России [См.: 10]. По

справедливому замечанию В.В. Кожина, «Действительная история каждого народа начинается с момента создания государства, которое, по сути дела, является собой воплощение исторической воли народа. Именно посредством государства, в лице государства, народы осуществляют те свои целенаправленные деяния, из коих складывается их подлинная история» [7, с. 8]. Так в рассмотрении темы начала истории российской государственности невозможно обойти вопрос о связи его возникновения с возникновением его культуры, а как следствие, в случае с Россией, – культурно-цивилизационной общности. А это уже вопрос об истории России во всей ее динамике, о ее территориальном преобразовании в историческом процессе, духовной общности народов, к ней принадлежащих, об их исторической памяти, невзирая на то, что сегодня многие из них проживают в отдельных самостоятельных государствах.

В «Русской песне» А.С. Хомяков, называя Россию «землею Володимира», раскрывает в произведении важность Владимирской эпохи, Крещения Руси для всей российской истории, ее культурообразующее значение как основы аксиологии русской культуры или, как сегодня принято говорить, русского кода развития, духовной основы России.

*Гой красна земля Володимира!
Много сел в тебе, городов больших,
Много люду в тебе православного!
В сини горы ты упираешься,
Синим морем ты омываешься,
Не боишься ты люта ворога,
А боишься лишь гнева Божия.*

*Гой красна земля Володимира!
Послужили тебе мои прадеды,
Миром-разумом успокоили,
Города твои разукрасили,
Люта ворога отодвинули.
Помяни добром моих прадедов:
Послужили тебе службу крепкую.
Службу большую я служил тебе.
От меня ль в степях мужички пошли,
Мужички пошли все богатые.
Знают чин свой, знают добычу,
Братьев любят, Богу молятся.
От меня ль в судах правда-суд пошли,
Правда-суд пошли неподкупные, -*

*Правда в слушанье, суд в видение!
От меня ль пошла в целый мир молва,
Что и синего неба не выгледеть,
Что и синего моря не вычерпать:
То красна земля Володимира.
Полюбуйся ей – не насмотришься,
Чернай разум в ней – не исчерпаешь!*

*Ходит по небу солнце ясное,
Греет, светит миру целому;
Ночью теплятся звезды частые,
А траве да песчинкам счету нет.
По земле ходит слово Божие,
Греет жизнь, светит радостью;
Блещут главы церквей золоченые,
А Господних слуг да молельщиков,
Что травы в степях, что песку в морях.*

О значении эпохи кн. Владимира Предстоятель Русской Православной Церкви в связи с 1025-ой годовщиной Крещения Руси отметил: «Именно благодаря Крещению Руси была сформирована наша уникальная цивилизация...» [12]. Это значит, что современное российское общество может быть ориентировано на целостное восприятие собственной истории в ее духовной проекции, а не в политической ее фрагментарности с 1917-го или с 90-х годов XX столетия. Сегодня такой подход свойственен и позиции президента Российской Федерации. В ежегодном Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. он отметил: «Для возрождения национального сознания нам нужно связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная, тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития»¹. Это сегодня важно!

Поэтическое произведение «Киев» А.С. Хомякова еще более адресовано сегодняшнему дню, раскрывая в своем содержании современную проблемность патриотизма, духовной опустошенности и центробежности сознания по отношению к культурно-историческому

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года: полный текст. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1603695.html> (дата обращения 05.05.2014).

наследию цивилизационного единства российских народов. В то же время оно выражает надежду на то, что историческая атомизация народов, ранее принадлежащих к единой цивилизации, – явление временное, исторически преодолимое.

*Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром,
Днепр сверкает под горою
Переливным серебром.*

*Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!*

*Сладко песни раздался,
В небе тих вечерний звон...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклон?*

*«Я оттуда, где струится
Тихий Дон – краса степей».
«Я оттуда, где клубится
Беспредельный Енисей!»*

*«Край мой – теплый берег Эвксина!»
«Край мой – берег тех дальних стран,
Где одна сплошная льдина
Оковала океан».*

*«Дик и страшен верх Алтая,
Вечен блеск его снегов,
Там страна моя родная!»
«Мне отчизна – старый Псков».*

*«Я от Ладогои холодной»,
«Я от синих волн Невы»,
«Я от Камы многоводной»,
«Я от матушки Москвы».*

*Слава, Днепр, седые волны!
Слава, Киев, чудный град!
Мрак пещер твоих безмолвный
Краше царственных палат.*

*Знаем мы: в века былые,
В древню ночь и мрак глубок,
Над тобой блеснул России
Солнца вечногo восток.*

*И теперь из стран далеких,
Из неведомых степей,
От полночных рек глубоких –
Полк молящихся детей –*

*Мы вокруг своей святыни
Все с любовью собраны...
Братцы, где ж сыны Волыни?
Галич, где твои сыны?*

*Горе, горе! Их спалили
Польши дикие костры;
Их сманили, их пленили
Польши шумные пиры:*

*Меч и лесть, обман и пламя
Их похитили у нас;
Их ведет чужбое знамя,
Ими правит чуждый глас.*

*Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
Сладок глас отца родного,
Зов моления и любви.*

*И отторженные дети,
Лишь услышат твой призыв,
Разорвав коварства сети,
Знамя чуждое забыв,*

*Снова, как во время оно,
Успокоиться придут
На твое святое лоно,
В твой родительский приют.*

*И вокруг знамен Отчизны
Потекут они толпой,
К жизни духа, к духу жизни,
Возрожденные тобой!*

Упомянутые в приведенном выше письме стихи А.С. Хомякова «Русская песня» и «Киев» в данном контексте – это историческая память духовной общности народов, принадлежащих к одной цивилизации, и в то же время исторический укор их национально-государственному размежеванию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Киев: Дух и Литера, 2006. 912 с.

2. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собрание сочинений: В 9-ти тт. Т. 6. М., 1994. С. 7-325.

3. Григорьев А.А. Апология почвенничества. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 688 с.

4. Дробжев М.И. Проблема человека в русской религиозной философии XIX – первой половины XX века. Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 2000. 320 с.

5. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. 1056 с.

6. Ильин И.А. Россия в русской поэзии // Одинокий художник / Сост. В.И. Белов. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 196-216.

7. Кожин В. Грех и святость русской истории. М.: Эксмо; Яуза, 2010. 480 с.

8. Козьма Прутков. Обнять необъятное: Избранные произведения. М.: «Детская литература», 2002. 182 с.

9. Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуж-

дениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 487 с.

10. Лопин Р.А. 1150 лет российской государственности – современный концепт национального единства России // Журнал Общественной палаты Белгородской области «Белгородское солидарное общество». 2012. № 1. С. 75-90.

11. Пушкин А.С. Избранные сочинения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1978. 720 с.

12. Святейший Патриарх Кирилл: «Именно благодаря Крещению Руси и была сформирована наша уникальная цивилизация» // Православная газета. Екатеринбург. 2013. Апрель. № 14. С. 1

13. Семейный альбом. Фотографии и письма 100 лет назад. М.: Белый город, 2005. 224 с.

14. Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма. М.: Правда, 1990. 544 с.

15. Фудель С.И. Об о. Павле Флоренском (1882-1943) // П.А. Флоренский: pro et contra / Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. К.Г. Исупова. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института (РХГИ), 2004. С. 49-140.

REFERENCES:

1. Averintsev, S. S. Sofia – Logos. Dictionary. Collected Works. Kiev: Dukh i Litera, 2006. 912 p.

2. Gogol, N. V. Selected Passages from the Correspondence with Friends. *Collected Papers* in 9 vv. Vol. 6. Moscow, 1994. Pp. 7-325.

3. Grigoriev, A. A. The Apology of “Soil-bound” Tradition. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2008. 688 p.

4. Drobzhev, M. I. The Human Problem in Russian Religious Philosophy of XIX – early XX Century. Tambov, Publishing House of Tambov University, 2000. 320 p.

5. Dounaev, M. M. Faith in the Crucible of Doubt: Orthodoxy and Russian Literature in the XVII-XX Centuries. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2002. 1056 p.

6. Ilyin, I. A. Russia in Russian poetry. *A Lonely Artist*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1993. Pp. 196-216.

7. Kozhinov, V. The Sin and Holiness of Russian History. Moscow: Eksmo; Jauza, 2010. 480 p.

8. Koz'ma Prutkov. Embrace the Immensity: Selected Works. Moscow: “Detskaya Literatura”, 2002. 182 p.

9. Koshelev, V. A. Aleksey Stepanovich Homiyakov: Biography in Documents, Reasonings and Researches. Moscow: New Literary Review, 2000. 487 p.

10. Lopin, R. A. 1150 Years of Russian Statehood – the Modern Concept of National Unity of Russia. *Journal of the Public Chamber of Belgorod Region “Belgorod United Society”*. № 1 (2012). Pp. 75-90.

11. Pushkin, A. S. Selected Works. In 2 v. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978. 720 p.

12. His Holiness Patriarch Kirill: "It is because of the Baptism of Russia our unique civilization was formed". *Orthodox Newspaper*. Yekaterinburg, № 14 (2013). P. 1

13. Family Album. Photos and Writings 100 Years Ago. Moscow: Bely Gorod, 2005. 224 p.

14. Smirnova-Rosset, A. O. Memories. Letters. Moscow: Pravda, 1990. 544 p.

15. Fudel, S. I. About Father Pavel Florensky (1882-1943). *P. A. Florensky: pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute (RHGI) Publishing House, 2004. Pp. 49-140.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лопин Роман Анатольевич
кандидат философских наук, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет, ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия
E-mail: lopin_ra@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Lopin Roman Anatolievich
PhD in Philosophy, Associate Professor
Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: lopin_ra@mail.ru

УДК 122

Шило Е. И.

**О ПЕРВОМ
НАУЧНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ
ОПЫТЕ Н. Н. СТРАХОВА****АННОТАЦИЯ**

Исследование, представленное в статье, нацелено на прояснение теоретико-методологического своеобразия органического подхода, как он проявился в первой естественнонаучной работе выдающегося русского ученого и философа Н.Н. Страхова. Методологически работа выполнена в форме историко-научного комментария к диссертационному исследованию Н.Н. Страхова, содержащего экспликации основных метатеоретических идей, предпосылок и следствий его труда в контексте мировой науки.

В результате исследования обнаружены несомненные эволюционные и системные естественно-исторические категоризации и рассуждения, свидетельствующие о передовых для своего времени теоретико-методологических воззрениях ученого-зоолога Н.Н. Страхова. Результаты исследования могут быть полезны в дальнейших историко-научных и научно-биографических, методологических систематических описаниях и классификациях достижений отечественной науки, а также при создании полной научной биографии Н.Н. Страхова.

Особое значение среди выводов имеет положение о том, что на основе своих сравнительно-анатомических исследований Н.Н. Страхов пришел к выводам о генетической связи между группами позвоночных животных и к выводам частно-эволюционного порядка. Его диссертация стала одной из первых теоретических работ в области отечественной морфологии животных, где сочетание органической телеологии (идеи) и применения математических методов обработки эмпирического материала дает обоснование познавательной эффективности научного принципа гомологии. Исследования Н.Н. Страхова в области морфологии животных, разработка им принципов гомологии для исследования родства групп на сто лет предвосхитили концепцию гомологии немецкого биолога Адольфа Ремане.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов; морфологические исследования; принцип гомологии; телеология; «жизненная сила»; формообразование; эволюция; Р. Оуэн; А. Ремане.

*Elena I. Shilo***REVISTING THE FIRST SCIENTIFIC AND
WORLDVIEW EXPERIENCE
OF N. N. STRAKHOV****ABSTRACT**

The study is aimed at clarifying the theoretical and methodological originality of the organic approach, as it first appeared in the natural science work of an outstanding Russian scientist and philosopher N. N. Strakhov. The methodological work is done in the form of historical and scholarly commentary on Strakhov's thesis research which embraces the explications of the basic metatheoretical ideas, assumptions and effects of his work within the framework of the world science.

As a result, there have been found certain evolutionary and in-system natural and historical categorizations and reasoning which show the advanced theoretical and methodological views of a zoologist N. N. Strakhov. The outputs of the study may be useful in further historical, scientific, biographical, methodological systematic descriptions and for classification of achievements of national science, as well as for creating the scientific biography of N. N. Strakhov.

Of paramount importance is the fact that N. Strakhov came to a conclusion about the genetic relationships between the groups of vertebrates and the conclusions of a particular evolutionary order which were hinged on his comparative anatomical studies. His thesis was one of the first theoretical works in the field of domestic animal morphology, where a combination of organic teleology (the idea) and the implication of mathematical methods for empirical data processing provide a basis for the effectiveness of cognitive scientific principle of homology. Strakhov's research into animal morphology, his studies of the homological principles of kinship groups was a hundred years ahead of the concept of homology proposed by Adolf Remane, German biologist.

Key words: Nikolai N. Strakhov; morphological studies; the principle of homology; teleology; «Life force»; morphogenesis; evolution; R. Owen; A. Remane.

Исследователи творчества Н.Н. Страхова (1828–1896) – одного из крупных и до последнего времени полузабытых мыслителей XIX в., – справедливо отмечают, что вопрос об эволюции его мировоззрения до сих пор не прояснен [1, 4, 5]. По словам самого Н.Н. Страхова, на начальном этапе оно формировалось под влиянием естествознания: «Источником своих взглядов, – писал он, – я считал, во-первых, математические и естественные науки, которыми тогда занимался и истинный дух которых усвоил себе чтением, размышлением и некоторыми работами» [7, с. V]. Нам известно, что Страхов получил систематическое образование в области естественных наук, завершившееся написанием и защитой в 1857 г. магистерской диссертации «О костях запястья млекопитающих». В отличие от переводческих, литературно-критических, философских его работ, эта диссертация осталась вне специальных систематических исследований ближайших современников и позднейших историков науки. Современное прочтение и оценка этой диссертации как вклада в развитие научных знаний требует специального методологического подхода, прежде всего – реконструкции научно-исторического контекста, которым определялись теоретические положения диссертации.

Изучение костей запястья является предметом морфологии, науки о строении организмов, базовой дисциплины биологии, на основании данных которой формировались крупнейшие общебиологические концепции – учение о лестнице существ, теория типов, трансформистские представления, теория эволюции. Проявление жизненной силы, присущей всем живым организмам, ученые искали в разнообразии форм: «Именно форма организмов (мы разумеем здесь и внешнюю, и внутреннюю форму, т. е. строение), беспрестанно повторяющаяся по закону наследственности и всегда проходящая неизменный ряд метаморфоз, признавалась прямым созданием жизни» [10]. Размышления над причиной того, что биологические процессы протекают в определенном направлении, имеют более чем двадцативековую историю и основываются на телеологии Аристотеля, который полагал, что «движущая причина возникнове-

ния ведет к образованию определенной формы, являющейся сущностью живых тел, полное выражение которой и есть цель» [2, с. 7]. Позже в средневековой схоластике понятие конечной цели получило теологическое содержание. Витализм, как учение об особой внетелесной субстанциальной «жизненной силе», выносил причину строения, жизнедеятельности и развития организмов за пределы материального мира. Представители механистической философии вообще не пытались объяснить целесообразность как общее свойство живых тел. В середине XIX в. материалистические взгляды постепенно стали преобладать, и развернувшаяся между материализмом и идеализмом борьба и составила, по выражению Н.Н. Страхова, «главный интерес в современном движении естественных наук», тот вопрос, который стал на пути этого движения и который нельзя обойти, а нужно основательно разрешить [10].

В «Письмах об изучении природы» (1845) А.И. Герцен характеризует научную среду этого периода как разделенную на две крайности «эмпириков» и «идеалистов». Первые, убедившись в шаткости большинства философских работ о животном мире, ставили своей целью получить как можно больше фактического материала, не пытаясь изучить природу как таковую, и сообщали о собственных открытиях в области морфологии животных в тоне архивариусов и протоколистов, вторые же «создавали построения и устанавливали законы, почерпнутые из собственной фантазии» [3, с. 221]. Спустя более трех десятилетий после защиты диссертации, в статье «Ход и характер современного естествознания» (1892) Н.Н. Страхов писал: «В зоологии тогда господствовали идеи Кювье и Оуэна, в физиологии высшим авторитетом был Иоганнес Мюллер, в органической химии Либих, усердно отстаивавший «жизненную силу». Общий взгляд, которого держались эти натуралисты, и вслед за ними большинство других, можно назвать, в противоположность материализму, *витализмом*, именно, они были убеждены, что в живых телах, в организмах, присутствует и действует нечто такое, чего вовсе нет в мертвой природе...» [10].

В конце XVIII – начале XIX вв. сравнительная анатомия, изучавшаяся, как и во времена Аристотеля, в функциональном аспекте, достигла своей вершины в трудах Ф. Вик д'Азира (1746–1794), который признавал общность одной и даже ряда общих функций у нескольких животных, и его преемника Ж. Кювье (1769–1832), по мнению которого, различные части живого существа должны быть координированы так, чтобы обеспечить существование организма как целого. В «Лекциях по сравнительной анатомии» (1800–1805) Кювье высказывает мысль о единстве формы и функции; впоследствии продуктивная исследовательская деятельность в области систематики позволила ему сформулировать принцип корреляции, охватывающий всю систему организмов. Не противопоставляя функцию форме, он считал их «выражением изначальной целесообразности организации живых существ» [2, с. 21]. Морфология Кювье предвосхитила идею «морфологии систем», в которой морфологические структуры рассматриваются как системы с точки зрения выполняемых функций, но не была понята современниками, так как была выражена в метафорической форме. Это было время, когда естествоиспытатели еще не умели найти более подходящего выражения для идеи единства формы и функций органов, и Н.Н. Страхов, опережая современников, сумел это понять.

Ричард Оуэн (Sir Richard Owen) (1804–1892), известный английский зоолог, анатом и палеонтолог, подверг критике функциональную морфологию Кювье и противопоставил ей учение о гомологиях. От старой идеалистической морфологии он воспринял принцип сериального повторения частей в целом организме и «принцип связи» Ж. Сент-Илера (1772–1844), утверждавшего, что единство плана строения опирается на принцип соотношения частей, которое остается постоянным, несмотря на существенные изменения формы и функций отдельных организмов. Теоретические взгляды Р. Оуэна были изложены им в сочинениях об архетипе (1847) и о природе конечностей (1849). Теория архетипа (от греч. *arch* – начало и *τύπος* – образец) утверждает, что в основу строения скелета позвоночных

животных положен идеальный позвонок, а весь скелет, в том числе и скелет конечностей, представляется серией таких видоизмененных позвонков. По мнению Б.Е. Райкова, теория архетипа выражала взгляды натур-философского направления в морфологии XVIII–XIX вв., когда в строении человека и животных искали отражения общих идей [6]. Архетип трактовался Р. Оуэном в духе учения Платона и в полном соответствии с его теологическими воззрениями на природу: реально существующие формы животных являлись, по Оуэну, лишь предусмотренными творцом вариациями идеального архетипа. Поэтому он считал, что изучение скелета конечностей должно идти путем нахождения частей, гомологичных универсальному архетипу. Последний наделялся им также особой формообразующей силой. Таким образом, в рассматриваемый период, предшествующий написанию Н.Н. Страховым диссертации, учение о морфологии животных характеризовалось острыми дискуссиями, суть которых состояла в определении места морфологии в системе эволюционной биологии.

Общий научно-исторический контекст диссертационной работы Н.Н. Страхова позволяет прояснить ее проблемно-тематический характер. Материалом для исследования магистранта послужили коллекции Зоологического музея, созданного в 1832 г. на основе зоологических коллекций Кунсткамеры, и коллекции зоологического кабинета Санкт-Петербургского университета, где работал С.С. Куторга (1805–1861), преподававший зоологию в Главном педагогическом институте, в котором с января 1848 г. по август 1851 г. учился Н.Н. Страхов. Морфология как наука о строении (форме) организмов, с точки зрения Н.Н. Страхова, призвана решить следующие задачи: «во-первых, определить естественное средство целых организмов, то есть расположить их в естественной системе, во-вторых, подвести под те же приемы самые части организмов, то есть определить гомологию всех отдельных органов, и наконец, проследить и сравнить все циклы развития, проходимые различными организмами и их отдельными органами. Эти три задачи постепенно сливались в одну общую задачу, кото-

рую можно выразить так: найти тот порядок (ту последовательность и те разветвления), в котором идут органические формы от самого простого организма до разнообразнейших сложных организмов и доходят до самого высшего. По мере того, как нам становилась бы яснее и яснее эта картина, можно было бы надеяться уловить смысл и закон того жизненного творчества, которое ее создает» [10]. Фактически им ставилась задача найти причину эволюции форм, при том, что, не признавая существования особой жизненной силы, Страхов признавал, тем не менее, существование особой целесообразности как гармонии строения и развития организмов. Возвращаясь к этой теме в 1896 г. в связи с критикой учения Ч. Дарвина, он писал: «Мы здесь исследуем одни внешние отношения организмов, следовательно, ищем не той целесообразности, которую каждый организм имеет в себе самом, как гармонию всех частей и всего развития, как осуществление типа, к которому он стремится, а рассматриваем лишь выгоды и невыгоды его устройства в столкновении с окружающими случайностями» [10].

К середине XIX в. сравнительно-анатомические и зоологические исследования в европейской и отечественной морфологии исторически складывались так, что ученые уделяли больше внимания строению черепа и позвоночнику, общему плану строения конечностей, и в меньшей степени строению кисти, в частности, костям запястья, хотя, по мнению Н.Н. Страхова, «необыкновенное развитие членов представляет здесь особенную занимательность». Некоторые кости запястья в середине XIX в. либо вовсе не имели названий, либо именовались по-разному, что, по словам Н.Н. Страхова, «показывает трудность их определения: такая трудность тем более замечательна, что другие кости конечностей вообще определяются легко и тем представляют один из поразительных примеров единства того плана, по которому устроены позвоночные» [8, с. 1]. Поэтому диссертант поставил ряд задач по изучению строения костей запястья и их гомологии: 1) найти одноименные кости запястья у всех позвоночных («видовая гомология»); 2) под-

вести все формы запястий под общие и частные типы (сравнительная анатомия); 3) определить, в каких отношениях находятся кости запястья с другими костями конечностей (зоотомия); 4) найти, каким костям запястья гомологичны кости запястья («рядовая гомология»); 5) решить, однородны ли кости запястья и запястья между собой; 6) решить, однородны ли кости запястья с костями передней конечности, а кости запястья с костями задней конечности (общая гомология) [8, с. 5].

Не формулируя теоретических обобщений о сравнительно-анатомическом изучении гомологий, ученый считал, что принцип гомологии может, как метод сравнительной анатомии, «способствовать решению общего вопроса» – речь идет, по нашему мнению, о направлении эволюции форм жизни и о «жизненной силе» как критерия жизни. Изучение костей запястья важно для Н.Н. Страхова и для развенчания «теории конечностей», предложенной Р. Оуэном, который, следуя своей теории архетипа, допускает фиксированное число костей – 10, по 5 в каждом ряду, – между тем как их количество, утверждает Страхов, может варьироваться. Точное определение костей необходимо и для решения частного «вопроса о пальцах» в филогении: современники Н.Н. Страхова не могли прийти к общему мнению, по какому пути идет редукция пальцев ископаемых копытных животных. По мнению Н.Н. Страхова, «малоподвижное сочленение этих костей с костями пясти и плюсны позволяет назвать палец по костям запястья и пясти» и решить этот спор [8, с. 9]. Н.Н. Страхову была близка идея критерия переходных форм в гомологии, согласно которой, если кости животных по форме не сходны друг с другом, но связаны непрерывным рядом «переходных форм», то их можно считать гомологичными. Он находит такие переходные формы при исследовании запястья копытных животных (тапира, носорога и бегемота), исследует скелеты ископаемых животных, находит сходство между современными копытными и палеотерием, переходной формой к тапиру. Однако понадобились годы, чтобы идея исторического развития копытных воплоти-

лась в палеонтологии, в частности, в работах А.О. Ковалевского (1840-1901).

Н.Н. Страхов не представлял рассмотрение своей научной проблемы без научного анализа, критериями которого являются четкость рассуждения, определенность и доказательность выводов, ясность и однозначность изложения: «здесь, как и в других случаях, должно от частного идти к общему. Общие положения должны быть если не найдены, то проверены этим путем. Следовательно, и здесь прежде всего нужно сравнивать частные формы и соединять их в группы по их сходству, частные группы подводить под более общие и т. д.» [8, с. 9]. Для анализа скелета кисти и установления гомологии костей Н.Н. Страхов применил математические расчеты формы, размеров, взаимного расположения и особенностей соединения костей запястья млекопитающих, относящихся к разным систематическим группам. В результате исследования Н.Н. Страховым были изучены (измерены, зарисованы, детально описаны) кости запястья 25-ти видов млекопитающих, проведен их сравнительно-анатомический анализ.

Обобщая обширный фактический материал, Н.Н. Страхов делает следующие выводы: «1. Форма частей, переходы от одной формы к другой представляют несомненные признаки для определения гомологических частей. 2. Определение гомологических частей имеет то же значение и ту же важность в сравнительной анатомии, как строгая естественная система в зоологии. 3. Кость, называемая обыкновенно костью пясти большого пальца, есть кость его первого сустава. 4. Кости запястья и заплюсны однородны с остальными длинными костями членов. 5. Теория запястья Оуэна не может быть принята. 6. Разделение сложных костей на гомологически сложные и телеологически сложные, предложенное Оуэном, не может быть принято. 7. Жизненная сила не должна быть допускаема даже как предположение. 8. Все вещественные явления органических тел совершаются по необходимым вещественным законам, как и в неорганической природе» [8, с. 60].

Таким образом, Н.Н. Страхов обосновывает необходимость использования принципа

гомологии в морфологии животных как научного метода (тезисы 1, 2). В своей диссертации Н.Н. Страхов, безусловно, высказывает эволюционные взгляды, хотя и не находит ответа на вопрос о причинах эволюции (тезис 2). Вопрос о роли гомологических признаков в процессе эволюции позволяет проследить филогенетический ряд животных и определить место этой группы в естественной системе, которая «есть не что иное, как система делений, основанная на гомологических, т. е. чисто анатомических сравнениях» [9, с. 28]. В содержание понятия «гомология» Н.Н. Страховым был внесен эволюционный аспект: анализируя обширный фактический материал, он утверждает, что критериями гомологии органов необходимо считать единство положения и структуры органов, наличие переходных форм и развития органов из одинаковых эмбриональных зачатков. Содержание диссертации развенчивает теорию архетипа, доказывает, что сведение реального скелета конечности к архетипу не является научным методом познания в сравнительной анатомии и морфологии (тезисы 3, 4, 5, 6). При этом Н.Н. Страхов занимает отчетливо критическую позицию в отношении виталистических взглядов о существовании «жизненной силы» (тезисы 2, 4). В более поздней работе «Мир как целое» Страхов вновь возвращается к морфологии животных. Исследователи, пишет он, «должны будут продолжать морфологическое исследование организмов, то есть приводить к большему и большему совершенству естественную систему животных и растений, а также разработать гомологии всех органов и наконец, сравнительную историю развития и целых организмов и их органа» [7, с. XVI].

Таким образом, идеи, изложенные в диссертации Н.Н. Страхова, по сути, создавали основу систематики животных и филогенетики, что осталось не замеченным в отечественной науке отчасти потому, что его диссертация не была верно понята и не была опубликована ни в одном из иностранных журналов. Сам же Н.Н. Страхов, владея в совершенстве несколькими языками, пользовался ими исключительно в просветительских целях, в работах по филологии и фило-

софии; его бесконечная самокритичность и скромность не позволили ему напечатать в Европе то, что не получило должной оценки на Родине. Следует подчеркнуть, что гомологические исследования Н.Н. Страхова и выводы, сделанные из них, на сто лет превосхитили концепцию гомологии немецкого биолога Адольфа Ремане (1898–1976), автора более 300 работ по сравнительной анатомии, зоологии, палеонтологии и вопросам филогении, среди которых наиболее известной считают его «Die Grundlagen des natürlichen Systems, der vergleichenden Anatomie und der Phylogenetik» (1952) (Основания естественной системы, сравнительной анатомии и филогенетики). Изучение гомологий с целью нахождения естественной системы, это, по мнению А. Ремане, первичные результаты, а филогения — это их интерпретация: «Это не филогения определяет гомологию, а гомология определяет филогению» [11, S. 171]. А. Ремане считал, что главной задачей систематики является выявление наиболее важных признаков для установления родства позвоночных; для этого зоологу важно обнаружить органы-гомологи, критериями которых являются их локализация, строение и форма, наличие промежуточных форм и гомологи-

ческих рядов изменчивости. Собственно, об этом же в России заявил в своей диссертации Н.Н. Страхов.

Подводя итоги нашего краткого исследования, можно прийти к следующим выводам: 1) Диссертация Н.Н. Страхова является результатом тщательного сравнительно-анатомического изучения и обобщения большого фактического материала. 2) Предварительный анализ диссертации позволяет назвать Н.Н. Страхова одним из первых отечественных филогенетиков: на основе сравнительно-анатомических исследований Н.Н. Страхов пришел к выводам о генетической связи между группами позвоночных животных и к выводам частно-эволюционного порядка (что, в свою очередь, позволяет поставить вопрос о его теоретических и эмпирических стратегиях в полемике с К.А. Тимирязевым). 3) Материалы диссертации Н.Н. Страхова не стали достоянием широкого круга русских читателей, не были переведены и остались неизвестными в Европе, однако они составили теоретическую базу для основных его философско-научных работ, обладающих еще не вполне оцененной значимостью в контексте мировой науки и философии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 165 с.

2. Бляхер Л.Я. Очерк истории морфологии животных. М., 1962. 262 с.

3. Герцен А.И. Письма об изучении природы // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР. 1954. 335 с.

4. Грот Н.Я. Памяти Н.Н. Страхова: к характеристике его философского мирозерцания [реф., чит. в моск. психол. о-ве]. М.: Тип. лит. т-ва И.Н. Кушнарев и Ко, 1896. 40 с.

5. Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А. Полемика и понимание: философские очерки

мышления и личности Н.Н. Страхова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 200 с.

6. Райков Б.Е. Германские биологи-эволюционисты до Дарвина. Л.: Наука, 1969. 231 с.

7. Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб.: 1872. XXVI, 506 с.

8. Страхов Н.Н. О костях запястья млекопитающих // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1857. № 9, о. II. С. 274–332.

9. Страхов Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб.: Тип. Э. Праца, 1865. XII, 185 с.

10. Страхов Н.Н. Ход и характер нашего естествознания // Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1896. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1892_hod_i_harakter.shtml (дата обращения: 03.06.2014).

11. Remane A. Die Grundlagen des natürlichen Systems, der vergleichenden Anatomie und der Phylogenetik // Theoretische Morphologie und Systematik. Leipzig : Geest & Portig 1952. 400 S.

REFERENCES:

1. Antonov, Ye. A. N. N. Strakhov as a Thinker of the Transitional Epoch and his Anthropocentric Philosophy. Belgorod: BelGU, 2007. 165 p.

2. Blyakher, L. Ya. Essay on the History of Animal Morphology. Moscow, 1962. 262 p.

3. Herzen, A. I. Letters on the Study of Nature. *Works in 30 v.* Vol. 3. Moscow: Ed. by USSR Academy of Sciences, 1954. 335 p.

4. Grot, N. Ya. In Memory of N. N. Strakhov: the Characterization of his Philosophical Worldview. Moscow, 1896. 40 p.

5. Motovnikova, E. N. and Olkhov, P. A. Controversy and Understanding: Philosophical Essays on N. N. Strakhov's Thinking and Personality. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnikh initsiativ, 2012. 200 p.

6. Raykov, V. E. German Evolutionary Biologists before Darwin. Leningrad: Nauka, 1969. 231 p.

7. Strakhov, N. N. World as a Whole. Features of the natural sciences. St. Petersburg: 1872. XXVI, 506 p.

8. Strakhov, N. N. On the Wrist Bones of Mammals. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvescheniya*. № 9 (1857). Part II. Pp. 274-332.

9. Strakhov, N. N. The Method of the Natural Sciences and Meaning of them in General Education. St. Petersburg, 1865. XII, 185 p.

10. Strakhov, N. N. Course and Character of Modern Natural Science. *The struggle with the West in our literature*. Vol. 3, St. Petersburg, 1896. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1892_hod_i_harakter.shtml (date of access: June 03, 2014).

11. Remane, A. Die Grundlagen des natürlichen Systems, der vergleichenden Anatomie und der Phylogenetik. *Theoretische Morphologie und Systematik I*. Leipzig : Geest & Portig 1952. 400 S.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шило Елена Ивановна
аспирант

Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина
ул. Вавилова, 1, п. Майский, Белгородский р-н, Белгородская обл., 308503, Россия
E-mail: shi-e@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Shilo Elena Ivanovna
Postgraduate Student

Belgorod State Agricultural University
named after V. Gorin
1, Vavilova St., Mayskiy, Belgorod Region,
308503, Russia
E-mail: shi-e@yandex.ru

УДК 167.3

Мальцева Н. Н.

**ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЕСТЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК****АННОТАЦИЯ**

Целью исследования, отраженного в статье, является обоснование обновленных методологических аспектов взаимодействия естественных и гуманитарных наук. Статья имеет философско-методологический характер и выполнена в форме анализа и обобщения различных аспектов изучения данного вопроса.

Результаты исследовательской работы заключаются в выявлении теоретико-методологических аспектов путей взаимодействия естественных и гуманитарных наук на основе анализа современных подходов к этому вопросу. Полученные результаты исследования могут быть применены для построения методологических подходов к дальнейшему сближению естествознания и гуманитаристики и построения единой методологической основы научного знания.

В качестве выводов представлены следующие методологические аспекты сближения естественных и гуманитарных наук: появление в естествознании подходов, которые в принципе не могут давать однозначных ответов в виду сложности системы или отсутствия экспериментальных данных, в связи с чем роль субъективного фактора при интерпретации косвенных наблюдательных данных или при анализе теоретических построений все больше и больше возрастает; изменение представлений об идеале научности в современную эпоху, его направленность не на поиск абстрактной истины, а на получение практического результата; развитие техники ведет к необходимости учёта аксиологической компоненты при проведении естественнонаучных экспериментов, поскольку они могут угрожать как жизни и здоровью отдельных людей, так и существованию земной цивилизации в целом; разработка различных системных теорий, призванных найти некие универсальные закономерности, проявляющиеся как в природных, так и общественных явлениях.

Ключевые слова: методология гуманитарных наук; системный подход; эволюция научного знания.

Natalia N. Maltseva

**PHILOSOPHICAL
AND METHODOLOGICAL ASPECTS
OF THE NATURAL SCIENCES AND
HUMANITIES INTERACTION****ABSTRACT**

The purpose of the paper is to substantiate the renewed methodological aspects of interaction of natural sciences and humanities. The article has a philosophical and methodological nature and presents the analysis and synthesis of various aspects of the problem.

In the course of the study, the author identifies some theoretical and methodological aspects of the ways of interaction of natural sciences and humanities in terms of the analysis of modern approaches to the issue. The results of the study can be used in building methodological approaches to further convergence of natural sciences and humanities, and constructing a unified methodological basis of scientific knowledge.

The following methodological aspects of convergence of natural sciences and humanities are presented as a conclusion of the study: occurrence in natural sciences approaches, that in principle cannot give definite answers because of complexity of the system, or lack of experimental data, which results in the fact that the role of the subjective factor in the interpretation of indirect observational data or in the analysis of theoretical constructs is more and more increasing; changing perceptions of the ideal in the modern scientific era, its focus not on the search for the abstract truth, but for obtaining practical results; the development of technology leads to the need of considering the axiological components during natural sciences experiments because they can threaten both life and health of individuals and the existence of civilization as a whole; the development of various system-related theories aimed at finding some universal laws, are manifested both in natural and social phenomena.

Key words: methodology of humanities; systematic approach; evolution of scientific knowledge.

В настоящее время проблема взаимодействия естественных и гуманитарных наук приобретает особую актуальность. Происходит усиление роли гуманитарной составляющей в развитии как отдельных государств, так и земной цивилизации в целом. «Проблема космической эволюции человека тесным образом сопряжена с вопросом о дальнейшем качественном развитии сущности человека как разумного, деятельного существа» [1]. Это, в первую очередь, связано с решением глобальных проблем человечества. Кроме того, необходимо выявить объективные закономерности, на основе которых возможно прогнозирование тех или иных политических, экономических и исторических процессов.

Еще в 1996 г. при Российском Государственном Университете в Москве состоялась научная конференция, посвященная междисциплинарным подходам к сближению естественного и гуманитарного знания. В докладе М.А. Розова отмечалось, что сопоставление различных научных дисциплин всегда является плодотворным, поскольку «это всегда обмен опытом и перенос его из одной сферы познания в другую, это одна из возможных точек роста научного знания. Именно поэтому методологическое сопоставление гуманитарных и естественных наук часто приносит замечательные эвристические плоды» [3, с. 144]. В докладе М.Д. Щелкунова подчеркивалось, что в настоящее время происходит становление нового типа научного освоения мира, в основе которого лежит целостное представление об окружающей действительности. В этом случае естественные и гуманитарные науки взаимодополняют друг друга.

На заседании «круглого стола» в 2007 г. ту же мысль высказал В.А. Лекторский: «...Науки имеют нечто общее, и сейчас, если анализировать итоги развития наук о человеке и обществе за последние 30 лет, то есть основания считать, что их развитие идет не по пути размежевания с естественными науками, а по пути сближения с ними» [7, с. 58]. В.С. Степин по этому поводу отметил, что «традиционно воспроизводимые различия между естествознанием и социально-гуманитарными науками сегодня нуждаются в корректи-

ровке, а подчас и в радикальном пересмотре» [7, с. 59].

Сегодня существует несколько вариантов путей сближения естественных и гуманитарных наук. Как высказался на XI международной конференции, посвященной перспективам развития социально-гуманитарного познания П.К. Гречко, «противопоставление «наук о природе» и «наук о духе», артикулированное баденской школой неокантианства, сохраняет всю свою значимость и по сей день. До сих пор не предложено удовлетворительного решения, или снятия, этой проблемы. Хотя принципиальные направления его поиска достаточно известны. Это либо редукция всего проблемного многообразия к одной из двух противопоставляемых сторон, либо их окончательное разведение, при котором необходимость в сравнении-противопоставлении просто-напросто отпадает, либо, наконец, творческий синтез противоположных стратегий исследования» [6, с. 74].

В этом же контексте рассуждал О.Г. Эксле, что диалог между естествознанием и так называемым гуманитарным знанием должен быть начат вновь, причем на совершенно новых основах. Если этот диалог, – утверждал он, – следует начать заново, тогда нужно соблюдать два условия. Первое: ведущиеся сейчас дебаты являются слишком репрезентативными, демонстративно-поверхностными. Их недостаток в том, что они не имеют ни исторической, ни диахронической резкости. И второе: историческому доказательству, получению диахронической глубины резкости следовало бы быть сфокусированным на основных вопросах: что такое научное познание? Может ли познание осмыслить эту действительность? И, наконец, каково различие между повседневным и научным знанием и какова его природа. А также – как наши представления о «повседневной жизни» и «познания в повседневной жизни» влияют на науку и на научное познание [14, с. 7].

Эксле выделил три подхода в решении этой проблемы:

1. Подчиниться притязаниям естествознания.
2. Признать дополненность гуманитарного естественному. «Историк имеет дело

с людьми, т. е. с подобными себе, поэтому, – и только поэтому, – процесс его исследования является «пониманием». Естественнонаучное и историко-научное исследование находятся вследствие этого друг к другу в отношении комплементарности, взаимодополнения» [14, с. 12-13].

3. Доказывать преимущества исторического познания перед естественнонаучным.

Наиболее перспективным, с точки зрения Эксле, является второй подход. «Человеку присуще стремление к познанию, абсолютному, «действительному», «истинному» познанию, к поиску истины. Решающим здесь является то, как он понимает этот поиск и как он понимает себя в этом поиске. Научная теория, в которой предметы соотносятся с познанием, т. е. как выводы гипотезы идущей вперед науки, может создать модель единства науки» [14, с. 24]. Е.А. Бельцева отмечает, что современная точка зрения на данную проблему заключается в том, что нет пропасти между естественным и гуманитарным знанием. «Происходящие в мире и науке процессы доказывают, что осуществляется гуманизация научной картины мира, ученые и исследователи уже говорят о гуманитарном аспекте естественных наук. Понимание как способ и метод познания все чаще используется естествознанием для толкования описаний каких-либо фактов» [4, с. 34].

Особую актуальность данный вопрос приобретает в связи с развитием технических наук, которые, с точки зрения Б.М. Кедрова, возникают на стыке общественных и естественных [9, с. 482]. Это можно объяснить тем, что именно изучение естественных законов и их преломление через гуманитарные ценности позволяет развивать технику. В то же время недоучет гуманитарного момента в развитии техники может привести к катастрофическим последствиям. Развитие техники в обязательном порядке должно идти синхронно с развитием нравственности человека, поскольку в противном случае мы можем сами себя уничтожить. И здесь особая роль принадлежит гуманитарным наукам, но, вместе с тем, гуманизировать необходимо и технику, и сами естественные науки. Речь идет о том, что при современном развитии

техники необходимо проводить оценку возможных последствий научных экспериментов даже в области естественных наук. «Будущий век должен стать веком гуманитарного мышления или его не будет совсем... Технике должна быть четко определена служебная роль» [11, с. 211].

И.С. Добронравова в своих исследованиях приводит доводы за единство современной науки, основанной на понятии времени: «Время становится исходной точкой новой парадигмы» [8, с. 344]. Как отмечает В.Е. Пеньков, «при таком рассмотрении важную роль играет понятие темпоральности, под которым понимается своего рода «протяженность» во времени» [13, с. 47]. Однако современная наука до сих пор не может дать обоснование физической природы времени, его рассматривают как некую философскую категорию, описываемую определенными свойствами, а постичь его природу по сей день не удается. Как же можно строить картину мира, положив в основу такое неясное понятие?

Существует довольно много исследований, в которых авторы абсолютизируют эволюционные представления и на их основе пытаются описать практически все явления в мире с единых методологических позиций.

Так, Э. Ласло строит единую трансдисциплинарную теорию, в основе которой лежит идея эволюции. В основе его рассуждений лежит следующее утверждение: «Наиболее плодотворный подход к трансдисциплинарной унификации наук может заключаться в принятии эволюции в качестве основного понятия» [10, с. 326]. Однако в работе не дается обоснования причины эволюции, этот факт принимается априори. Как же можно строить единую теорию на основе процесса, который не находит строгого теоретического объяснения? Еще одно высказывание Э. Ласло: «Если общие понятия и теории применимы к определенному кругу дисциплин, то специализированное исследование эволюции различных явлений отнюдь не обязательно должно быть препятствием на пути к созданию трансдисциплинарной единой теории». И далее: «Совершенно необязательно и даже неразумно, чтобы процессы физической, биологической

и даже социальной эволюции подчинялись принципиально различным законам» [10, с. 330]. Однако каких-либо установленных общих законов эволюции автор не приводит.

Довольно часто наблюдается следующий методологический прием. Если открывается какой-то новый подход к описанию конкретного явления, его тут же переносят на все мироздание в целом и строят теории, пытающиеся «объять необъятное». Как правило, подобные «глобальные» теории возникают на основе экстраполяции основных идей новой модели или нового математического аппарата на более широкий круг явлений без должного теоретического анализа и экспериментальной проверки, «что порождает различные интерпретации одних и тех же явлений» [12, с. 133]. Это приводит к тому, что одни и те же процессы описываются «с точки зрения различных, а порой и взаимно противоположных мировоззренческих установок» [там же]. Подобная тенденция может оказаться опасной и настолько «оторвать» науку от реальности, что она вообще не сможет описывать окружающую действительность. Так, тенденция к глобализации в естествознании привела к появлению множества различных гипотез, претендующих на описание «всего». При этом, как правило, авторы ограничиваются общими фразами и не заботятся о научности и строгости изложения. Все вышесказанное в еще большей степени обостряет проблему взаимодействия естественных и гуманитарных наук.

Наиболее продуктивным в контексте их взаимосвязи и взаимодополнительности может служить системный подход, возникновение и становление которого было предопределено и развитием естествознания, и развитием гуманитарных наук. В естественных науках это было связано в первую очередь с переходом физики к неклассическому этапу. В гуманитарной сфере – в связи с обострением социальных катаклизмов, развитием массовых движений, что заставило рассматривать исторические и социальные процессы в многоаспектном контексте. Стало понятным, что описание сложной системы невозможно на основе только изучения отдельных ее подсистем. Необходимо учитывать некоторые си-

стемные свойства сложных объектов для более глубокого их понимания. Причем это верно и для естественных, и для гуманитарных наук. Как отмечали И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин, «новые принципы подхода к действительности начинают применяться не только в отдельных специальных науках, но и для решения комплексных проблем, все более настойчиво выдвигаемых перед наукой и практикой в XX в. Попытки решения этих проблем приводят к созданию концепций большой обобщающей силы, причем в их методологическом фундаменте значительное место занимают системно-структурные идеи» [5, с. 25].

В конечном счете, для нас не играет роли, какого рода перед нами система – если есть некие общие положения, описывающие ее поведение, составные элементы не должны играть существенную роль. Однако такой подход оказался довольно сложным с методологической точки зрения. Так, И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин выделяют следующие основные принципы системного исследования:

- исходным пунктом всякого системного исследования является представление о целостности изучаемой системы;

- представление о целостности системы конкретизируется через понятие связи; совокупность связей и их типологическая характеристика приводят к понятиям структуры и организации; структура системы может характеризоваться как по «горизонтали», так и по «вертикали», «вертикальная» структура приводит к понятию уровней системы и иерархии этих уровней;

- специфическим способом регулирования многоуровневой иерархии является управление – разнообразные по формам и по «жесткости» способы связей уровней, обеспечивающие нормальное функционирование и развитие системы;

- наличие управления делает необходимой постановку при исследовании некоторых систем (тех, которые располагают собственным «органом» управления) проблемы цели и целесообразного характера их поведения; источник преобразования системы или ее функций лежит обычно в самой системе;

- поскольку это связано с целесообразным характером поведения системы, существен-

нейшая черта целого ряда системных объектов состоит в том, что они являются не просто системами, а самоорганизующимися системами (в итоге получается, что каждая система индивидуальна, и нет единой типологии);

- в связи с управлением и целесообразным характером поведения систем во многих случаях возникает проблема соотношения *функционирования* и *развития* системы, поиска соответствующих «механизмов» и построения единой картины объекта, в которой были бы учтены как синхронный, так и диасхронный его «срезы» [5, с. 61-63].

В этой же работе авторы выделяют три группы проблем, которые связаны с философско-мировоззренческой ориентацией научных исследований в ряде областей современного познания, методологией и логикой исследования определенного класса объектов, применением философско-мировоззренческих и логико-методологических принципов к изучению конкретных объектов действительности, доведенным до уровня методики и техники исследования. Соответственно, выделяется три уровня методологического анализа: общеполитический, общенаучный и частнонаучный. Если на последнем уровне мы можем говорить об изучении конкретных систем, то на втором и первом необходимы какие-то общие правила и закономерности.

Поэтому главная методологическая проблема системного подхода состоит в том, что каждая конкретная система подчиняется своим законам, и выработать какие-то общие закономерности не представляется возможным. Тем не менее, такие варианты рассматривались, что в конечном итоге породило попытки создания общей теории систем, которую Р. Акоф сравнивал с теорией веро-

ястностей: «Общая теория систем как будто выступает в роли некоторой метатеории, разъясняющей сущность теорий, развитых в отдельных дисциплинах. Ее справедливость определялась бы в таком случае возможностью вывести из нее теории отдельных дисциплин, а следовательно, в свою очередь, доказать справедливость теорий самих этих дисциплин. Таким образом, она дважды отделена от экспериментальных и прикладных аспектов науки» [2, с. 77-78]. Следует отметить, что даже сторонники общей теории систем говорили о ней как о методологии, а не о теории в строгом научном смысле слова.

Таким образом, можно выделить следующие методологические аспекты сближения естественных и гуманитарных наук:

- появление в естествознании подходов, которые в принципе не могут давать однозначных ответов ввиду сложности системы или отсутствия экспериментальных данных; в связи с этим роль субъективного при интерпретации косвенных наблюдательных данных или же при анализе теоретических построений все больше и больше возрастает;

- изменение представлений об идеале науки в современную эпоху, его направленность не на поиск абстрактной истины, а на получение практического результата;

- развитие техники ведет к необходимости учета аксиологической компоненты при проведении естественнонаучных экспериментов, поскольку они могут угрожать как жизни и здоровью отдельных людей, так и существованию земной цивилизации в целом;

- разработка различных системных теорий, призванных найти некие универсальные закономерности, проявляющиеся как в природных, так и общественных явлениях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аблеев С.Р. Фундаментальные философские основания концепции космической эволюции человека: сущность, зарождение и историческое развитие. Дисс. докт. филос. наук в форме научного доклада. Тула, 2000. URL: <http://www.agni3.narod.ru/Vvedenie.htm> (дата обращения: 11.06.2014).
2. Акоф Р. Общая теория систем и исследование систем как противоположные концепции науки о системах // *Общая теория систем*. М, 1966. С. 60-80.
3. Бак Д.П., Кузнецова Н.И., Филатов В.П. Границы интерпретации в гуманитарном и естественнонаучном знании // *Вопросы философии*. 1998. № 5. С. 144-150.
4. Бельцева Е.А. Гуманитарное знание и проблема понимания: Монография. Киров: ВСЭИ, 2005. 108 с.
5. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.
6. Гречко П.К. Социально-гуманитарное познание: онтологическая перспектива // XI международная конференция «Логика, методология, философия науки». Секция 10. Основания гуманитарных наук. Москва-Обнинск, 1995. С. 74-78.
7. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 2007. № 6. С. 57-82.
8. Добронравова И.С. На каких основаниях осуществимо единство современной науки? // *Синергетическая парадигма*. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 6-10.
9. Кедров Б.М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М.: Мысль, 1985. 543 с.
10. Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории // *Синергетическая парадигма*. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 326-333.
11. Лихачев Д.С., Самвелян Н. Возвращение к человеку // *Иностранная литература*. 1988. № 1. С. 211-218.
12. Пеньков В.Е. Методологические особенности изучения эволюционных процессов // *Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право*. 2008. № 8(48). Вып. 4. С. 133-143.
13. Пеньков В.Е. Темпоральность эволюционных процессов и методологические особенности их изучения // *Материалы международной научной конференции «Приоритетные направления развития науки, технологий и техники» Италия (Рим), 10-17 апреля 2013 г. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2013. № 6. С. 47.
14. Эксле О.Г. Натурализм, историзм и сегодняшнее состояние вопроса о единстве наук // *Теоретические проблемы исторических исследований. Информационно-аналитический бюллетень центра теоретических проблем исторической науки*. Вып. 4. М., 2002. С. 6-28.

REFERENCES:

1. Ableev, S. R. *Fundamental Philosophical Foundation of Human Cosmic Evolution: Essence, Origin and Historical Development*. PhD diss., presented as a Scientific Report. Tula, 2000. URL: <http://www.agni3.narod.ru/Vvedenie.htm> (date of access: June 11, 2014).
2. Ackoff, R. L. *General Theory of Systems and Systems Research as Contrary Scientific Concepts of Systems*. *General Theory of Systems*. Moscow, 1966. Pp. 60-80.
3. Bak, D. P., Kuznetsova, N. I. and Filatov, V. P. Interpretation Scope in Humanitarian and Natural Science Knowledge. *Russian studies in philosophy*. № 5 (1998). Pp. 144-150.
4. Beltseva, E. A. *Humanitarian Knowledge and the Problem of Comprehension*. Kirov: VSEI, 2005. 108 p.
5. Blauberger, I. V. and Yudin, E. G. *Formation and Essence of the System Approach*. Moscow: Nauka, 1973. 270 p.
6. Grechko, P. K. *Social and Humanitarian Knowledge: Ontological Perspective*. *XI International Conference "Logic, Methodology, Philosophy of Science"*. Subpanel 10. Humanitarian

Science Foundation. Moscow-Obninsk, 1995. Pp. 74-78.

7. Humanities as a Subject of Philosophic and Methodological Analysis (Papers of the Round Table). *Russian studies in philosophy*. № 6 (2007). Pp. 57-82.

8. Dobronravova, I. S. On Which Foundations is the Unity of Contemporary Science Realizable? *Synergetic Paradigm. Diversity of Research and Approaches*. Moscow: Progress – Traditsiya, 2000. Pp. 6-10.

9. Kedrov, B. M. Classification of Sciences. K. Marx's Prediction on the Science in the Future. Moscow: Mysl, 1985. 543 p.

10. Laszlo, E. Conceptual Foundations of Transdisciplinary Unified Theory. *Synergetic Paradigm. Diversity of Research and Approaches*. Moscow: Progress – Traditsiya, 2000. Pp. 326-333.

11. Likhachev, D. S. and Samvelyan, N. Return to Human. *Inostrannaya literatura*. № 1 (1988). Pp. 211-218.

12. Penkov, V. E. Methodological Peculiarities of Studying the Evolutionary Processes. *Bel-SU Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*. № 8(48), Issue 4 (2008). Pp. 133-143.

13. Penkov, V. E. The Temporality of Evolutionary Processes and Methodological Features of Their Study. Proceedings of International Scientific Conference "Priorities in Development of Science, Technologies, and Engineering". Italy (Rome), April 10-17, 2013. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. № 6 (2013). P. 47.

14. Oexle, O. G. Naturalism, Historicism and Modern Science Unanimity Issues. *Theoretical Problems of Historical Studies. Research and Information Bulletin of the Centre for Theoretical Problems of History*. Iss. 4. Moscow, 2002. Pp. 6-28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мальцева Наталья Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Белгородский государственный

национальный исследовательский

университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: maltseva@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Maltseva Natalia Nikolaevna

PhD in Philosophy, Associate Professor

Belgorod National Research University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: maltseva@bsu.edu.ru

УДК 167.7

*Viktor E. Penkov,
Andrey V. Subbotin*

THE METHODOLOGICAL PROBLEMS OF “HUMAN-SIZEDNESS” OF MODERN COSMOLOGICAL THEORIES

ABSTRACT

The article is picking up new methodological approaches to the study of the Cosmos and the understanding of the place of a human being in the Universe. The article has a methodological character and is presented in the form of the analysis and synthesis of various aspects of the study of this problem.

The article considers theoretical and methodological aspects of cosmology, the analysis of modern scientific theories, the scope of their applicability. The obtained outputs can be used in cosmological modeling and in the studies of anthropological and existential aspects of cosmology.

The authors conclude that there is only nondirective proof of the study of calculated predictions when investigating the early stages of the evolution of the Universe. Theorists simulate the processes of evolution of the Universe and compare the simulation results with the available empirical data. There is a possibility to change initial conditions within certain limitations to obtain the outer facts. The extrapolation of Friedmann model at earlier stages of the evolution of the Universe is permissible only up to certain limits, whereupon «normal» laws fail and abstract formulas remain, which critically do not accept experimental verification. Neither of modern relativistic cosmological theories erase a problem of the anthropic principle, i. e. they do not respond to a question of the place of a human being in the Universe.

Key words: anthropic principle; cosmology; the Universe; methodology.

*Пеньков В. Е.,
Субботин А. В.*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТИ» СОВРЕМЕННЫХ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

In the middle of the twentieth century, there has been formulated the so-called anthropic principle, the main point of which is to reply the questions: why could there appear Reason in the Universe cognizing it? Why do the physical conditions of the Universe tend to the formation of complex structures up to the rational beings?

With the latter, we pose a question, what is the place of a person in this world. Whether he is the output of the “incredible coincidence”, or there exist some mechanisms in the Universe that make this process naturally determined. The worldview of a man depends on the solution of the problem, his attitude to the world and himself.

For this reason, methodologically the question of cosmological theorization is very important, which would take into account the “human-sizedness” component.

Currently the problem is not examined, as modern scientific theories do not account for it.

Let us discuss it in more details.

The ground of modern relativistic cosmology is the general theory of relativity. The theory describes the space entirely; therefore it is possible to build a model of metagalaxy hinged on it. Metagalaxy will be understood as a part of the existence that is available to empirical observation and theoretical analysis. The model developed by the author of GRT is the simplest in which the Universe is stationary, and has a finite volume, but holds no boundaries. The simplest geometric surface of this type is a spherical Riemann space, all points of which are equally valid, and that possesses a finite volume. It is important to emphasize that according to GRT the geometrical properties of space are not independent: they are

determined by the distribution of matter. The existing heterogeneity in the distribution of matter tends to quasisphericity, but in general this universe should be limited and have a finite volume.

Its radius can be found by the formula:

$$R = \sqrt{\frac{2}{\gamma\rho}}, \text{ where } \gamma \text{ is a constant, and } \rho \text{ is the}$$

average density of matter in the Universe. This formula is for the so-called cylindrical world in which space has constant curvature and does not depend on time.

Einstein had serious methodological difficulties when building the metagalaxy model. The calculations have shown that the world built in this way can not be sustained. The least radius deviation from the calculated values will tend to the escape of the steady state, the density of matter will change and metagalaxy will go out of balance. Einstein believed that the world was steady and not changing. It was possible to agree with the author of GTR only by introducing the additional equation term, which would be responsible for gravitational repulsion. It was a limitation of the theory. The author believed that such forces would be found by the analogy with the electromagnetic interaction, becoming apparent both in the form of gravitation and repulsion. This belief was hinged on the fact that the assumption of constant radius of metagalaxy seemed inevitable to Einstein.

Thus, the Einstein model of the world was a self-contained cylindrical space, which can be described in a Gaussian coordinate system that corresponds to the boundaries of applicability of the general theory of relativity, on the basis of which this construction was built. The model does not allow strong discontinuity (discontinuity in the space-time continuum, singularities) and cannot adequately describe the various quantum effects, space-time "kinks" and "holes". Also it is necessary to note that the cosmological evolution has no meaning in the framework of this model, because in general metagalaxy is considered to be stationary.

In addition, Einstein's theory does not describe the whole Being, but only its limited scope, which can be described by mathematical equations. From the cosmological point of view, we describe very large, but a certain fragment of reality, not

the entire Universe. This means that the model hinged on Einstein's theory may not qualify for a description of something beyond, and this model cannot describe the effect of Being on metagalaxy. Thus, the ontological scope of applicability of GTR is identified, and any theory which is built on it can describe only metagalaxy and cannot go beyond it, both in space and in time.

In addition to the Einstein cosmological model, there was created De-Sitter model in 1917, which corresponded to the spherical world. This model was also hinged on the general theory of relativity, but it had fundamental differences. De-Sitter considered vacuum metagalaxy with the complete absence of matter, but the curvature of space-time existed. The presence of matter made further corrections. Einstein's space was flat, and the presence of mass and the gravitational field tended to its curvature, and the space of De-Sitter had the curvature and was expanding.

This model was theoretical in nature and it was not considered as reflecting the objective reality, since it is clear that the matter exists in metagalaxy. However, the Sitter model had a crucial methodological importance: the evolution of metagalaxy in cosmology was mentioned for the first time. Thus, 1917 should be considered the year of the evolving Universe origin. There were many questions and the main was: how it all began?

The possible answers were mathematically received by A.A. Friedmann in the article "On the curvature of space" in 1922. The author was aimed to obtain the general solution of the cosmological equation, from which the Einstein and De-Sitter models would follow as special cases.

Some coefficient M is introduced in the Friedmann equation for the space-time interval, the square of which is the coefficient before the time coordinate x_4 . It is a function of four world coordinates. If to assume $M = \cos x_4$, that the De-Sitter Universe is obtained from the Friedman's equation, if we put $M = 1$ – Einstein model. Friedmann makes the following conclusion after mathematical calculations: "Thus, stationary world can be cylindrical world of Einstein or spherical world of De-Sitter" [5]. That is Friedmann's equation are fully consistent with the principle of compliance and, in addition, that is a sequitur the possibility of the existence of non-stationary world. Through

the analysis of various cases of solutions of the equation, Friedmann comes to the conclusion concerning the possible existence of three different worlds: a monotonous world of the first kind, monotonous world of the second kind and periodic world.

The monotonous world of the first kind corresponds to the radius of metagalaxy in which restrictions are not imposed on it and we can calculate the point in time at which the radius of metagalaxy is equal to zero. Then its age will be equal to the period of time during of which this radius is changed from 0 to R_0 , to the present status. The monotonous world of the second kind differs from the first by the fact that the initial radius value is not zero, and corresponds to a certain value x_0 , which depends on the mass of metagalaxy and its density. Periodic world is limited by radius, depending on the parameters of metagalaxy as well. The question which solution corresponds to the real world remained open, because the empirical data was not sufficient in Friedmann's times for theoretical calculations and answering the question – what was our world like. Thus, the Friedmann's equation gave three options, one of which excluded singular state.

The first reaction of Einstein was a sharp criticism of this work; he kept the idea of the stationary model of the Universe. However, in six months, he changed his mind when he spoke with Friedmann's colleague Krutkov, and published an article in which he accepted his mistake. Thus Einstein turned from the enemy of Friedmann model to its supporter. His support had a great influence on the fate of the model of evolving metagalaxy, and it was recognized by the scientific community and got the name “dynamic evolving model”, marking the beginning of the evolutionary cosmology.

However, the modified variants of the theory began to emerge, and these theories attempted to get rid of evolution, because it suggested the idea about the origin and evoked the idea of the creation of the world, which was unacceptable for science. So, in 1925 J. Lemaitre proposed a theory, in accord with the evolution of the Universe began with the extension of some compact bunch of matter, which corresponded to a monotonous world of the second kind. Then it reposed for a long period of time, which could be regarded as a

relatively stable state, which corresponds to Einstein model. However, this approach did not solve the main problem, besides the experimental confirmation of the extension made it unsustainable.

More radical model was developed by F. Hoyle: he made an attempt to combine the expansion of the Universe and its stationarity. The Hoyle model proclaimed full equality of all points of space (this is the idea of Einstein) and all points of time: the universe is expanding, but it has no beginning, because it is always like per se [2]. The last statement was named a perfect (or ideal) cosmological principle.

The idea is that the birth of new objects between the existing objects occurs in the process of expanding of metagalaxy in the way metagalaxy remains constant in time. The author of the idea suggested to check this principle monitoring long (so very old) galaxies: if it is true, they should be the same as now; if it had a beginning, then they should be more compact. Monitoring of the nearest space does not allow detecting such a birth, because only one particle appears in one cubic meter of space for 300 thousand years according to the calculations, and it is impossible to detect small space distances. At present the observations of long galaxies confirmed that the hypothesis of Hoyle was wrong. However, it was seen as an alternative of Friedmann model nearly half a century.

It is interesting to note the fact that for the first time the term “Big Bang” was introduced to science by Hoyle. Criticizing the dynamic evolving model at the lectures in 1949 he noted that the idea of an explosion seems to him “totally unsatisfactory”. It was said before the observations of distant galaxies and subsequently this term was reserved to the model of Friedmann. Currently, the “Big Bang” is interpreted as the expansion of space itself, like an inflationary bubble. It should be noted that no objects in space are away from each other, and points of space itself are removed from each other by increasing the amount of space. Therefore, we need to consider this term as a metaphor and not in the direct sense of the word. Representatives of creationism very often forget about it when criticizing Friedmann model.

The hypothesis of the “hot Universe” of G.A. Gamov was a significant addition to the theory of the expanding of metagalaxy, the foun-

dations of which were laid in 1946. A significant addition is the fact that metagalaxy was extremely hot and dense at the early stages of evolution. You must also use the laws of thermodynamics, nuclear physics and elementary particle physics to describe such a state of matter in addition to the laws of gravity. We can say that the hypothesis of Gamov created a new branch of science, which was subsequently named astroparticle physics.

This model has allowed describing the stages of the evolution of matter in metagalaxy in more details. Now scientists spoke not just about the expansion, but about a qualitative transformation of matter and radiation. About a quarter of protons due to the high temperature fusion reactions turned into helium nuclei (alpha particles). The temperature dropped as a result of the cosmological expansion. When it reached to 4000 K, protons, alpha particles and electrons recombine atoms of hydrogen and helium was formed in the result. Further the synthesis of substances stopped, it broke up into separate fragments, which began to form galaxies, stars, and planets under the influence of gravity.

Thus, it should be noted that there were several different approaches to the evolution of the Universe in the process of formation of relativistic cosmology. Some of them supplemented and specified Friedmann model, others tried to find an alternative explanation.

Currently, the Big Bang model is being accepted, the age of our metagalaxy is estimated equal to 13,7 billion years with an accuracy of less than 10 %. The theory does not answer the questions: why the Big Bang happened and where the initial lump of matter appeared. But further the evolution of metagalaxy traced good enough for a whole and for its individual parts.

Now let us dwell on the experimental evidence for the Big Bang theory. As it was noted by I.D. Novikov, the processes occurring in the first seconds since the beginning of the enlargement had important implications for today's Universe. We can restore the character of the processes using the traces they left behind [9]. These "traces" and their consequences enable to verify the cosmological processes in the early stages of the evolution of the Universe, although there is a limit beyond which this is impossible. Therefore, the following indirect confirmation must be seen as a

supporting one of the possible variants of the evolution of the Universe, which are not contrary to observations, but which do not exclude the possibility of alternative explanations.

The first important argument in its favor is the cosmological red shift of lines in the spectra of stars and galaxies that E. Hubble opened in 1929. According to the Doppler effect, the removal rate of stars and galaxies from us is determined by him. We observe the proportional dependence of the offset of lines from the distance. That is, the further away a galaxy is from us, the faster it removes from us. However, there are a number of methodological problems associated with the interpretation of this fact.

If we take the experiment data obtained by E. Hubble in 1929, we will have the proportional dependence of the frequency shift from the optical path length of the beam of light, and nothing more. We can conclude about the extension of metagalaxy according to this data, but it should be noted that this is not the only possible explanation. We can produce a number of arguments that explain the observed effect with the help of other reasons.

If we assume that all space is filled with some substance, for example, physical vacuum, the photons lose energy when driving in this substance, and, consequently, reduce its frequency, which tends to red shift. It is clear that the more far distance photon comes, the more resistance it feels and the more energy it loses. Another possible explanation is the hypothesis of aging photons. The reducing energy is not linked to the distance in this interpretation, but to the time: the longer the photon is, the more energy it loses. Again, have a proportional dependence of the frequency shift from the optical path length of the beam of light, because the motion of the photon from distant objects is proportional to their distance. Since these effects are only on long distances, order mega parsec, we can't check them in the laboratory.

But the generally accepted explanation using the Doppler effect is faced with certain difficulties. This effect depends on the speed of removal of the emitted light of the object and neither from the distance and nor from the time. If two objects are removed from each other in space, the frequency of received light will decrease compared to the emitted.

In the model of the expanding metagalaxy, the objects are removed from each other not due to the motion in space, but due to the expansion of space itself. In this case the energy will also be reduced, but the physics of the process will be different from the Doppler effect. Moreover, if the expansion takes place, each object in space (including standards) should also be extended by the same law. Therefore, we can see the expansion of space only from the outside. Just as slowing down the time in the moving reference system relative to the fixed, according to the special theory of relativity. If the observer is in the moving frame of reference, he will not notice the time dilation.

One more interpretation is possible. The gist of it is that empty space increases its size, and the objects remain unchanged in space. In this case, we need to acknowledge that the objects are not related to space and exist by themselves, which is in contrast to the theory of relativity.

Thus, the red shift in the spectra of distant galaxies can be explained not only by the Doppler effect, but also by other alternative hypotheses, which just both accept and reject the extension. For this reason, unambiguous correspondence cannot be between red shift in the spectra of distant galaxies and the expansion of metagalaxy.

The second argument is the existence of relict radiation that fills the space completely, which is a result of the evolution of electromagnetic radiation generated in the first instants after the Big Bang. And this radiation could appear only in the bitterness metagalaxy that corresponds to the model of G. Gamov. Until the middle of the 1960-s it was not clear whether the universe was hot or cold in the early stages of its evolution. The decisive moment that marked the beginning of the second stage in the development of modern cosmology, was the opening of microwave background radiation with temperature $T_{\nu} \sim 2.7$ K. Penzias and Wilson in 1964-1965, coming to us from the most distant regions of the Universe. The existence of such radiation was predicted by the hot Universe theory, which became widely accepted immediately after the discovery of relict radiation [6, p. 19].

The most important fact is that the Planck character of the spectrum of the relict radiation is an evidence of the existence of the state of the local thermodynamic equilibrium between quanta

and space plasma in the past. This condition allows us to build a detailed thermal history of early metagalaxy with the indication of the characteristic stages, when there was a change of qualitative structure of matter due to mutual transformations of elementary particles of a different kind [1]. We cannot speak about direct experimental observation, but the different theoretical explanation Planck character of the spectrum of the relict radiation is hard to find. This suggests that metagalaxy was in a state of thermodynamic equilibrium at the early stages of evolution. This balance was broken under the influence of gravity, which enabled the evolution of space objects.

In fact it was recorded by D. Mather and D. Smoot. In 2006 they were awarded the Nobel Prize in Physics for the opening of the anisotropy caused by the presence of "germ" of galaxies and their clusters. This discovery allows us to answer one of the most important issues of modern astrophysics: how and why different patterns occurred in the distribution of matter in the expanding Universe [4]. That is the relict radiation anisotropy acts as a picture of the past of the Universe. However, it should be noted that the existence of the relict radiation does not directly prove the expansion of metagalaxy. It proves only that at the early stages the temperature and density were high. Cooling and reduction of density is easily explained by the extension, but we can explain these facts differently. Once again, unambiguous correspondence of relict radiation and expansion of metagalaxy is not observed.

It can be stated that in the description of the evolution of the universe we have a number of observational data from the distant past, which confirm theoretical calculations indirectly. However, the process of metagalaxy evolution is impossible to reproduce fully, so we need to talk not about testing, but the fact that the obtained experimental data do not contradict with the theory and this theory can be considered as one of the possible scenarios of the world development.

There are a number of difficulties when we try to extrapolate the events in the more distant past, which is not available to the modern observations. The evolution of matter in the space of time from 13,5 billion years ago to the present time (which corresponds to the most distant objects observed through a telescope) does not cause any funda-

mental objections. There is no reason to modern laws of physics at that time not to be carried out, but issues about the initial stages of metagalaxy evolution and especially about the cause of the expansion are very critical.

Although modern accelerators conditions recreate conditions of the initial stage of expansion, we do not find it possible to speak of a direct experimental observation of the “beginning of the beginning”. The laws of nature are unknown to us at ultra-low volume and very large densities. Gaussian coordinates and General theory of relativity are not applicable, as Friedmann model. We can't recreate such conditions in the laboratory and the application of the models for a “normal” state of matter gives absurd results. In addition, we cannot answer the question of what it was before the expansion, within the framework of these theories, because extrapolation theory in the negative time region is not physically meaningful. Linde notes that in the work of Landau and Lifshitz it is written about the impossibility to continue the Einstein equation in the negative – time region, so it is meaningless to ask what it was before [7]. But it only shows that this theory is not applicable to describe the state of the objective reality before the extension.

Moreover, over the last 10-15 years in observational cosmology scientists have discovered a number of facts that do not fit in Friedmann model without additional assumptions. The most striking example is found by S. Perlmutter, A. Riess, and B. Schmidt the accelerated expansion of the Universe, which in 2011 was awarded the Nobel Prize in physics. Now we realize that the universe up to 95 % consists of the objects we know nothing about: this is the so-called dark matter and dark

energy. And only 5 % we can see [10]. It is evident that to expect the GTR to be able to describe these objects is not necessary.

Thus, we can distinguish the following methodological aspects in the study of the evolution of matter at the level of metagalaxy:

1. There is only nondirective proof of the study of calculated predictions when investigating the early stages of the evolution of the Universe. Theorists simulate the processes of the evolution of the Universe and compare the simulation results with the available empirical data. There is a possibility to change initial conditions within certain limitations to obtain the outer facts.

2. The extrapolation of Friedman model at earlier stages of the evolution of the Universe is permissible only up to certain limits, whereupon “normal” laws fail and abstract formulas remain, which critically do not accept experimental verification.

3. There is a number of experimental data that cannot be substantiated by the theory of relativity and require additional analytical study.

4. Neither of modern relativistic cosmological theories erases a problem of the anthropic principle, i.e. they do not respond to a question of the place of a human being in the Universe. For this reason, it is necessary to consider methodological approaches to the “human-like” cosmological theorization, which would include a consideration of these methodological problems. This is highly relevant, since understanding of the laws of the Cosmos will allow each person on the earth go to the next level of the development and organization of social life, which will solve current global problems and shift the society into the noosphere – the harmonious interaction of society, technology and nature.

REFERENCES:

1. The CMB Anisotropy as an Indicator of the Early Universe. http://www.ligis.ru/articles/02/02_1/index.html (date of access: June 10, 2014).

2. Friedmann, A. A. The Curvature of Space. http://ufn.ru/ufn67/ufn67_10/Russian/r6710c.pdf (date of access: June 11, 2014).

3. Kolb, E. W. and Turner, M. S. The Early Universe. Addison-Wesley, New York, 1990.

4. Konon, A. Nobel Award for the Map of the Universe. <http://banzay-kz.livejournal.com/3519.html> (date of access: June 10, 2014).

5. Levin, A. Forgotten Rival of the Big Bang: Peaceful Alternative. http://fpfe.mipt.ru/files/Choil_theory.html (date of access: June 13, 2014).

6. Linde, A. D. Elementary Particle Physics and Inflationary Cosmology. Moscow: Nauka, 1990. 280 p.

7. Linde, A. D. The Many Faces of the Universe. M., FIAN. <http://elementy.ru/lib/430484> (date of access: June 13, 2014).

8. Linde, A. D. The New Inflationary Universe Scenario. The Very Early Universe, ed. G.W. Gibbons, S.W. Hawking and S. Siklos, 1983. Pp. 205-249.

9. Novikov, I. D. Black Holes and the Universe. http://personnel.uapa.ru/courses/029_KSE_DO/blackn.htm (date of access: June 07, 2014).

10. Stepanenko, A. Nobel Week: the Recipients of the Prize were Announced. <http://www.utrospb.ru/articles/30028/> (date of access: June 07, 2014).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анизотропия реликтового излучения как индикатор ранней Вселенной. URL: http://www.ligis.ru/articles/02/02_1/index.html (дата обращения: 10.06.2014).

2. Фридман А.А. Окривизне пространства. URL: http://ufn.ru/ufn67/ufn67_10/Russian/r6710c.pdf (дата обращения: 11.06.2014).

3. Kolb E.W., Turner M.S. The Early Universe. Addison-Wesley, New York. 1990.

4. Конон А. Нобелевская премия за портрет Вселенной. URL: <http://banzay-kz.livejournal.com/3519.html> (дата обращения: 10.06.2014).

5. Левин А. Забытый соперник Большого взрыва: мирная альтернатива. URL: http://fpfe.mipt.ru/files/Choil_theory.html (дата обращения: 13.06.2014).

6. Линде А.Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М.: Наука, 1990. 280 с.

7. Линде А.Д. Многоликая Вселенная. Публичная лекция 10 июля 2007. М., ФИАН. URL: <http://elementy.ru/lib/430484> (дата обращения: 10.06.2014).

8. Linde A.D. The New Inflationary Universe Scenario // The Very Early Universe, ed. G.W. Gibbons, S.W. Hawking and S. Siklos, 1983. Pp. 205-249.

9. Новиков И.Д. Черные дыры и Вселенная. URL: http://personnel.uapa.ru/courses/029_KSE_DO/blackn.htm (дата обращения: 07.06.2014).

10. Степаненко А. Нобелевская неделя: стали известны лауреаты премии. URL: <http://www.utrospb.ru/articles/30028/> (дата обращения: 07.06.2014).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пеньков Виктор Евгеньевич

кандидат педагогических наук, доцент

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: penkov@bsu.edu.ru

Субботин Андрей Валерьевич

аспирант

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: subbotin_a@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Penkov Viktor Evgenievich

PhD in Education, Associate Professor

Belgorod National Research University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: penkov@bsu.edu.ru

Subbotin Andrey Valerievich

Postgraduate Student

Belgorod National Research University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: subbotin_a@bsu.edu.ru

АРХИВ

ИОАНН МАЛАЛА
«ХРОНОГРАФИЯ» Книга XIII¹
Перевод Н. Н. Болгова

JOANNIS MALALAE
CHRONOGRAPHIA. Book XIII
Translated by Nikolay N. Bolgov

Правление Иовиана

26. После правления Юлиана Отступника воцарился Иовиан, сын Варрониана; он был провозглашен в армии, находившейся на персидской территории, во время консульства Салюстия. Он был набожным христианином и правил в течение семи месяцев².

27. Как только он начал царствовать, он обратился к целой армии и сенаторам вместе с ними, провозглашая в лицо: «Если вы хотите, чтобы я царствовал над вами, вы все должны быть христианами». Вся армия и сенаторы [Р. 335] приветствовали его. Когда Иовиан вышел со своей армией из пустыни в персидские плодородные земли, он весьма опасался за то, как безопасно выйти с персидской территории.

Теперь персидский царь Сапор еще не узнал о смерти императора Юлиана и пребывал в ужасе. Моля и выпрашивая мир, он послал одного из вельмож Персармении, по имени Сурена, послом к римскому императору. Сам божественный император Иовиан сердечно приветствовал его и согласился на прием мирного посольства, заявив, что он тоже бы послал посла к персидскому царю. Услышав это, персидский посол Сурена попросил император Иовиана договориться о мире и договоре там и тогда. Выбрав одного из своих сенаторов, патрикия Аринфея, он поручил все дело ему. Он пообещал соблюдать условия, утвержденные или согласованные с ним, но император был слишком горд, чтобы заключать мирный договор с персидским вельможей, или послом; в ходе мирных переговоров было заключено трехдневное перемирие в войне. Было решено [Р. 336] между римским патрикием Аринфеем и Суреной, сенатором и послом персов, что римляне должны уступить

персам всю провинцию Мигдонию, и его столицу Нисибис, только один лишь город с его стенами, но без людей, которые жили там.

Когда это было подтверждено и мирный договор заключен в письменной форме, император Иовиан взял с собой одного из персидских сатрапов по имени Юний, который был с послом, чтобы проводить его и его экспедицию благополучно с персидской территории, чтобы принять [уступленные] провинции и ее столицу. Достигнув города Нисибис, император Иовиан не вошел в него, но стал лагерем вне его стен. Но Юний, персидский сатрап, вошел в город по приказу императора и установил персидские знамена на одной из башен, так как римский император приказал, чтобы все граждане до последнего человека ушли со всем своим имуществом. Сильван, комит и магистрат города, вышел и бросился на колени перед императором, умоляя его не сдавать город персам, но не смог убедить его. Он сказал, что принял присягу и добавил, что он не хочет иметь репутацию в глазах всего света как клятвопреступник. Затем [император] построил город-крепость за стеной города Амида, он назвал его городом Нисибис и приказал всем людям с [Р. 337] территории [провинции] Мигдонии жить там, в том числе и магистрату Сильвану.

Затем, следуя в Месопотамию, он сразу же восстановил христианство полностью, дал христианам управление делами и назначил христиан губернаторами и экзархами на всем Востоке. Император Иовиан, оставаясь на Востоке после заключения мирного договора с персами в течение короткого времени, далее с нетерпением отправился в Константинополь со своей армией, потому что зима была тяжелой. Как только он двинулся в обратный путь, он пришел в землю галатов и [здесь] умер от естественных причин в селекции Дадастана в возрасте 60 лет.

¹ Окончание. Начало см. в номере 1.

² 363 г.

Правление Валентиниана

28. После правления Иовиана Валентиниан Безжалостный воцарился в городе Никея и царствовал в течение 16 лет. Он был христианином. Он был назначен Сенатом и коронован императором Салюстием, префектом претория, который избрал его и заставил его стать императором. [Будущий] император Валентиниан был направлен в Селимбрию как военный трибун императором Юлианом Отступником, потому что он был набожным христианином, Юлиан видел в видении, что [Валентиниан] будет править после него. Префект [Р. 338] Салюстий привез его из Селимбрии, рассказывая армии, что никто не стал бы лучшим императором ромеев, чем Валентиниан. Как только он начал царствовать, он уволил префекта Салюстия и, взяв его в заложники, опубликовал указ против него, так что любой, кто был обижен [Салюстием], неизбежно должен был обратиться к императору. Но никто не выступил против Салюстия, потому что он был человеком предельной честности.

29. Император Валентиниан финансировал много строительной деятельности в Антиохии Великой. Он также начал кампанию против персов, отправив своего брата Валента, которого он сделал цезарем 1 апреля. Валент активно не сражался, но выступил в поход и заключил мирный договор, ибо имел все полномочия, как представитель своего брата. Персы пришли и запросили мира. Таким образом, приехав в Антиохию в Сирии с большей частью вооруженных сил 10 ноября, 14-го индикта¹, Валент задержался там, чтобы заключить мирный договор с персами. Он вел переговоры о договоре в течение семи лет, вел тяжбу за мир с персами и уступил половину Нисибиса.

30. Очарованный местоположением, воздухом и водой Антиохии, он построил следующие здания в городе. Первым был форум, где он предпринял большое строительство. Он разрушил базилику, ранее известную как Кесарий, вплоть до здания Плетрия. Кесарий находился около Орология и бань Коммодия, которые ныне обращены в преторий

консульского губернатора [Р. 339] Сирии. Валент реконструировал конху Кесария, возвел своды, чтобы покрыть от зимних ливней так называемый Пармений, который стекает с горы через центр города Антиохии. Он поднял напротив базилики Коммодия еще одну и украсил четыре базилики большими колоннами из мрамора Салоны. Кессонные потолки были украшены картинами, различными мраморами и мозаикой. Он завершил свой форум, выкладывая мрамором весь внутренний двор под сводами над потоком. Он украсил четыре базилики различными украшениями и установил статуи. В середине он разместил очень большую колонну, на которой стояла статуя императора Валентиниана, его брата. Была воздвигнута также мраморная статуя в конхе сенаторов, а другая статуя сидящего самого божественного императора Валентиниана, из дорогого камня, в середине базилики, переходящей в конху. Он построил два изогнутых конца Кинегия, сооружая их с хранилищами и заполняя это место, так как раньше здесь был Мономахий. Он также построил общественную баню рядом с Ипподромом. Он построил и много других замечательных зданий в городе.

31. Сам божественный император Валентиниан покарал многочисленных сенаторов и губернаторов провинций за акты несправедливости, воровства и жадности.

Препозит его дворца [Р. 340] по имени Родан, самый сильный и богатый человек, который руководил дворцом с тех пор, как стал главным евнухом и находился в большой чести, был сожжен заживо на костре из хвороста императором Валентинианом на изогнутом конце ипподрома, в то время как император наблюдал за гонками. Этот препозит Родан захватил некоторое имущество, принадлежащее известной вдове Веронике, и сфабриковал обвинение против нее, пользуясь своей должностью; и она подошла к императору Валентиниану. Как только он стал царем, он назначил патрикия Салютия судьей по этому делу, и тот нашел препозита Родана виновным. Император, узнав о решении патрикия Салютия, приказал препозиту вернуть вдове то, что он похитил у нее. Но Родана не удалось заставить возместить ей

¹ 370 г.

убытки, и он обжаловал действия патрикия Салютия. В гневе император приказал женщине приблизиться к нему, в то время как он наблюдал за скачками, и женщина подошла к нему во время пятого утреннего заезда. В то время как препозит Родан стоял рядом с ним, справа, император отдал приказ, и его вытащили из кафизмы перед всем городом, и доставили в изогнутый конец ишподрома, и сожгли. Император Валентиниан отдал вдове все владения препозита Родана. Он был известен всему народу и сенату как справедливый и безжалостный [правитель]. И великий страх возник среди злодеев и тех, кто захватил чужую собственность, и справедливость восторжествовала.

[Р. 341] Точно так же, услышав, что госпожа Марина, его жена, купила дом недалеко от города, который дал хороший доход, и что она заплатила меньше за недвижимость, чем она стоит, так как ей была сделана скидка как августе, он послал туда оценщиков недвижимости, связав их клятвой. Когда он узнал, что стоимость была гораздо больше, чем цена, заплаченная августой, он рассердился на императрицу, и ее изгнали из города; недвижимость же приказал вернуть женщине, которая продала ее.

32. Император провозгласил его сына Грациана императором. О госпоже Марине вспомнил ее сын Валериан, когда он был сделан императором в Риме его отцом.

Сам божественный Валентиниан был поражен болезнью и умер несколько времени спустя в крепости Бригецион в возрасте 55 лет.

Правление Евгения

33. После правления Валентиниана Великого Безжалостного армия сделала некоего человека по имени Евгений императором, попирая авторитет сената. Он правил в течение 22 дней и был в скором времени убит.

Правление Валента

34. [Р. 342] Сам божественный Валент, брат Валентиниана Беспощадного, человек доблестный в войне, стал править, провозглашенный сенатом Константинополя в 326 г.

эры Антиохии¹. Когда его брат Валентиниан умер, Валент не был в Константинополе, потому что он был отправлен еще при жизни своего брата в Сирмию, чтобы бороться с готами. Он победил их полностью и вернулся, был коронован, и царствовал в течение 13 лет. Он был экзакионит² верой, воитель, великодушный и заядлый строитель.

Как только он начал царствовать, он передал арианами Великую Константинопольскую Церковь и сделал то же самое в других городах. Он старательно унижал христиан во время своего правления.

35. Валент создал провинцию Каппадокию Вторую, отделив его от Первой.

Во время его правления город Никея [Р. 343] в Вифинии пострадал от гнева Божия в сентябре 11-го индикта³. Валент умер во время поездки в Адрианополь во Фракии, для строительства там оружейной мастерской⁴. По пути он остановился на ночлег в пустом доме за городом посреди поля. Дом на поле был подожжен неизвестной рукой, и он оказался заперт на горячей лестнице ночью. Таким образом, он погиб вместе со своими кувикуляриями и спафариями в возрасте 49 лет.

Правление Грациана

36. После правления Валента старший сын Валентиниана, сам благочестивый Грациан, воцарился во время консульства Авзония и Гермогениана⁵. Он правил в течение 17 лет. Он был человеком мирным, щедрым в раздаче почестей.

Во время его правления Теон, самый ученый философ, учил и интерпретировал астрономические работы, особенно труды Гермеса Трисмегиста и Орфея.

На шестом году правления Грациана Феодосий Испанец был провозглашен им императором⁶, так как он женился на сестре Грациана Плацидии.

¹ 367/378 г. В издании Б. Кроука в соответствующем месте опечатка в дате (277/278 г.).

² Арианин.

³ 367 г.

⁴ Фабрика.

⁵ 379 г.

⁶ Соправителем.

[Р. 344] Перед воцарением Грациана Валериан, император Рима, умер. Он был сыном Валентиниана и старшим братом Грациана, и царил в Риме очень немного лет. Его родственник Валентиниан стал императором в Риме, заняв его место.

Император Грациан заболел селезенкой и страдал от этого в течение длительного времени. В то время как он шел через Кохлий на ипподром в Константинополе, чтобы посмотреть гонки, у дверей так называемого Декимона он был убит, скончавшись в возрасте 28 лет.

Правление Феодосия

37. После правления Грациана сенат Константинополя провозгласил императором Феодосия, который был связан с императорской семьей и прибыл из земель Испании. После провозглашения сенатом сам божественный Феодосий Великий, испанец, зять Грациана¹, правил в течение 17 лет. Он был христианином, разумным, благочестивым и энергичным человеком. Как только он стал царем, он сразу же вернулся к православной церкви, издавая повсеместно рескрипты об изгнании ариан. Император короновал двух своих сыновей, которых он имел от первой жены Галлы, и сделал Аркадия императором в Константинополе, а Гонория – в Риме. Император Феодосий разрушил все святилища эллинов на земле. Он также уничтожил большой и знаменитый храм в Гелиополе, известный как Трилитон, и сделал его церковью для христиан. Также храм Дамаска он обратил в христианскую церковь. Он превратил [Р. 345] многие другие [языческие] храмы в церкви, и христианство во время его правления значительно расширилось.

Император отделил Финикию Ливанскую от Финикии Приморской и сделал ее провинцией, дав статус метрополии и [должность] обычного губернатора городу Эмесе. Император также разделил Понт и создал провинцию, которую он назвал Гэмимонт.

38. Во время его правления Исавр Бальбин взбунтовался и опустошил город Аназарв, а также Иренуполь и Кастабалу, города в Киликии. Он был захвачен военным магистром Руфом и казнен.

39. Император Феодосий в этом году снес три [языческих] храма в Константинополе на месте прежнего Акрополя. Он запер храм Гелиоса во внутренний двор, окруженный домами, и даровал его Великой Константинопольской Церкви. Этот двор называется «Двор Гелиоса» и по сей день. Храм Артемиды он обратил в игорный зал для игроков в кости. Это место называется «Храм» и по сей день, а ближняя улица называется «Пожарище». Храм Афродиты он обратил в штаб префекта претория; и также он построил рядом ночлежки и распорядился, чтобы нищие проститутки² могли останавливаться там бесплатно.

Феодосий преобразовал поселение, ранее известное как Решайна³, в город, который был переименован в Феодосиополь; [Р. 346] поселение получило статус города в консульство Меробавда и Сатурнина⁴ и [остается таковым], начиная с этой даты и по сей день.

40. Во время своего правления Феодосий провел Собор 150 епископов в Константинополе о единственности Святого Духа.

Не менее император Феодосий выдвигал префекта претория Антиоха по прозвищу Хузон, старца родом из Антиохии Великой. Как только он был назначен префектом, он сообщил императору Феодосию Великому, что великий город Антиохия в Сирии распространился вширь и увеличился в размерах, и много зданий оказалось за стенами города на расстоянии до мили. Тогда император Феодосий отдал приказ, что дома за пределами города также должны быть окружены стеной. Стена была построена от ворот Филонавта до местечка Родион, новая стена сомкнулась с горой, вплоть до старой стены, построенной Тиберием кесарем. Он протянул новую стену вплоть до потока Фирмин, который спускается в ущелье в горах; он использовал камень из старого Мономахиона, который был на Акрополе. Он также снес акведук, идущий на Акрополь, отделив его от «Вод лаодикейской дороги». Юлий Цезарь построил этот акведук, когда он строил общественную баню [Р. 347] на горе для акрополитов, т. е. остав-

² πόρνας (meretrices)

³ В оригинале – Рофина.

⁴ 383 г.

¹ Муж его сестры (см. выше - XIII, 36).

шихся жить там вместе с теми, кого Селевк Никатор Македонянин выселил в город, основанный им в районе Долины, и которых он попросил жить с ним в нижнем городе – Антиохии Великой.

В то время Гиндар, Литаргон и многие другие небольшие сирийские города были также снабжены стенами.

41. Во время его правления цанны перешли в Каппадокию, Киликию и Сирию, грабя их и снова опустошая.

42. Император Феодосий создал провинцию Новый Эпир, отделив ее от Старого, предоставив статус столицы и должность губернатора городу Диррахию. Также он отделил Вторую Палестину от Первой и создал провинцию, придав статус метрополии и должность губернатора местечку под названием Скифополь.

43. Император Феодосий покинул Константинополь ради Рима и вошел в город Фессалоники. Военные силы, которые были с ним, вызвали бурю негодования в городе за постройку, и так жители Фессалоники взбунтовались и оскорбили императора, и когда он наблюдал за гонками в городе на ипподроме, полностью заполненном, он приказал своим лучникам стрелять в толпу, и целых 15 000 человек были убиты. Епископ Амвросий был зол на него из-за этого и наложил на него интердикт. Он действовал много дней [Р. 348], не входя в церковь, пока епископ не убедил принять его на праздник Рождества Христова. Но только он согласился принять его, как издал высочайший рескрипт, что в любом случае имперского недовольствия, независимо от его природы, отпущение должно быть предоставлено судьями в течение 30 дней, и только после этого приговор будет действовать.

44. Император отделил Вторую Галатию от Первой и сделал ее провинцией, дав городу Пессинунту статус столицы и должность губернатора.

45. Императору Феодосию во время процессии по пути на войну стало плохо в Милане; и там же он умер в возрасте 65 лет. Его останки были доставлены в Константинополь. Когда Феодосий был на грани смерти, он узнал, что Аркадий уехал в Рим, чтобы

посетить своего брата Гонория, который был болен, и поэтому он написал ему, приказав вернуться в Константинополь, чтобы обеспечить [преемственность власти] на Востоке. Но император Аркадий провел некоторое время в Риме со своим братом императором Гонорием, и на столько же задерживается в дороге. Хотя Аркадий возвратился в Константинополь, сенатор Гайна возглавил восстание, желая сам стать императором. Но Аркадий вернулся в Константинополь и казнил восставшего Гайну.

Правление Аркадия

46. После правления Феодосия Великого, испанца, его сын Аркадий царствовал в Константинополе [Р. 349] в целом 23 года, придя из Рима, где он оставил своего младшего брата Гонория. Он был очень быстр в движениях и энергичен. Сразу по прибытии он сделал своего сына, Феодосия Младшего, соправителем в Константинополе.

47. Аркадий создал свой собственный корпус, который он назвал Аркадианы¹. Он заболел и умер внезапно в возрасте 31 года.

Правление Гонория

48. После правления Аркадия его брат Гонорий царил в Риме в течение 31 года. Он был вспыльчивым и целомудренным.

Этот император закрыл храм Сераписа Гелиоса в Александрии Великой.

49. Во время его правления большие гражданские беспорядки произошли в Риме, и он уехал в гневе из-за города Равенны. Он послал, а затем отозвал из Галлии военного магистра Алариха, со своими силами, чтобы грабить Рим. Когда Аларих прибыл в город, он соединил в нем все свои силы и сенаторов – врагов Гонория. Он не вредил никому в городе, но ворвался во дворец и взял все сокровища дворца и сводную сестру Гонория со стороны отца, Пладию, которая все еще [Р. 350] была юной девственницей. Тогда он снова пошел бунтовать Галлию. Констанций, который все еще был комитом у Алариха, и которому была поручена дева Пладия, нашел возможность забрать ее. Он бежал от Алариха и привел ее к императору Гонорию.

¹ Numeri Arcadiaci.

Гонорий был благодарен ему и сделал его сенатором, дал ему Платидию в жены и сделал его императором в Риме. Констанций имел от нее сына, которого он назвал Валентинианом. Во время своего совместного правления с Константием Гонорий убил четырех сенаторских узурпаторов – Аттала, Себастиана, Максима и Константа, которые восставали против него и соблазняли население. После того как они были казнены, а их имущество конфисковано, Констанций оставил Гонория

править в Риме, а сам отправился в Константинополь, чтобы царствовать с Феодосием Младшим.

50. Констанций, император Рима, умер естественной смертью во время жизни и правления Гонория. Тогда, в сотрудничестве с другими сенаторами, сенатор по имени Иоанн восстал и царствовал в Риме. Когда Гонорий узнал об этом, он сошел с ума, заболел водянкой и умер в возрасте 42-х лет.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Joannis Malalae Chronographia / Rec. L.Dindorf. Bonn, 1831.
2. The Chronicle of John Malalas. Melbourn, 1986.

REFERENCIES:

1. Joannis Malalae Chronographia / Rec. L.Dindorf. Bonn, 1831.
2. The Chronicle of John Malalas. Melbourn, 1986.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ:

Болгов Николай Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE TRANSLATOR:

Bolgov Nikolai Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Professor
Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

Липич Т. И.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЕВАНГЕЛИЕ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ»**

Tamara I. Lipich

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE
«THE GOSPEL IN THE CONTEXT
OF MODERN CULTURE»**

15 мая 2014 года на социально-теологическом факультете Белгородского государственного национального исследовательского университета состоялась II Международная научно-практическая конференция «Евангелие в контексте современной культуры», посвященная 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского. В стенах факультета собрались ученые, священнослужители, учителя православной культуры, студенты и все те, кого волнуют вопросы духовного развития современного общества. Рассмотрению этих вопросов были подчинены академические дискуссии и общение «на полях» теоретического разговора, на запланированных и спонтанных конференционных площадках.

Конференция была поддержана Синодальным миссионерским отделом Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Было оглашено Приветственное слово председателя Синодального миссионерского отдела, Митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна (Попова). Перед участниками собрания выступил настоятель кафедрального Преображенского собора г. Белгорода, благочинный I-го Белгородского округа Митрополии Белгородской и Старооскольской протоиерей Олег Кобец. Припоминая духовное подвижничество преподобного

Сергия Радонежского, священник говорил о незыблемости и актуальности традиционных ценностей российской жизни – веры в Бога Живого, молитвенного и деятельного упования на милость Божию ко всем, живущим по примеру Его, непереставаемой любви к Богу и ближнему. Для России, говорил о. Олег, всегда было важным осмысливать жизнь как совместное служение евангельским идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания. Жизненными смыслами семейного ли бытия, общественного или государственного служения православного христианина в России на протяжении веков становились те высокие духовные начала, главным хранителем которых выступает Православная Церковь в лице ее святых отцов, в сонме которых пребывает поминаемый ныне и присно преподобный Сергий Радонежский.

Доклады участников конференции были представлены в широком практико-философском, историческом и богословском спектре.

Проблеме взаимоотношений государства и Церкви в России был посвящен доклад заведующей кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ» профессора *Т.И. Липич*, которая обратила внимание слушателей на сложные дискуссии, идущие в российском обществе, связанные с различными подхода-

ми к пониманию традиционных ценностей и их социальной роли. Известно, что президент В.В. Путин неоднократно высказывал важную мысль о сохранении духовного суверенитета как исторического условия российской государственности и необходимой части нашего национального характера. В основе духовного суверенитета России, как было отмечено в докладе, находятся ценности, разделяемые большей частью общества. Святейший Патриарх Кирилл неоднократно обращал внимание на тот факт, что отрицание традиционных ценностей становится одним из самых опасных проявлений сил духовного разрушения, которое влечет за собою разрушение государственной и всей общественной жизни. Современный диалог государства и Церкви, полагает Т.И. Липич, имеет особенную телеологию: государство заинтересовано в активном участии Русской Православной Церкви как неперменного института гражданского общества в процессе формирования духовно-нравственного и патриотического воспитания молодого поколения.

В выступлении П.А. Черномаза, доцента Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, было обращено внимание на *духовные истоки современного кризисного состояния украинско-российских отношений*. События, разворачивающиеся сегодня в Украине, говорят о том, что евангельские ориентиры оказались смещенными в сторону политической злобы дня, что и повлекло за собой множественные разрушительные последствия в экономике, социальном и собственно политическом взаимодействии двух стран. Забвение духовной брани во имя вечного мира злободневной политической бранью во имя мира временного, ситуативно выгодного, – в этом существо современного масштабного кризиса в отношениях между Украиной и Россией. П.А. Черномаз предлагает принять во внимание евангельские приоритеты при разработке практических шагов для выхода украинского общества из сложного духовного тупика, в котором оно оказалось в результате кризиса. Предлагая к обсуждению перечень

конкретных мер, он указывает на то, что выход не может быть односторонним, не может быть следствием прямой заботы о себе. Этот выход предполагает взаимность и осознание ответственности сторон, «заботу о другом» как условие заботы о себе; таков евангельский принцип всякого социально-политического мышления и действия.

Проблемам осмысления современного мира сквозь призму евангельского опыта посвятил пленарный доклад профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» С.А. Колесников. Он предложил *взглянуть на современный мир и вырастающую из него духовную культуру глазами политически ответственного историка-теолога*. Докладчик анализировал концепт тео-историзма, который характеризуется единичным фактом явления Христа, что в свою очередь приводит к возникновению единообразного, канонического мировидения, выраженного в единственно приемлемом Церковью Символе веры. Этот символ православного христианина может рассматриваться и как «документ», определяющий историко-политическую позицию верующего. Монистическая система ценностей христианства, как полагает С.А. Колесников, позволяет говорить и о едином историко-политическом мировоззрении христианства. В целом, историографический путь Церкви лежит в области миссии, обретающей свои очертания в свете современных проблем, которые предстоит решать тео-историографии.

В своем докладе «*Дмитрий Донской, Сергей Радонежский и Митрополит Киприан в 1380 г.*» профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» В.В. Пенской коснулась проблемы, вызывающей споры среди ученых-историков (и не только среди них), – отношения власти и Церкви в канун Куликовской битвы. Как известно, в конце 70-х гг. XIV в. Дмитрий Иванович, великий князь московский, стремился к тому, чтобы на вакантную после смерти митрополита Алексия митрополию кафедру был поставлен политически близкий ему новоспасский архимандрит Митяй, против которого были настроены

многие русские епископы. Долженствовавший, по замыслу Константинополя, преемствовать Алексею митрополит Малой Руси и Литвы Киприан был Дмитрием Ивановичем отвергнут, причем в грубой форме. Оскорбленный в своем служении Киприан ответно применил отлучение. Это отлучение, как обосновывается в докладе, не могло не коснуться и Дмитрия, поскольку без его воли насилие над митрополитом Киприаном не могло быть свершено. Сергей Радонежский, один из участников этого церковно-государственного конфликта, оказался перед сложнейшим нравственным выбором – стоит ли ему поддержать весьма дерзкого в церковном общении великого князя в его борьбе с темником Мамаем, признавать ли благодатными помыслы и стремления этого военачальника? Отсюда, проблематичным становится вопрос о благословении Сергея Радонежского: действительно ли оно было преподано Дмитрию и его воинству накануне Куликовской битвы? Или же получение этого благословения было лишь помыслом Дмитрия, который последующая историография преобразовала в исторический факт? Документы истории весьма противоречивы. В.В. Пенской реконструирует, насколько позволяют документы, картину взаимоотношений между Сергием и Дмитрием накануне Куликовской битвы. Но сам вопрос, имело ли место благословение Сергием Дмитрия и его воинства на решающий бой с татарской ордой, оставляется в качестве нерешенного; для его прояснения требуются новые исследовательские усилия.

Доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» протоирей *Юлиан Гоголюк* трактовал *социальные аспекты богословия Святой Троицы*. Троическое богословие должно быть принято во внимание не только для построения богословия личности, но и богословского осмысления социальных феноменов. Любая форма сообщества – семья, школа, университет, христианская община, город, нация – призваны быть живой иконой Святой Троицы. Вера в Троичного Бога подвигает нас к борьбе против бедности, эксплуатации, угнетения и болезней.

Профессор Питтсбургской богословской семинарии *Джон Буржесс* предложил *ситуативное практико-богословское исследование жизни православного женского монастыря Преображения Господня в Элвуд Сити (Пенсильвания, США) – в протестантском мире*. При этом уточнялся тезис о том, что традиционные протестантские церкви постепенно теряют влияние на современное американское общество, а православное свидетельство о Евангелии, напротив, становится все более существенным для новых поколений христиан США.

Е.Н. Мотовникова, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ», посвятила свое выступление рассмотрению *позиции Н.Н. Страхова, анализировавшего свободное толкование Евангелия Л.Н. Толстым*, и показывающее нравственно-религиозный подвиг-порыв Толстого с объективной и не осуждающей позиции «зрителя» толстовского мира. Известно, что Толстой не ставил под сомнение само Евангелие, он искал его высокого и чистого понимания для того, чтобы следовать ему самым полным и совершенным образом. Н.Н. Страхов призывал увидеть в опыте Толстого свидетельство возможностей каждого открыть для себя свое истинное положение в мире людей, культуры, государства, увидеть и понять степень осмысленности своей жизни, собственной души.

Весьма неожиданный взгляд на евангельскую проблематику предложил в своем выступлении проректор Белгородской Православной Духовной семинарии, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» протоирей *Сергей Дергалев*. В своем докладе он коснулся *христианских мотивов, представленных в современном российском песенном творчестве*. Обосновывалось, что типологическое внимание к евангельскому слову содействует пониманию смысловых перспектив современной, вновь творимой музыки. Были предложены критерии и классификацию современного песенного творчества, имеющего христианские мотивы (с обращением к слову Ветхого и Нового Заветов,

высказываниям Святых Отцов и Учителей Церкви).

Выступление доцента кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» М.Ю. Ширмановой касалось проблемы духовного просвещения и перспектив ее решения в современных российских образовательных практиках. Наполнение образовательной парадигмы человеческой личности духовно-онтологическим содержанием является традиционным для отечественной философии образования. Духовное просвещение – это не просто обучение учащихся на рационально-информативном уровне, но и творческая деятельность, которая призвана способствовать самовоспитанию и самосозиданию личности в образовательном процессе. Практика духовного просвещения как воследование Христу является, как показывает мировой опыт христианского образования, весьма эффективной. Свет Христовой истины – «истинный свет, просвещающий и освещающий всяческие», – всегда подлинно освещал собою человека, неложно следовавшего за Христом и тем возраставшего личностно, отдавая себя делу научного, общественно-государственного или какого-то иного служения. Осуществление духовного просвещения на основе евангельского призыва к человеку быть с Богом, близ Него, как созданному по образу и подобию Божию, делает современное образование максимально прочным, надежным. Образование никогда не примет окончательных форм; образование – это живая практика Богообщения, тем более надежная, что только в ней и не иссякает прилежание во времена образовательных экспериментов и прельщений, – тогда, когда «по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Мф 24, 12). Ненадежно прилежание во имя консуматорного комфорта, удовольствий телесных или душевных; как и ненадежно увлечение абстрактной научностью истин общего образования. По слову митрополита Филарета (Дроздова), «свет одного научного образования без истины Христовой есть свет луны без солнца. Свет холодный, безжизненный». Осветиться светом Христовой истины и укрепить

пить узы любви между всеми, кто принимает участие в деле современного образования, – первоочередная перспектива духовного просвещения, без которого успех современного образования никогда не был возможен.

Тему продолжила профессор Харьковской государственной академии железнодорожного транспорта В.В. Компаниец. Она обратила внимание всех участников конференции на ключевые проблемы в развитии современного образования. Отмечалось, что наше постсоветское общество больно аномией, когда безнравственность принимается как норма, когда господствует безответственность и безнаказанность, культивируется принцип «все продается и все покупается». Вместе с тем, масштабный постсоветский политикум со всеми его институтами, организация постсоветского образования, воспитания, работа СМИ не способствуют развитию основ православной культуры, что в свою очередь может привести к потере социокультурной идентичности и серьезным нарушениям в общественной жизни, осуществляющейся прежде всего в духовно-нравственных координатах. Есть ли выход из сложившегося кризиса, в чем заключается миссия постсоветских университетов и главные задачи университетского социально-гуманитарного сообщества в настоящее время? Что необходимо сделать для того, чтобы выработать новую стратегию образования, которая позволила бы системным образом ответить на вызовы современного мира? Все эти вопросы задают себе думающие люди, неравнодушные к судьбе Отечества. В.В. Компаниец предложила обратиться к творческому наследию великого русского ученого И.А. Ильина, который считал, что будущее страны находится в руках учителя. Он считал, что основой русского национального характера является любовь и вера, в том числе, это любовь к Богу и Отечеству. Поэтому, по мнению докладчика, необходимо выстраивать систему образования в соответствии с принципом нравственного соотношения, что способствовало бы созданию и нового общества, и новой экономики.

На конференции работали *практико-ориентированные секции*, в которых обсуждались различные аспекты *истории христианской культуры и актуальная культурная повседневность* – от анализа иконы, ее роли в Православной Церкви (*А.И. Парасоцкая*), иконографии ангелов в византийской традиции (*В.В. Серетарева*), отображения Евангелия в иконописи (*О.С. Тринева*) до влияния фэн-шуй на современную культуру (*А.В. Кривко*), анализа конфессионального и численного состава коммерческих культов в социальных сетях (*Р.В. Шилищанов, Д.С. Рожкова*). На секции шел заинтересованный разговор о роли наследия Сергия Радонежского, его воплощении в учебно-воспитательном и образовательном процессе современной школы. *Г.С. Аникина* говори-

ла о практической востребованности жития Сергия Радонежского во внеклассной работе. *Е.Н. Емельянова* и *Е.Ф. Кукушкина* обратили внимание на важность духовно-религиозного наследия Сергия Радонежского в воспитании не только школьников, но и молодежи в целом. Несколько докладов были посвящены проблемам современной семьи, ее евангельским основам и историческим формам.

В целом, конференция стала своего рода междисциплинарным центром академического разговора и практических дискуссий о духовно-нравственных ценностях нашего общества и перспективах обновления социальных и гуманитарных исследований, о возможном их евангельском преломлении в актуальных социальных практиках, среди которых важнейшая – научно-образовательная.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:**Липич Тамара Ивановна***доктор философских наук, доцент*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: lipich@bsu.edu.ru**DATA ABOUT THE AUTHOR:****Tamara Ivanovna Lipich***Doctor of Philosophy, Associated Professor*Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
E-mail: lipich@bsu.edu.ru

Valentin A. Zubarev

**THE PAST THAT DOES NOT LET GO...
A FEW WORDS ABOUT CULTURAL
STUDIES OF MAYA**

ABSTRACT

The research is of great interest due to the overall situation in the history of the ancient American civilizations, to the growing interest in religion, mythology, and the worldview of pre-Columbian inhabitants of America.

Before the arrival of Europeans, the people on the unknown territory developed in their own special way. This fact is of particular interest as they didn't feel the influence of other cultures and civilizations. The people did not adopt the experience of other nations. Their life, culture, writing, architecture, painting were unique and had no analogues. This isolation allows us to recreate and analyze the way of evolution and the development of thinking.

Also, here we have a huge, slightly unexplored cultural layer. The process of «discovery of America» has begun recently. It continues up to now. The Maya writing was deciphered in the mid-twentieth century by the Soviet scientist-linguist Knorozov. In the selva of the Yucatan, the lost Maya cities were discovered almost every year.

Key words: Mesoamerica; Maya; Ancient civilization; Pre-Columbian.

Зубарев В. А.

**ПРОШЛОЕ,
КОТОРОЕ НЕ ПРОХОДИТ...
НЕСКОЛЬКО СЛОВ
О КУЛЬТУРОЛОГИИ МАЙЯ**

The Mayan culture is considered to be the most developed of all existing ones on the American continents. It is a logical extension of the Olmec and Toltec traditions. The magnificent palaces and pyramids, developed political and military hierarchy, their polytheistic world view which represented a complex system, hieroglyphic writing, literature, folklore and science, music and ritual games were typical for the Mayans.

These are perhaps the main aspects that make up the backbone of the culture. It was said a lot as far as each item is concerned. Hundreds of works were written by foreign researchers as well as native ones. But when we discuss the culture of certain people we do not mean mythology or architecture apart. In fact the literature is linked to mythological scenes. Most architectural monuments have a religious meaning. Writing reflects the achievements of science and history.

The phenomenon of the civilization of Maya is that the people in their development were

not influenced by other cultures. Being in a certain cultural incubator it evolved independently from the very beginning. If the civilization developed in isolation, we should estimate the achievements of it in a different way. It is impossible to apply Greek or any other ancient state templates.

The Mayan architecture, for example, as well as the other of Central America was characterized by stepped pyramids with truncated apex with a small temple on the top. A wide staircase with steep steps was on the way from the foot of the pyramid to the door of the temple. There were large pyramids stairs on four sides. Stairs stretched from foot to apex without a breach of continuity or from ledge to ledge. Another type of construction, conventionally called «palaces», was a narrow, elongated building divided into several rooms inside. Palaces were also artificially raised platform, but their height was much less the pyramids. If the pyramids were religious

buildings then the «palaces» were likely to serve dwellings for the nobility and priests.

Temples and palaces were decorated with ornaments and bas-reliefs of mythological themes. Stelae (stone slabs) with plotted images of people should be noted as well as the hieroglyphic inscriptions and dates. The American scientist of Russian origin – Tatiana Proskuryakova made the breakthrough in the study of the history of the ancient Maya. [5, p. 240] M. Coe referred that Proskuryakova had analyzed inscriptions of 35 monuments of the «city» Piedras Negras marked with Mayan calendar dates. She found out that there was a definite regularity in disposition of such monuments located in front of architectural structures. All monuments formed seven stand-alone groups. Calendar stele dates matched average life expectancy. On this basis they assumed that each group represented Chronicle of a certain reign. Nowadays there are a number of facts supporting the theory. On the first monument of each group a figure of a young man sitting in a niche above the platform or plinth was depicted. Two important calendar dates were carved usually on a stele. One of them with added hieroglyph in the form of an animal's head with a bandaged cheek pointed to the time of arrival of this character to power; the other accompanied by hieroglyph of a frog with raised legs pointed to the time of birth of that man. Older monuments of the same group probably were linked with events such as marriage and the birth of heirs. Tatiana Proskuryakova was able to identify the signs associated with the names and titles, especially with the names and titles of the female characters which stood out in the classical era of the Maya sculpture. References to military victories especially if the governor had managed to seize an important enemy were on stelae [2, pp. 229–236]. Later after deciphering Maya writing by Knorozov Proskuryakova's theory received irrefutable proof.

All areas of the Maya art are interlaced. It is impossible to understand the meaning of the sacred ball game not knowing the rituals for the sake of competitions were held. Ritual can't be comprehended without understanding their world view, known as the subject of study artworks, including literature. In order to understand the meaning of their art one has to learn

the mythology and religion. The level of science is estimated after reading texts, but to read texts means to be acquainted with the script.

The study of Mesoamerica is a very lively and interesting theme. Almost every year Americanists of different countries make discoveries to revise our understanding of culture and sometimes facts as far as this region is concerned. Here a few examples are. According to archaeologists' points of view (Willie G. and Bullard W., 50-th of the XX century) settlement of the classical period were «ceremonial centers» where only priests lived. The lower levels of the settlement hierarchy were represented by smaller «ceremonial centers» and villages. The bulk of the population lived there. In Gulyaev's book published in 1979 [3], the author examines the structure and functions of the city in the early class society. Here he cites Willie's study where the archaeologist indicates that there are three types of settlements: «The first one (type "A") was a ritual center surrounded by residential buildings. They were arranged so closely that their inhabitants could not engage in agriculture on the remaining vacant lots. The second type ("B") was distinguished by the fact that there was a ritual center in front of us. It had no dwelling. The houses were widely scattered throughout the neighborhood. The third type ("C") was similar to the second one ("B") so as there were no ordinary people in the ritual center. And farmers supporting the center were concentrated in villages and towns having their own minor ceremonial centers of small scale» [3, p. 164]. Pay attention: it took Willie less than 30 years to add new details to his investigations which were of great importance.

In journal «Science» (15th of September 2006) a group of authors published an article «Oldest Written in the New World». It was about the archaeological discovery known as «Cascajal block». Symbols of this block looked like the Maya hieroglyphic texts. Block dated back from 900 BC. Scientists believe that they have the sample of Epi-Olmec script which apparently is the ancestor of the Maya writing. If the authenticity of the block is confirmed, the history textbooks will have to make adjustments [5, pp. 1610–1614].

One more example: on the 11th of July 2013 workers found the ruins of an ancient settlement

in the municipality Jaltipan (eastern state of Veracruz). A twelve meter pyramid was excavated among other things by archeologists. The age of settlement is about 2000 years. It was the first stone pyramid detected in this region [1].

Thus, the information obtained from the books of 60–70 years of XX century must be specified. And the data of the books of earlier editions should be checked.

REFERENCES:

1. 2, 000 – Year Old Pyramid and Multiple Pre-Columbian Burial Sites Found in Veracruz, Mexico. URL: <http://beforeitsnews.com/alternative/2013/07/2000-year-old-pyramid-and-multiple-pre-columbian-burial-sites-found-in-veracruz-mexico-2708338.html> (date of access: June 25, 2014).

2. Coe, M. Maya. Vanished Civilization: Legends and Facts. Moscow, 2001. 270 p.

3. Gulyaev, V. City–States of the Maya (Structure and functions of the city in the early class society). Moscow: Nauka, 1979. 188 p.

4. Proskuryakova, T. Maya History. Austin: University of Texas Press, 1993. 240 p.

5. Rodríguez Martínez, Ma. Del Carmen, Ponciano Ortíz Ceballos, Michael D. Coe, Richard A. Diehl, Stephen D. Houston, Karl A. Taube and Alfredo Delgado Calderón. Oldest Writing in the New World. *Science*. September 16, 2006. Washington. Pp. 1610–1614.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зубарев Валентин Алексеевич
аспирант

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: vazemus@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTOR:

Zubarev Valentin Alekseevich
Postgraduate Student

Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: vazemus@mail.ru